

Тезисы докладов
XXIV
Международной
научной
конференции

«КИТАЙ
И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
ФИЛОСОФИЯ
ЛИТЕРАТУРА
КУЛЬТУРА»

Москва 7–8 июня 2023 года

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Тезисы докладов
XXIV
Международной
научной
конференции

«КИТАЙ
И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
ФИЛОСОФИЯ,
ЛИТЕРАТУРА,
КУЛЬТУРА»

Москва 7–8 июня 2023 года

Москва
ИКСА РАН
2023

УДК 008(510+5-012)(082)
ББК 71(5Кит+55)я43
Т29

Рецензенты:

Рукодельникова М.Б., к.филол.н., доцент,
зав. кафедрой восточных языков Института лингвистики РГГУ;
Стеженская Л.В., к.филол.н.,
доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ), Институт классического Востока
и античности; в.н.с. ИКСа РАН

Ответственный редактор:

Н.Л. Кварталова

Т29 Тезисы докладов XXIV Международной научной конференции «Китай и
Восточная Азия: философия, литература, культура». Москва, 7—8 июня
2023 г. — М. : ИКСа РАН, 2023. — 204 с.

ISBN 978-5-8381-0468-7

DOI 10.48647/ICCA.2023.20.15.001

В сборнике опубликованы тезисы участников двадцать четвертой Международной научной конференции Центра изучения культуры Китая, прошедшей в ИКСа РАН в смешанном очно-заочном формате 7 и 8 июня 2023 года. В конференции приняли участие более пятидесяти ученых из России, Китая, Беларуси, Германии, Италии и Нидерландов. В докладах были затронуты современные проблемы философии, литературы и культуры Китая и других стран Восточно-Азиатского региона.

Ключевые слова: Китай, философия, культура, история, литература, Япония, Корея.

УДК 008(510+5-012)(082)
ББК 71(5Кит+55)я43

ISBN 978-5-8381-0468-7

© Коллектив авторов, 2023
© ИКСа РАН, 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and contemporary Asia

**XXIV International Scientific
Conference
“China and East Asia:
Philosophy, Literature, Culture”**

June 7—8, 2023

Abstracts

Moscow
ICCA RAS
2023

Reviewer
N.L. Kvartalova

XXIV International Scientific Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture”. June 7—8, 23. — M.: ICCA RAS, 2023.

Abstracts of the twenty-fourth International scientific conference of the Center for the Study of Chinese Culture, held at the ICCA RAS in a mixed part-time format on June 7 and 8, 2023, are published in the collection. More than fifty scientists from Russia, China, Belarus, Germany, Italy and Netherlands took part in the conference. The reports touched upon modern problems of philosophy, literature and culture of China and other countries of the East Asian region.

Keywords: China, Philosophy, Culture, History, Literature, Japan, Korea.

СОДЕРЖАНИЕ

Абраменко В.П. Даосский принцип антропоцентризма в учении Л. Н. Толстого	13
Абрамов С.А. Восприятие маоизма в Италии	16
Барский К.М. Китайская дипломатическая культура и культурная дипломатия КНР в свете итогов 20 съезда КПК	19
Башикеев В.В. К вопросу об историографической рефлексии социально-политического процесса: социальные группы различного масштаба в традиционной историографии древнего Китая	26
Белая И.В. О даоске Цао Вэнь-и и поэме «Лин юань да дао гэ»	29
Березкин Р.В. «Жизнеописание господина из Пули» Лу Гуймэна (сер. IX в.) как образец китайской автобиографической литературы эпохи Тан	32
Блажкина А.Ю. Управление на основании добродетели (по материалам «Кун-цзы цзя юй»)	35
Бобрикова Е.А. Стилистические особенности трактата Цзи Чэна «Устройство садов» (园冶 Юань, XVII в.)	38
Ван Е 王叶 Анализ повествовательного искусства «Тихого Дона» с точки зрения визуального измерения	41
Ван Ицунь 王逸群 Сычуаньская опера как искусство пения	45
Верченко А.Л. Свадебные подарки как социальная проблема современного Китая	49
Виногородская В.Б. Знание в сети: КНР между открытыми соцсетями и платными приложениями	52
Главева Д.Г. Эко-гармоничная «картина мира» в традиционной японской культуре (на примере трактата Хакуина «Оратэгама»)	59

Дондокова М.Ю.	
Развитие китайской поэзии сегодня глазами Хань Дуна 韩东	64
Донченко А. И.	
Историческое начало изобразительного искусства Нового Китая	67
Емельченкова Е.Н.	
Пекинизмы как важнейший элемент художественного языка Лао Шэ	70
Жань Цзиньхун 冉锦红	
Сравнение идей Платона и Конфуция о воспитании	73
Жилкибаев С.Н.	
Новейшая политическая история Китая в поэзии Ван Мина	77
Завидовская Е.А.	
Цинские альбомы о провинции Юньнань как источник сведений об истории и этнографии региона	80
Завьялова О.И.	
Фамильный иероглиф Си в современном медиапространстве	89
Зиганшин Р.М.	
Гадания и знамения в военном деле древнего Китая	92
Ивович Е.В.	
Скрытые механизмы Тайцзицюань в бизнесе	95
Исаев А.С.	
Авторское кино в Китае: состояние, тенденции развития, перспективы. К 35-летию выхода фильма «Красный гаолян» Чжан Имоу, и 40-летию кинокартины «Желтая земля» Чэнь Кайгэ	98
Карпенко Е.В.	
Дискуссии вокруг послесловия Чжан Чжу к художественному произведению «Цинмин шанхэту»	100
Кварталова Н.Л.	
Влияние Бертрана Рассела на науку в Китае в 20-х годах XX века	103
Коваль В.И.	
О некоторых прецедентных именах в романе «Цзинь, Пин, Мэй»	106
Коробицына А. К.	
Религиозная политика восточноханьского императора Гуан-у-ди (25—57 гг.) во время гражданской войны 22—40 гг. в Древнем Китае	109
Коробова А.Н.	
Функции экфрасиса в прозе Фэн Цицзя (на материале повести «Спасибо жизни» и рассказа «Резная трубка»)	112
Крушинский А.А.	
Логика обстоятельств против логики намерений: смертельное «пари» Гуань Юя с Чжугэ Ляном	115

Куликова А.А.	
Особенности проблематики современной китайской женской прозы	118
Кутафьева Н.В.	
Полисемантическая лексема суммимасэн «извините» в японской культуре и языке	121
Малая В.М.	
Опера «Война и мир» в постановке МАМТ на сцене Тяньцзиньского Большого театра: к вопросу о взаимодействии между Россией и Китаем в театральной сфере в нач. XXI в.	124
Меркулов К.К.	
О значении идей истинного добра в духовной культуре и общественно-политической идеологии народов Отечества и Китая: проблемы и перспективы их «сопряжения» в XXI веке н.э.	128
Митькина Е.И.	
Первые переводы произведений Агаты Кристи в Китае в начале XX века	132
Михалькова Н. В.	
Вариативность иероглифической картины мира (на примере детерминативов сложносоставных знаков китайского языка)	134
Муратишина К.Г.	
Деятельность Институтов Конфуция в странах Юго-Восточной Азии	137
Перегудин К.В. (Иеромонах Кирилл)	
Влияние концепта «лицо» (面子) на самосознание китайских христиан	140
Пиковер А.В.	
Между символом и смыслом: передача знания в традиционном ушу на примере тайцзи	144
Пиццов К.М.	
Свидетельство очевидца о придворном театре конца эпохи Мин	147
Пушкарская Н.В.	
Школа Цзы Сы 子思 и Мэн-цзы 孟子 Сы Мэн сюэпай 思孟学派 и текст «У син» «五行»	150
Пэн Юхай 彭玉海	
Метафорическая семантика глаголов — исследование синтаксиса	153
Рябухин И.Н.	
К вопросу о причинах и истории создания «Каменного канона [эпохи] Кайчэн»	158
Семенюк М.В.	
Современный китайский писатель Сунь Ганьлу: литература о литературе	161
Серова С.А.	
Китайский традиционный театр: история — социум — актер	164

Станьева В.В.	
Толкование сновидений в монгорском варианте эпоса «Гэсэр»	167
Старостина А. Б.	
Конфуцианство Лу Цзя в интерпретации Ван Чуна	170
Хуан Лилиан 黄立良	
Истоки советско-российского комплекса	173
Цой И.В.	
Дегероизация и осмысление повседневности в малой прозе современных южнокорейских авторов — Пак Мингю, Ким Ёнха, Ким Ёнсу	180
Чигадаев А.А.	
Хорошие пути для монахинь в современном обществе: анализ сочинений Мастера Тайсюя о буддийском модернизме	183
Чжан Юн 张勇	
Исследование деяний Ши-дэ, монаха храма Гоцин в горах Тяньтай, династия Тан	186
Шулунова Е.К.	
Сценическое творчество Сюн Юаньвэя	189
Яковенко С.В.	
Образы демонических старух в сборниках иллюстрированных свитков Торияма Сэкиэн	192
Сведения об авторах	195

CONTENT

<i>Vladimir P. Abramenko</i>	
Taoist principle of anthropocentrism in the teachings of L. N. Tolstoy	13
<i>Sergey A. Abramov</i>	
The Perception of Maoism in Italy	16
<i>Kirill M. Barsky</i>	
China’s Diplomatic Culture and Cultural Diplomacy of the PRC in Light of the Outcomes of the 20th CPC Congress	19
<i>Victor V. Bashkeev</i>	
On the Historiographical Reflection of Socio-political Processes: Social Groups of Different Scales in the Traditional Historiography of Ancient China	26
<i>Irina V. Belaya</i>	
About Daoist Nun Cao Wen-yi and the Poem “Ling yuan da dao ge”	29
<i>Rostislav V. Berezkin</i>	
“Biography of the Gentleman from Puli” by Lu Guimeng (middle of IXth century) as an example of Chinese autobiographical literature of the Tang dynasty	32
<i>Anastasia Y. Blazhkina</i>	
Governing the Country on the Basis of Virtue (Based on “Kong-zi jia yu”)	35
<i>Elena A. Bobrikova</i>	
Stylistic Features of Ji Cheng's Treatise “Gardening” (园冶 Yuanye, 17th century)	38
<i>Wang Ye</i>	
An analysis of the narrative art of And Quiet Flows the Don from visual dimension	41
<i>Wang Yiqun</i>	
Sichuan Opera as an Art of Sighing and Chanting	45
<i>Alla L. Verchenko</i>	
Wedding Gifts as a Social Problem of Modern China	49
<i>Veronika B. Vinogradskaya</i>	
Knowledge on the Net: PRC between Open Social Media Platforms and Paid Apps	52

<i>Diana G. Glaveva</i>	
Eco-harmonious “picture of the world” in traditional Japanese culture (on the example of Hakuin's treatise “Orategama”)	59
<i>Maksara Y. Dondokova</i>	
Chinese poetry today from Han Dong's point of view	64
<i>Anna I. Donchenko</i>	
The historical beginning of the fine arts of New China	67
<i>Elena N. Emelchenkova</i>	
Pekingese vocabulary as the most important element of the language of Lao She	70
<i>Ran Jinhong</i>	
Comparison of the ideas of Plato and Confucius on education	73
<i>Sanat Zhilkibaev</i>	
China's Recent Political History in Wang Ming's Poetry	77
<i>Ekaterina Zavidovskaya</i>	
Qing Dynasty Albums on Yunnan Province as a Source on History and Ethnography of the Region	80
<i>Olga I. Zavyalova</i>	
Character 翊 Xi in modern media space	89
<i>Rinat M. Ziganshin</i>	
Divination and omens in the military of ancient China	92
<i>Ekaterina V. Ivovich</i>	
The hidden methods of Taijiquan in application to business	95
<i>Alexander S. Isaev</i>	
Art films in China: current status, trends and prospects. To the 35th anniversary of the release of Zhang Yimou's film “Red Kaoliang”, and the 40th anniversary of the film “Yellow Earth” by Chen Kaige	98
<i>Elena V. Karpenko</i>	
Discussions over Zhang Zhu's afterword to the painting “Qingming Shanghetu”	100
<i>Natalya L. Kvartalova</i>	
The Influence of Bertrand Russell on Science in China in the 1920s	103
<i>Vladimir I. Koval</i>	
About some precedent names in the novel “Jin, Pin, May”	106
<i>Anna K. Korobitsyna</i>	
Eastern Han emperor Guangwu religious policy during 22—40 AD civil war in Ancient China	109
<i>Anastasia N. Korobova</i>	
The functions of ecphrasis in Feng Jikai's prose (based on the story “Thanks to Life” and the short story “Carved Pipe”)	112

<i>Andrei A. Krushinskiy</i>	
The logic of circumstance versus the logic of intentions: Guan Yu's deadly “bet” with Zhuge Liang	115
<i>Anastasiia A. Kulikova</i>	
The Specifics and Controversies of the Modern Chinese Female Prose	118
<i>Natalia Kutafeva</i>	
Polysemantic lexeme sumisasen in Japanese culture and Japanese language	121
<i>Vera M. Malaya</i>	
The opera “War and Peace” staged by MAMT at the Tianjin Bolshoi theatre: towards a theatrical cooperation between Russia and China in the early 21st century.	124
<i>Katenariy K. Merkulov</i>	
On the Significance of the Ideas of True Good in the Spiritual Culture and Socio-Political Ideology of the Peoples of the Fatherland and China: Problems and Prospects for Their “Conjugation” in the 21 st Century A.D. (Brief Theses)	128
<i>Evgenia I. Mitkina</i>	
The first translations of Agatha Christie's works in China in the first half of the 20th century	132
<i>Nadezhda V. Mikhalkova</i>	
Variation of the Chinese character picture of the world (on the example of determinatives of compound signs)	134
<i>Ksenia G Muratshina</i>	
Activities of Confucius Institutes in Southeast Asia	137
<i>Konstantin V. Peregudin (Hieromonk Kirill)</i>	
The Influence of the Concept “Face” (面子) on the Self-Consciousness of Chinese Christians	140
<i>Alexander V. Pikover</i>	
Between symbol and meaning: the transfer of knowledge in traditional Wushu by the example of Tai chi	144
<i>Konstantin M. Pistsov</i>	
Eyewitness account of the Late Ming court theater	147
<i>Natalia V. Pushkarskaia</i>	
The school of Zi Si 子思 and Meng-zi 孟子 Si Meng xuepai 思孟学派 and the text “Wu xing” “五行”	150
<i>Peng Yuhai</i>	
Semantic-Syntactical Investigation of Conceptual Metaphor of Verbs	153
<i>Igor N. Riabukhin</i>	
On the subject of the causes and history of the creation of “Stone canon of Kaicheng [era]”	158

<i>Maria V. Semenyuk</i>	
Contemporary Chinese writer Sun Ganlu: literature about literature	161
<i>Svetlana A. Serova</i>	
Chinese traditional theater: history — society — actor	164
<i>Vladislava V. Staneva</i>	
On the interpretation of dreams in the Monguor version of the epic “Gesar”	167
<i>Aglaya. B. Starostina</i>	
Lu Jia's Confucianism as interpreted by Wang Chong	170
<i>Huang Liliang</i>	
Origins of interest in the Soviet Union and Russia	173
<i>Inna V. Tsoy</i>	
De-heroization and comprehension of everyday life in the stories of contemporary South Korean authors — Pak Minkyu, Kim Yŏngha, Kim Yŏnsu	180
<i>Aleksei Chigadaev</i>	
Good Paths for Female Monastics in Contemporary Society: An Analysis of Master Taixu’s Discourses on Buddhist Modernism.	183
<i>Zhang Yong</i>	
A Textual Study of the Deedes of Shi-de,a Service personnel at Guoqing Temple in Mountain Tiantai, Tang Dynasty	186
<i>Evgenia Shulunova</i>	
Xiong Yuanwei 's creativity	189
<i>Sergei V. Yakovenko</i>	
Images of demonic old women in collections of illustrated scrolls of Toriyama Sekien	192
Information about authors	195

В.П. Абраменко
ИКСА РАН

ДАОССКИЙ ПРИНЦИП АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В УЧЕНИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. определяя существенные стороны христианского и даосского учений, яснополянский мудрец Л.Н. Толстой раскрывает их глубинный смысл. Привлекая фрагменты перевода одного из основных канонов даосизма «Дао дэ цзин», яснополянский мудрец сравнивает учение Лао-цзы с христианским учением и рассуждает о телесной и духовной жизни человека. Толстой отождествляет Небо с Дао и приравнивает Дао к Богу. По Толстому, посредством любви Человек воссоединяется с Богом, любовь же достигается на пути к Богу отстранением от всего телесного (личного). Размышления Толстого о духе и теле в учении Лао-цзы по сути своей представляют концептуальную духовную максиму. Проецируя ее на эмпирический мир, писатель подразумевает под телесным благом — страдание, горе, болезнь, смерть; под духовным благом — отсутствие таковых. Принимая во внимание даосский принцип антропоцентризма, Толстой помимо идеи расположения человека в центре природного и социального мироустройства декларирует и то, что человек объединяет в себе две стороны: духовное единство и телесную множественность. Находясь в центре, он играет роль субъекта, гармонизирующего мир. В случае нарушения гармонии между сторонами человек обязан искать пути их уравнивания.

Ключевые слова: антропоцентризм, Дао, учение Толстого, Лао-цзы.

Vladimir P. Abramenko
ICCA RAS

Taoist principle of anthropocentrism in the teachings of L.N. Tolstoy

Abstract. the report traces how the writer L. N. Tolstoy, defining the essential aspects of the Christian and Taoist teachings, reveals their deep meaning. Drawing on fragments of the translation of one of the main canons of Taoism «Tao de jing», the Yasnaya Polyana sage compares the teachings of Lao-zi with Christian teaching and discusses the bodily and spiritual life of a person. Tolstoy identifies Heaven with Tao and equates it with God. According to Tolstoy, through love a person is reunited with God, but love is achieved on the way to God through abstinence from everything bodily (personal). Tolstoy's reflections on the spirit and the body in the teachings of Lao-zi are essentially a conceptual spiritual maxim. Projecting it onto the empirical world, the writer means by bodily good — suffering, grief, illness, death; by spiritual good — the absence of such. Taking into account the Taoist principle of anthropocentrism, Tolstoy, in addition to the idea of placing a person at the center of

the natural and social world order, declares that a person combines two sides: spiritual unity and bodily multiplicity. Being in the center, he plays the role of a subject that harmonizes the world. In case of violation of harmony between the parties, a person is obliged to look for ways to balance them.

Keywords: anthropocentrism, Tao, Tolstoy's teaching, Lao-tzi.

Генезисные корни даосизма находятся в предфилософских идейных образованиях. Из них даосизм наследует и антропоцентричность. Человек является составной частью мировой триады Небо—Человек—Земля и находится в центре этой триады. Размещение Человека в середине предоставляет ему возможность видеть, что происходит вовне, и считать с узоров Неба и Земли гармонию культуры Дао [Лукьянов 1993, 19]. Небо устанавливает для Человека этические нормы, эстетические идеалы, которые находят воплощение в культуре, т. е. Небо дает Человеку духовность. Земля дарует ему телесность, а в своей душевности Человек совмещает в себе духовность и телесность. Середина, являясь мерой равновесия, порядка и гармонии, определяет всю мыслительную парадигму даосского философского сознания.

Л.Н. Толстой в небольшом предисловии к книге «Изречения китайского мудреца Лао-Тзе», привлекая фрагменты перевода одного из основных канонических даосизма «Дао дэ цзин», сравнивает учение Лао-цзы с христианским учением и пишет о телесной и духовной жизни человека. Маркируя таким образом диадой: тело — дух, Яснополянский мудрец определяет существование этих двух учений: «Сущность и того и другого учения в том, что человек может сознавать себя и отделенным и нераздельным, и телесным и духовным, и временным и вечным, и животным и божественным» [Толстой 1911, 10]. Резюмируя итог сопоставления двух учений, Толстой подчеркивает, что Лао-цзы наставляет, как с помощью Дао «переходить от жизни тела к жизни духа». Лев Николаевич оттеняет мысль, что телесная жизнь ведет к разъединению людей, превращая их в алчущее множество, а духовная жизнь способствует их единению.

Рассуждения Лао-цзы о телесности человека подводят его к очевидному выводу: человеку, пока он жив, с телом не развязаться. Только надбестелесным смертью и страданием не имеют власти: Эту идею Лао-цзы использует в трактате «Дао дэ цзин»: «Бестелесное не подвержено гибели» [Лукьянов 2008, 74]. Это смысловая формула в данном случае соотносится с двумя ипостасями постоянного Дао: вневещественным (духовным) качеством вечного Дао, открывающим дверь созерцания единого, и чувственной (телесной) стороной вечного Дао, открывающим врата созерцания множественного.

Толстой, используя для своих выводов текст канона «Дао дэ цзин» и определяя, как было сказано выше, существенные стороны христианского

и даосского учений, не упускает глубинный смысл «телесного многого» и «духовного единого». Слова Лао-цзы о духе и теле по сути своей представляют концептуальную духовную максиму. Проецируя ее на эмпирический мир, подразумеваем под телесным благом — страдание, горе, болезнь, смерть; под духовным — благо без страдания, без болезни и смерти. Последнее положение Лао-цзы отображает онтологически: надо жить как Небо и Земля — не для себя, оставляя в стороне личное, только тогда можно достигнуть долговечности и добиться воплощения личных чаяний: «Извечно Небо, долговечна и Земля, / Земля и Небо таковыми могут быть, / Живут поскольку для других, не для себя, / Вот потому они и могут вечно жить... / Кто так по жизни шествует, тот впереди — / Осуществить сумеет замысли свои» [Лукиянов 2008, 57].

Толстой отождествляет Небо с Дао и приравнивает к Богу. По Толстому, посредством любви Человек на пути к Небу (он же Дао) воссоединяется с Богом. Любовь же достигается воздержанием же от всего телесного (личного). В записях у Толстого находим: «Путь этот, по учению Лао-Тзе, состоит в том, чтобы... как можно меньше делать то, что хочет тело ... чтобы не заглушить того, чего хочет душа» [Толстой 1911, 8]. Здесь Толстой отдает приоритет «жизни для духа», а не «жизни для тела». Авторство этому приоритету он приписывает и Лао-цзы, который, по словам Толстого, учит переходить от «жизни для телесного» к «жизни для духовного». Толстой вслед за Лао-цзы, отеняя существенные стороны даосского и христианского учений, отмечает, что телесная жизнь разъединяет людей, где они, стремясь к личному благу, погружаются во зло и превращаются в алчное разрозненное множество; духовная же жизнь смыкает людей ради общего блага.

Таким образом, принцип антропоцентризма помимо идеи расположения человека в центре природного и социального мироустройства подразумевает и то, что человек объединяет в себе две стороны: духовное единство и телесную множественность. Находясь в центре, он играет роль субъекта, гармонизирующего мир. В случае нарушения гармонии между сторонами человек обязан искать пути их уравнивания. Эти идеи и заимствовал Толстой из даосского принципа антропоцентризма, формулируя свою религиозно-этическую концепцию.

Библиографический список

Лукиянов А.Е. Дао книги перемен. М.: ИНСАН, 1993.

Лукиянов А.Е. Дао дэ цзин. М.: Стилсервис, 2008.

Толстой Л.Н. Изречения китайского мудреца Лао-Тзе. М.: Посредник, 1911.
URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003785711/

С.А. Абрамов

*Миланский университет Бикокка (г. Милан, Италия)***ВОСПРИЯТИЕ МАОИЗМА В ИТАЛИИ**

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению влияния и распространения идеологических установок Мао Цзэдуна (毛澤東 Мао Цзэдун) в общественной жизни Италии второй половины XX в. Феномены «маоизма» (毛澤東思想 Мао Цзэдун сысян) и «культурной революции» (無產階級文化大革命 Учань цзецзи вэньхуа да гэмин) и их осмысление в значительной степени определили вектор трансформации Италии второй половины XX в. Восприятие маоизма носило инструментальный характер, направленный на разрешение общественных противоречий, которые отчетливо проявились в Свинцовые годы (Anni di piombo). Творческая интерпретация маоизма в Северной Италии возродила интерес в стране к изучению Востока. Маоизм повлиял на развитие операизма (operaismo) как одного из направлений итальянской современной философской мысли, способствовал обоснованию понятия «культурная индустрия» (industria culturale).

Ключевые слова: маоизм, Италия, культурная революция, операизм.

Sergey A. Abramov*University of Milano-Bicocca***The Perception of Maoism in Italy**

Abstract. The present work is dedicated to the study of the influence and diffusion of Mao Zedong's (毛澤東) ideology in Italy in the second half of the 20th century. The phenomena of “Maoism” (毛澤東思想) and “Cultural Revolution” (無產階級文化大革命) and their understanding largely determined the transformation of Italy in the second half of the 20th century. The perception of Maoism had an instrumental character, aimed at resolving the social contradictions that were clearly evident in the years of lead (Anni di piombo). The creative interpretation of Maoism in Northern Italy revived the country's interest in studying the East. Maoism influenced the development of operaismo as one of the strands of Italian modern philosophical thought, contributing to the justification of the concept of “cultural industry” (industria culturale).

Keywords: maotism, italy, cultural revolution, operaism.

Изучение маоизма в Италии как изолированного феномена китайской общественной жизни осуществлялось посредством визитов в КНР представителей итальянской интеллигенции. Результатами подобных путешествий стали книги Альберто Моравиа «Культурная революция в Китае» [Moravia 1976] и Гоффредо Паризе «Дорогой Китай» [Parise 1966], а так-

же документальный фильм Микеланджело Антониони «Чжун Го — Китай» (Chung Kuo, Cina, 1972).

Во время китайской культурной революции Италия также проходила сложный период в своей истории, известный как «Свинцовые годы» (Anni di piombo), основными причинами которого были экономический разрыв между городом и деревней, кризис системы образования и стагнация крупной промышленности, сверхконцентрация капитала. Итальянские рабочие, студенчество и интеллигенция смогли понять классово близких участников китайской культурной революции, перенять их практикоориентированные установки для достижения собственных целей: реформы образования и достижение политической автономности университетов, ограничение крупного капитала и поддержки среднего и малого бизнеса, переустройства аграрной сферы в деревне [Galimberti 2020, 216].

Необходимо отметить, что в Италии параллельно развивались как студенческий маоизм свинцовых годов (1960—70-х гг. XX в.), распространённый в Северной Италии, так и догматичный, персонифицированный маоизм Франко Фреды, получивший признание к югу от Рима.

Итальянский маоизм зародился в начале 1960-х годов, когда ревизионистский поворот в Итальянской коммунистической партии (PCI) и реформистские тенденции в Итальянской социалистической партии (PSI) подтолкнули левых к поиску альтернативных политических движений. Это совпало с началом китайско-советского раскола и кубинским кризисом в противостоянии холодной войны. В 1962 году группа коммунистов, базирующаяся в Падуе, начала издавать маоистское периодическое издание «Viva il Leninismo!» (Да здравствует ленинизм!). Год спустя Джузеппе Регис, один из немногих экспертов по послевоенному Китаю, основал издательство Edizioni d'Oriente. Издательство перевело несколько текстов Мао. [Galimberti 2020, 217]. В том же году создается издательство Adelphi с логотипом в виде китайской пиктограммы [Калассо 2017, 10]. Китайский путь к социализму увлек низовых активистов, а также высокопоставленных представителей левого политического спектра.

Особое влияние маоизм и культурная революция оказали на теоретиков итальянского операизма (Паоло Вирно и Антонио Негри), которые стремились спроектировать общественную жизнь вне рамок индустриального конвейера. Культурная индустрия стала новой моделью трудовой деятельности, где определяющую роль играет виртуозность [Абрамов 2020, 20]. «Раньше культуриндустрия несла на себе отпечаток промышленности, теперь же само производство, как материальное, так и нематериальное, организовано по моделям, задаваемым культуриндустрией» [Вирно 2013, 64]. Итальянское восприятие маоизма и культурной революции стало связующим звеном в трансформации индустрии культуры [Sainte-Beuve Ch. A. 1839], появлению в стране культурной индустрии,

характеризующейся высокой долей малых и средних предприятий в экономике, в том числе и в аграрной сфере, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью и высокой степенью индивидуализации (товарные знаки и географические указания). Маоизм и культурная революция способствовали осмыслению итальянским студенчеством себя как политического субъекта, экономической автономности квалифицированных кадров, возрождению итальянской деревни.

Библиографический список

Абрамов С. А. Всеобщий интеллект как элемент доктрины интеллектуальных прав // Теория государства и права. 2020. № 4(20). С. 17—25.

Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. А. Петровой под ред. А. Пензина. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.

Калассо Р. Искусство издателя. М.: Ad Marginem, 2017. 160 с.

Линь Бяо. Мао Цзэдун Выдержки из произведений. Пекин: Издательство иностранной литературы, 1966. 127 с.

Galimberti J. Art, Global Maoism and the Chinese Cultural Revolution / Edited by Jacopo Galimberti, Noemi de Haro-García, Victoria H. F. Scott. Manchester University Press, 2020. 378 p.

Moravia A. Un mese in U.R.S.S.. La Rivoluzione Culturale in Cina. Un'idea dell'idea. Milano: Bompiani, 1976. 272 p.

Parise G. Cara Cina. Milano: Longanesi, 1966. 239 p.

Sainte-Beuve Ch. A. De la litterature industrielle // Revue des Deux Mondes. 1839. T. 19. P. 675—691.

К.М. Барский
МГИМО МИД России

КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КНР В СВЕТЕ ИТОГОВ 20 СЪЕЗДА КПК

Аннотация. Современная дипломатическая школа КНР унаследовала фундаментальные концепции и методы внешней политики и дипломатии, сформировавшиеся в Древнем Китае. Неизменным осталось понимание дипломатии как мягкого средства урегулирования межгосударственных противоречий и как практической деятельности по реализации мироустроительной функции китайского государства. Китайская дипломатия с ее богатым инструментарием является воплощением высокого эталона культуры и важным каналом духовно-нравственного влияния на другие государства и народы. Сложившаяся еще в эпоху Чжоу доктрина взаимоотношений китайского государства с периферией предполагала прежде всего распространение Сыном Неба добродетели среди окружавших Китай народов с целью их приобщения к высоким стандартам культуры и вовлечения в китайскую цивилизационную ойкумену. Осуществлялась эта миссия во многом при помощи дипломатии. За последние два десятилетия эту функцию взяла на себя «дипломатия мягкой силы», ставшая значимым самостоятельным направлением усилий Китая на международной арене. 20-й съезд КПК сформулировал новые внешнеполитические задачи на долгосрочную перспективу, которые можно трактовать как существенное изменение вектора культурной дипломатии КНР. Задачи «укрепления культурной самоуверенности», «гармоничного сочетания марксизма с лучшими достижениями традиционной китайской культуры», наследования, изучения, развития и проецирования китайской культуры вовне, использования китайской мудрости для решения стоящих перед человечеством общих проблем свидетельствуют о том, что культурная дипломатия как производное от дипломатической культуры Древнего Китая приобретает особую значимость в деле формирования китаецентричной подсистемы международных отношений.

Ключевые слова: Китай, культурная дипломатия, внешняя политика, традиционная культура.

Kirill M. Barsky
MGIMO University

China's Diplomatic Culture and Cultural Diplomacy of the PRC in Light of the Outcomes of the 20th CPC Congress

Abstract. Modern Chinese diplomatic school inherited fundamental concepts and methods of foreign policy and diplomacy that emerged in ancient China. Diplomacy is still regarded as a soft means of settling contradictions between nations and as practical activity to implement world-shaping function of the Chinese state. The Chinese diplomacy with its wide range of diplomatic tools still manifests a high standard of culture and significant channel of spiritual and moral influence on foreign countries and nations. A doctrine of relationship between the Chinese state and the periphery which was developed in the Zhou period implied that the Son of Heaven was supposed to disseminate his virtue among neighboring nations in order to raise their people to the high cultural standards and to include them into the Chinese civilizational ecumene. This mission was executed mostly through diplomacy. For the last two decades this function was performed by the means of 'soft power diplomacy' which has become a meaningful standalone directions of China's foreign policy. The 20th CPC Congress formulated new long-term political deliverables that can be understood as a substantial shift in the PRC cultural diplomacy. The tasks "to strengthen cultural self-assurance", to inherit, to study, to develop and to project Chinese culture outwards, to use the Chinese wisdom to resolve common problems facing the humankind indicate that cultural diplomacy as an extension of the diplomatic culture of ancient China obtain particular importance for building a China-centric sub-system of international relations.

Keywords: China, cultural diplomacy, foreign policy, traditional culture.

Дипломатия в Китае зародилась на ранней стадии генезиса китайской государственности в лоне традиционной политической культуры, важнейшими опорами которой служили идеал гармонии и порядка, приоритет невоенных методов решения стратегических и тактических задач, гипертрофированная роль ритуала и церемониала в управлении государством и регулировании общественных отношений.

Современная дипломатическая школа КНР унаследовала фундаментальные концепции и методы внешней политики и дипломатии, сформировавшиеся еще в эпоху Чжоу и в период правления династий Цинь и Хань. В частности, неизменным осталось понимание дипломатии как мягкого средства урегулирования межгосударственных противоречий и как практической деятельности по реализации мироустроительной функции китайского государства. Как и в Древнем Китае, дипломатия с ее богатым арсеналом инструментов (тактические схемы в духе «теории стратагем», особый переговорный стиль, дипломатический протокол и этикет и пр.) по-прежнему

является воплощением высокого эталона культуры и важным каналом духовно-нравственного влияния на другие государства и народы.

Сложившаяся еще в эпоху Чжоу доктрина взаимоотношений китайского государства с периферией предполагала, прежде всего, распространение Сыном Неба добродетели среди окружающих Китай народов с целью их приобщения к высоким стандартам культуры и вовлечения в китайскую цивилизационную ойкумену. Осуществлялась эта миссия во многом при помощи дипломатии. Послы в Древнем Китае играли роль не только посланников правителей для урегулирования межгосударственных противоречий (御史, 外史 *юйши вайши*), но и ретрансляторов китайских культурных нарративов, «духовных наставников», блюстителей морали и нравственности, покоренных Китаем или вступивших с ним в союзнические отношения народов (博望侯, 定远侯 *бованхоу динъюаньхоу*).

В современном Китае функцию пропаганды достижений китайской цивилизации за рубежом взяла на себя культурная дипломатия. Широкое теоретическое развитие и практическое применение получила концепция «мягкой силы» (软实力 *жуаньшили*). За последние два десятилетия продвижение Китаем «мягкой силы» стало значимым самостоятельным направлением усилий государства на международной арене.

Однако состоявшийся в октябре 2022 года 20-й съезд КПК сформулировал новые внешнеполитические задачи на долгосрочную перспективу, которые можно трактовать как существенное изменение вектора культурной дипломатии КНР. По сути дела, речь идет о возвращении к традиционным концепциям выстраивания отношений Китая с внешним миром. Тема величия китайской цивилизации, пиетета перед традиционной культурой, обращение к классическим произведениям китайских философов «красной нитью» проходят через доклад Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина съезду.

Из внешнеполитических установок для «новой эпохи» следует, что Китай окончательно вернулся на «столбовую дорогу» исконного бытия китайской цивилизации, осознал достижения традиционной культуры в качестве важнейшего достояния нации и одного из ключевых источников успеха китайской модели модернизации. Пекин намерен самым активным образом содействовать диалогу цивилизаций, но вести его он намерен отныне исключительно на равноправной основе, отвергая идею превосходства одних цивилизаций над другими и попытки навязывания китайскому обществу чуждых духовно-нравственных и культурных ценностей. Распространение китайской культуры за рубежом, пропаганда привлекательности китайского опыта развития трактуются не просто как важные векторы внешней политики КНР, а как неотъемлемое условие успешности осуществления внешнеполитических целей Китая, упрочения его позиций на международной арене.

Соответствующее место культурно-гуманитарной повестке дня отведено и в интегрирующих китайских конструктах «новой эпохи» — концепции «сообщества единой судьбы человечества» (и одноименных сообществ регионального и субрегионального масштаба), «Глобальной цивилизационной инициативе» и программе «Один пояс, один путь», одним из направлений реализации которой является сближение народов, проживающих вдоль исторического «Великого Шелкового пути» и в странах «Пояса и пути» в его современном понимании.

Таким образом, 20-й съезд КПК привел концепцию культурной дипломатии в соответствие с базовыми принципами традиционной дипломатической культуры. Поставленные в докладе Си Цзиньпина задачи «укрепления культурной самоуверенности», «гармоничного сочетания марксизма с лучшими достижениями традиционной китайской культуры», наследования, изучения, развития и проецирования китайской культуры вовне, укрепления китайской «мягкой силы» и китайского культурного и языкового влияния в мире, широкого распространения китайских воззрений по различным вопросам, или расширения «права голоса» Китая (话语权 *хуаюйцзоань*), использования китайской мудрости для решения стоящих перед человечеством общих проблем свидетельствуют о том, что культурная дипломатия как производное от дипломатической культуры Древнего Китая приобретает особую значимость в деле формирования в предстоящие десятилетия («в новую эпоху») китаецентричной подсистемы международных отношений.

Есть все основания предположить, что активное продвижение культурной доминанты как краеугольного камня китайской модели модернизации и «сообщества единой судьбы человечества» станет прологом к установлению в долгосрочной перспективе регионального, а возможно и глобального порядка, близкого по смыслу к традиционной доктрине взаимоотношений Поднебесной со своими соседями. В новой итерации речь будет идти не о включении других народов в систему «номинального вассалитета», как это было вплоть до Нового времени, а о вовлечении широкого круга зарубежных государств и межгосударственных образований в структурно аморфную, но содержательно сфокусированную на Китае как глобальном лидере схему политического, экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества инновационного типа на основе общих интересов и ценностей.

Библиографический список

Баринова Е.Б. Формирование особенностей этнокультурной политики Китая в период раннего средневековья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2013. № 3.

Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и результат исследования политического процесса: на примере истории Китая периода поздней древности (221 г. до н. э.—25 г. н. э.) // Общество и государство в Китае. 2014. Т. 44. № 2.

Бокщанин А.А. Императрица Фэн: некоронованная правительница Китая // Общество и государство в Китае: XXXIV научная конференция / Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: Вост. лит., 2004. С. 218—222.

Бокщанин А.А. История Китая в период Мин (1368—1644) в отечественной историографии // Общество и государство в Китае: XXXLII науч. конф.: К. 2007. С. 71—82.

Голиков А.П. Власть и язык в политике Цинской империи. Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 1 / редколл.: А. И. Кобзев и др. — М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013. 684 стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 8 / Редколл.: А. И. Кобзев и др.). С. 278—287.

Головачев В.Ц. «Страна Нургань» и внешняя политика династии Мин в XIV—XV вв. Общество и государство в Китае: Т. XLII, ч. 3 / редколл.: А. И. Кобзев и др. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2012. 484 стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 7 / Редколл.: А.И.Кобзев и др.). С. 129—152.

Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения империй Цзинь и Сун (1124—1142), М., 1986.

Дробышев Ю.И. У истоков имперской идеологии средневековых монголов // общество и государство в Китае: Т. XLII, ч. 3 / Редколл.: А. И. Кобзев и др. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2012. 484 с. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 7 / Редколл.: А.И.Кобзев и др.). С. 274—314.

Думан Л.И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье / под ред. С. Л. Тихвинского и Л. С. Переломова, М.: Наука, 1970.

Духовная культура Китая: энциклопедия, в 5 т. + доп. том / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2006—2010.

Кобзев А.И. Сунь-цзы // Новая Российская энциклопедия. 2015. С. 452—453.

Козыкина Н.В., Муратшина К.Г. Особенности дипломатии современного Китая: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017.

Кравцова М.Е. Тянь мин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко, Б.Л. Рифтин, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов, Д.Г. Главева, С.М. Аникеева. 2007. С. 869.

Мажиденова Д.М. Особенности дипломатической практики древнего Китая // Вестник КРСУ. 2008. Т. 8. № 1. С. 25—29.

Наумов А.О., Положевич Р.С. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Китайской Народной Республики на современном этапе // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 105—118.

Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — начало XX века. 2005. С. 711.

Позднеева Л.Д. Поучение дипломату в Древнем Китае // Историко-филологические исследования // Сб. статей к 75-летию академика Н.И.Конрада. М., 1986. С. 462—465.

Соловьева Е.В. «Мягкая сила» — инструмент интеграции Китая в мировые процессы // Россия и АТР. 2012. № 1 (75). С. 85—95.

Сунь-цзы. Искусство войны. М.: Астрель, 2016. С. 95.

Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей. М.: Весь мир. 2020. С. 462.

Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2013. С. 391.

Hartig, Falk, Chinese Public Diplomacy. Rise of Confucius Institute”, London and New York, Routledge Books, 2016.

Nye Jr J. S. Bound to lead: The changing nature of American power. Basic books, 2016. С. 336.

Nye Jr J. S. Soft power: The means to success in world politics. Public Affairs, 2004. С. 191.

Zhang Lihua, China’s Traditional Cultural Values and National Identity. Article on the web-site of Carnegie Endowment for International Peace on November 21, 2013. URL: <https://carnegieendowment.org/2013/11/21/china-s-traditional-cultural-values-and-national-identity-pub-53613> (дата обращения: 01.05.2023).

习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告（2022年10月16日） [Си Цзиньпин: «Высоко нести великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства — Доклад на 20-м съезде КПК (16 октября 2022 г.)] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm

中国共产党第十九届中央委员会第六次全体会议公报（2021年11月11日） [Коммюнике 6-го пленума ЦК КПК 19-го созыва (11 ноября 2021 г.)] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-11/11/content_5650329.htm (дата обращения: 01.05.2023).

李智：文化外交：一种传播学的解读 [Ли Чжи: Культурная дипломатия: интерпретация коммуникативных исследований]. 北京 [Пекин]. 北京大学出版社 [Издательство Пекинского университета], 2005. — 25 页 [Р. 25].

苏格：习近平外交战略思想全面领航 . [Су Гэ: Всесторонний анализ идей Си Цзиньпина о дипломатических стратегиях]. 国际问题研究” 2016年第5期 [Исследования международных проблем. 2016. No 5].

赵可金, 陈碧林: 中国共产党对文化外交的理论探索 [Чжао Кэцзинь, Чэнь Билинь: Теоретическое исследование культурной дипломатии КПК]. 当代世界与

社会主义 [Издательство «Современный мир и социализм»]. 2016. № 1. — 7 页 [Р. 7].

周鑫宇: 公共外交的“高政治”探讨: 权力运用于利益维护 [Чжоу Синьюй: Высокая политика публичной дипломатии: применение силы и отстаивание интересов]. «世界经济与政治». 2015. 第 2 期第 96—110 页 [Мировая экономика и политика. 2015. No 2. С. 96—110].

В.В. Башкеев

ИКСА РАН

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА:
СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ РАЗЛИЧНОГО МАСШТАБА
В ТРАДИЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ДРЕВНЕГО КИТАЯ**

Аннотация. в настоящих тезисах рассматривается отражение социально-политического процесса в различных исторических источниках эпох Чжань го и Хань (таких как *Чунь цю цзо чжуань*, *Чжаньго цэ*, *Ши цзи* и *Хань шу*). Главные феномены этого отражения — понятия *мэн 盟*, *дан 黨* и *ин 英*, обозначающие такие социальные группы различного масштаба как «блок», «группировка» и отдельные «элитарии».

Ключевые слова: Блок, группировка, элитарии, традиционная историография Древнего Китая.

Victor V. Bashkeev

ICCA RAS, Center for the Study of Chinese Culture

**On the Historiographical Reflection of Socio-political Processes:
Social Groups of Different Scales in the Traditional Historiography
of Ancient China**

Abstract. This thesis examines the reflection of socio-political process in different historical sources of Zhan guo and Han periods (such as *Chun qiu zuo zhuan*, *Zhan guo ce*, *Shi ji* and *Han shu*). The main phenomena of this reflection are *meng 盟*, *dang 黨* and *ying 英*, denoting such social groups of different scales as “alliance”, “group” and individual “elitists”.

Keywords: Alliance, group, elitists, traditional historiography of ancient China.

В ходе исследования политического процесса в империи Хань (202 гг. до н.э. — 220 г. н.э.) нами был выявлен такой социально-политический процесс как складывание социальных групп различного масштаба в данный определенный исторический период в начале формирования империи Хань (202—195 гг. до н.э.). Складывание нового государства имперского типа только начиналось и шло под воздействием исторической инерции предыдущей эпохи. В контексте формирования новой империи ключевым социально-политическим процессом было формирование «новой» политической элиты вокруг воцарившейся династии Лю, ядром которой выступал ее первый монарх Лю Бан. Формирование такого рода

элиты по сути своей было практически неотъемлемым условием возникновения империи Хань. Вместе с тем историческая неизбежность происходивших глобальных процессов на тот момент еще не была осознана «старыми» политическими элитами предшествующего периода Чуньцю-Чжаньго-Цинь (VIII—III вв. до н.э.).

Проведенное нами исследование показало, что на этапе возникновения империи Хань в 202—195 гг. до н.э. в среде противоборствующих элит были сформированы определенные структуры или же «социальные группы», которые имели различный масштаб и обладали иерархической структурой. Наиболее крупные социально-политические **блоки** включали в себя среднего размера **группировки**, в свою очередь состоявшие из различных отдельных **элитариев**. Важно отметить, что в наших теоретических построениях мы исходили непосредственно из результатов исследования исторического процесса в империи Хань и на китайскую историографическую традицию в этом вопросе не ориентировались.

Однако уже после того, как данная иерархия социальных групп была нами выявлена на историческом материале Западной Хань, мы продолжили дальнейшее специальное рассмотрение этой проблемы. Взгляд на нее сквозь призму традиционных исторических памятников (таких как *Чунь цю цзо чжуань*, *Чжаньго цэ*, *Ши цзи* и *Хань шу*), охватывавших большой период VIII—III вв. до н.э., привел нас к выводу, что данный социально-политический процесс отмечался и в традиционной китайской историографии. То есть и традиционная китайская историческая наука также отразила в себе данную тему, сохранив в ряде источников упоминания о том или ином феномене в трехступенчатой иерархической лестнице социальных групп. Это укрепило нас в понимании того, что выявленная иерархия не является нашим сиюминутным теоретическим конструктом, а представляет собой подлинно историческое явление, в полной мере наблюдавшееся древнекитайскими историографами на протяжении длительного периода VIII—III вв. до н.э.

А поскольку сам процесс носил сложный глобальный характер и далеко не всегда был явлен наблюдателю эксплицитно, это позволяет утверждать, что традиционные китайские исторические памятники предоставляют нам не только фиксацию событий в рамках исторического процесса, но и определенную его рефлексию, оставляя в исторической памяти результаты социально-политологических обобщений. Более того, эти обобщения по своему смыслу точно соответствуют тем социальным группам, что мы выделили выше. По сути они являются политологическими терминами того времени, адекватно отражающими тогдашнюю социально-политическую реальность.

Частота упоминания терминов в источниках прямо пропорциональна размеру социальных групп, что логично, т.к. явления большего масштаба

менее детализированы, а следовательно чаще попадают в лапидарные хроники. Так, чаще всего отмечаются в источниках наиболее масштабные социальные группы (политические блоки). В исторических памятниках они носят название *мэн 盟* (традиционно переводится как «союз»). Он может образовывать сочетание *тун мэн 同盟* («образовывать союз» или «блок»). В доимперский период Чуньцю-Чжаньго (VIII—III вв. до н.э.) это были крупные межгосударственные ситуативные объединения, заключавшиеся как союзы на уровне отдельных царств. В начале эпохи Хань самостоятельные царства, де-факто сохранив субъектность, формально понизили свой статус до владений, и поэтому для этого периода мы используем вариант перевода «блок».

Союзы или блоки *мэн*, в свою очередь, включают в себя группировки *дан 黨* (обычно переводится как «группировка» или «клика»). *Дан* более устойчивы и потому образуют сочетание *шу дан 樹黨* (т.е. когда создается группировка, она «прорастает»). Группировки собираются из отдельных персоналий, тех или иных элитариев — *ин 英* (традиционный перевод «герой»), которые могут быть *хао ин 豪英* — «влиятельными».

Библиографический список

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1987.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VI. Пер. с китайского, предисл. и коммент. / Р. В. Вяткина. М., 1992.

史記 [Ши цзи]. URL: <https://ctext.org/shiji> (accessed: 07.04.2023).

春秋 左傳 [Чунь цю Цзо чжуань]. URL: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan> (accessed: 07.04.2023).

戰國策 [Чжаньго цэ]. URL: <https://ctext.org/zhan-guo-ce> (accessed: 07.04.2023).

漢書 [Хань шу]. URL: <https://ctext.org/han-shu> (accessed: 07.04.2023).

И.В. Белая
 ИВ РАН, ИКСА РАН

О ДАОСКЕ ЦАО ВЭНЬ-И И ПОЭМЕ «ЛИН ЮАНЬ ДА ДАО ГЭ»

Аннотация. Статья посвящена исследованию жизненного и творческого пути даоски Цао Вэнь-и 曹文逸, жившей в эпоху Сун. Она прославилась своей эрудицией и поэтическим талантом. Ее стихотворения были настолько популярны, что император Хуэй-цзун пожаловал ей титул «Совершенная в литературном даровании» (*Вэнь-и чжэнь-жэнь* 文逸真人). Самое известное произведение, приписываемое ее кисти, — «Песнь о великом Дао-Пути одухотворенного источника» (*Лин юань да дао гэ* 靈源大道歌). Это сочинение по даосской «внутренней алхимии», в котором описывается процесс преобразования духа-*шэнь* и дыхания-*ци* в стихотворной форме.

Ключевые слова: Китай, даосизм, Цао Вэнь-и, «Лин юань да дао гэ».

Irina V. Belaya
 IOS RAS, ICCA RAS

About Daoist Nun Cao Wen-yi and the Poem “Ling yuan da dao ge”

Abstract. The article is devoted to the study of the life and creative path of the Daoist nun Cao Wen-yi 曹文逸, who lived in the Song era. She became famous for her erudition and poetic talent. Her poems were so popular that Emperor Huizong awarded her the title of “Excellent in Literary Talent” (*Wen-yi zhen-ren* 文逸真人). The most famous work attributed to her brush is “Song of the Great Dao of the Spiritual Source” (*Ling yuan da dao ge* 靈源大道歌). This is an essay on Daoist “inner alchemy”, which describes the process of transforming the spirit-*shen* and breath-*qi* in poetic form.

Keywords: China, Daoism, Cao Wen-yi, “Ling yuan da dao ge”.

Цао Вэнь-и 曹文逸 (1039—1115) — внучка военного министра эпохи Северной Сун Цао Ли-юна 曹利用 при Чжэнь-цзуне 真宗 (правил 997—1022). Ее первоначальное имя было Цао Си-юнь 曹希蕴, второе имя Чун 冲. В 21 год она ушла из дома и стала даоской. Цао прославилась своей эрудицией и поэтическим дарованием. Ее стихотворения были настолько популярны, что император Хуэй-цзун 徽宗 (правил 1101—1126) прослышал о ней и пригласил ее в столицу, г. Кайфэн (совр. пров. Хэнань). Там он пожаловал ей имя Дао-чун 道冲 и удостоил титула «Совершенной в литературном даровании» (*Вэнь-и чжэнь-жэнь* 文逸真人) [Despeux., Kohn 2003, 133—140; Despeux 2015, 269—281]. Кисти Цао Вэнь-и припи-

сывают авторство «Песни о великом Дао-Пути одухотворенного источника» (*Лин юань да дао гэ* 靈源大道歌) — классического произведения по «внутренней алхимии» из тридцати двух семисложных четверостиший, в котором описывается процесс преобразования духа-*шэнь* и дыхания-*ци* в стихотворной форме [陳櫻寧 1989, 185—186].

Основная тема «Песни» — разъяснение основ совершенствования внутренней природы (*син* 性) и жизненной силы (*мин* 命). Цао поясняет: «*О, дух — это внутренняя природа-син, ци это жизненная сила-мин*». Если человек сможет соединить дух и дыхание-*ци* воедино, тогда свершит чудесные метаморфозы, обретет свой изначальный облик, существовавший еще до его появления на свет, сможет уходить и приходить в бренный мир по своему желанию. Далее Цао обозначает причины, по которым человеку нелегко достичь единства духа и *ци*: поддаваясь эмоциям, человек разрушает дух-*шэнь* и эссенцию-*цзин*; предаваясь праздности или трудясь без усталости — изнашивает тело. Но чтобы избежать разрушающего воздействия на организм всего, что смущает и загрязняет разум и чувства, недостаточно отрешиться от мира.

Ключ к обретению сущностного единства *син* и *мин* в освобождении от желаний и устремлений. Только тогда прекратится потеря жизненной силы и появится Изначальный дух. Отстраненность сердца — «Управы души» (*лин фу* 靈府) от чувственных желаний называется «отсутствием сердца» (*у синь* 無心). Такое сердце и есть, согласно Цао, «подлинное сердце» (*чжэнь синь* 真心) человека.

«*Но свершить мин невозможно, прежде чем син не свершена*», предупреждает Цао Вэнь-и. Это утверждение свидетельствует о тенденции даосизма к одновременному совершенствованию внутренней природы и жизненной силы — *син* и *мин*, духа-*шэнь* и дыхания-*ци*, тела и духа, получившем название «*син мин шуан сю*» 性命雙修. Принцип одновременного совершенствования внутренней природы и жизненной силы в дальнейшем стал «основой даосской психофизиотехники» и главным вектором развития традиции «внутренней алхимии» (*нэй дань* 內丹) начиная с эпохи Сун [Торчинов 1998, 371].

Хотя стихотворения Цао Вэнь-и не содержат наставлений по «женской алхимии» (*нуй дань* 女丹), она стала примером для женщин последующих поколений, желающих ступить на стезю совершенствования. Дао-Путь открыт для всех, кто сердцем обратился к нему: «*С твердым сердцем и единой волей продвигайся по отрезкам пути и великое Дао к человеку никогда не повернется спиной*» — призывает Цао в заключительных строках «Песни о великом Дао-Пути одухотворенного источника».

Библиографический список

Торчинов Е.А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. 2-е изд., доп. СПб.: Лань, 1998.

Despeux C., Kohn L. Women in Daoism. Cambridge: Three Pines Press, 2003.

Despeux C. Cao Daochong (1039—1115) Taoïste et Poétesse Honorée Par L'empereur Huizong Fut-Elle Courtisane? // Journal Asiatique № 2 (303), 2015. P. 269—281.

陳櫻寧。道教與養生 [Чэнь Ин-нин. Даосизм и учение о «вскармливании жизни»]. 北京: 華文出版社, 1989年.

Р.В. Березкин
*Фуданьский Университет,
Институт Гуманитарных Исследований
(КНР) / ИВ РАН*

**«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ГОСПОДИНА ИЗ ПУЛИ»
ЛУ ГУЙМЭНА (СЕР. IX В.)
КАК ОБРАЗЕЦ КИТАЙСКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ ТАН**

Аннотация. «Жизнеописание господина из Пули» (*Пули сяньшэн чжунь* 浦里先生傳) — одно из самых известных произведений танского литератора Лу Гуймэна 陸龜蒙 (? — ок. 881), творчество которого в отечественных работах еще практически не рассматривалось. «Жизнеописание господина из Пули» представляет собой шутиливую автобиографию поэта, в которой он создает свой идеализированный образ, используя некоторые реальные факты своей жизни. В этом он следует давней литературной традиции средневекового периода. Здесь представлена первая попытка перевода «Жизнеописания господина из Пули» на русский язык. Также в работе анализируются художественные особенности этого произведения как в контексте творчества Лу Гуймэна, которое еще неизвестно русскому читателю, так и в традиции автобиографических «жизнеописаний» в китайской классической литературе. В отличие от предшествующих текстов в этой традиции «Жизнеописание господина из Пули» дает развернутую психологическую характеристику героя, подробно и с юмором рассказывает о его увлечениях, пристрастиях и недостатках. Также в этом произведении заявлено желание поэта жить на лоне природы вдали от мирской суеты и интриг властных кругов.

Ключевые слова: автобиография, китайская классическая проза, литература эпохи Тан, Лу Гуймэн.

Rostislav V. Berezkin

Fudan University, Institute of Oriental Studies of the RAS

**“Biography of the Gentleman from Puli” by Lu Guimeng
(middle IXth century) as an example of Chinese autobiographical literature of the Tang dynasty**

Abstract. “Biography of the Gentleman from Puli” (*Puli xiansheng zhuan* 浦里先生傳) is one of the most famous works by the Tang literatus Lu Guimeng 陸龜蒙 (? — ca. 881), whose heritage has not been studied in Russian sinological research so far. It is a humorous autobiography, creating his idealized image with the use of several real facts of his life. In this he follows an old literary tradition of

the medieval period. This work presents the first attempt of Russian translation of this text. Besides, we analyze special features of this text in the context of Lu Guimeng's literary heritage as well as in the whole tradition of this type of autobiographical writing in Chinese classical literature. Unlike the earlier texts of this type, "Biography of the Gentleman from Puli" gives a developed psychological portrait of the author, including his interests, obsessions and drawbacks. This work confirms the author's desire to live as a hermit in the countryside in order to escape the hustle of the secular life and intrigues of the official world.

Keywords: autobiography, Chinese classical prose, literature of the Tang dynasty, Lu Guimeng.

«Жизнеописание господина из Пули» (浦里先生傳 *Пули сяньшэнь чуань*) является одним из самых известных прозаических произведений танского литератора Лу Гуймэна 陸龜蒙 (? — ок. 881), творчество которого хотя и достаточно широко известно в Китае и в западном китаеведении [Nienhauser 1979, 70—71, 89—90, 106—107; Bauer 1990, 250—253; Nienhauser 2022, 247—250; и др.], в отечественных работах еще практически не рассматривалось. Произведения Лу Гуймэна известны разнообразием формы и содержания; он признан одним из ведущих литераторов конца эпохи Тан. «Жизнеописание господина из Пули» представляет собой шутивную автобиографию поэта, в которой он создает свой идеализированный образ, используя некоторые реальные факты своей жизни [全唐文 2002, цз. 801, т. 6, с. 4958—4959]. Это произведение еще не переводилось на русский язык. Здесь представлена первая попытка русского перевода «Жизнеописания господина из Пули». Также я анализирую особенности этого произведения как в контексте творчества Лу Гуймэна, которое еще неизвестно русскому читателю, так и в традиции автобиографических «жизнеописаний» в китайской классической литературе.

«Жизнеописание господина из Пули» Лу Гуймэна является редким образцом китайской автобиографической литературы, которое следует образцам подобных «жизнеописаний» Тао Юаньмина 陶淵明 (365—427) и более поздних авторов [см. Bauer 1990, 150—253; 川合康三, 1996, 100—108]. Несомненно, ближайшим предшественником «Жизнеописания» Лу Гуймэна является «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» (ок. 838 г.) знаменитого литератора Бо Цзюйи 白居易 (772—846) [Березкин 2020], хотя у Лу Гуймэна оно не упоминается. В отличие от предшествующих текстов в этой традиции «Жизнеописание господина из Пули» дает развернутую психологическую характеристику героя, подробно и с юмором рассказывает о его увлечениях, пристрастиях и недостатках. Также в этом произведении заявлено желание поэта жить на природе вдаль от мирской суеты.

«Жизнеописание господина из Пули» включает многие реалии того времени, что помещает его в контекст литературной и культурной жизни

эпохи Тан. Так, Лу Гуймэн рассказывает о своем увлечении чаем, который заменяет традиционную для этого жанра тему винопития. В сочинении Лу Гуймэна мы можем наблюдать сочетание традиционных черт (условностей жанра) и новаторства, индивидуальности и реализма.

Библиографический список

Березкин Р. В. Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читая Стихи» поэта Бо Цзюйи (838 г.) и традиция китайской автобиографии (перевод с предисловием) // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 368—389.

Bauer W. Das Antlitz Chinas. Die autobiographische Selbstdarstellung in der chinesischen Literatur von ihren Anfängen bis heute. München: Carl Hanser, 1990.

Nienhauser, W. H. P'i Jih-hsiu. Boston: Twayne Publishers, 1979.

Nienhauser, W. H. Biographical Dictionary of Tang Literati. Bloomington: Indiana University Press.

川合康三. 中国の自伝文学 [Каван Ко:дзо:. Китайская автобиографическая литература]. Токио: Со:бунся 創文社, 1996.

全唐文 [Полное [собрание] танской прозы] / сост. Дун Гао 董誥, ред. Сунь Инькуй 孫映達. Тайюань: Шаньси цзяоюй чубаньшэ, 2002.

А.Ю. Блажкина
ИКСА РАН

УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВАНИИ ДОБРОДЕТЕЛИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «КУН-ЦЗЫ ЦЗЯ ЮЙ»)

Аннотация. В данном докладе на примере анализа конфуцианского трактата «Кун-цз цзя юй» исследуется смысловое ядро конфуцианской политической доктрины: управление Поднебесной (*тянься*) на основании добродетели (*и дэ чжи го*), а также ряд других ключевых аспектов конфуцианской политической философии. Управления страной на основании добродетели (*дэ*), при помощи закона (*фа*) (закон осмысляется как зафиксированная добродетель, а добродетель — внутренний закон, сочетание добродетели и закона — основа для управления страной); рассматривает одну из основных функций государства как реализацию программы духовного наставления народа посредством воспитания в нем ритуальной благопристойности (*ли*) и утверждения норм культуры (*вэнь*). Характерной особенностью конфуцианской политики является то, что она представляет собой логическое завершение конфуцианской этики. Конфуцианская политическая система является своего рода национальным этатизмом. Конечная цель, которую она перед собой ставит, — это гармоничное состояние общества, понимаемое как стремление к древнему идеалу Великого единения (*да тун*). Достижение такого состояния должно достигаться путем реализации благородными мужами (*цзюнь-цзы*) эффективной программы преобразования Поднебесной.

Ключевые слова: политическая философия, конфуцианство, «Кун-цзы цзя юй».

Anastasia Y. Blazhkina

Institute of China and Contemporary Asia of the RAS

Governing the Country on the Basis of Virtue (Based on “Kong-zi jia yu”)

Abstract. In this report, on the example of the analysis of the Confucian treatise “Kong-zi jia yu”, the semantic core of the Confucian political doctrine is studied: it is the concept of governing the country on the basis of virtue (*de*) and with the help of the law (*fa*) (the law is understood as a fixed virtue, and virtue is an internal law, the combination of virtue and law is the basis for governing the country); considers one of the main functions of the state as the implementation of a program of spiritual guidance for the people through the education of ritual decency (*li*) and the establishment of cultural norms (*wen*). One of the characteristic features of Confucian politics is that it represents the logical conclusion of Confucian ethics. Confucian political doctrine is a national etatism. The ultimate goal that it sets is a harmonious condition of society, understood as a return to the ancient

ideal of the Great Unity (*da tong*). Achieving such a state should be achieved through the implementation by gentleman (*jun-zi*) of an effective program for the transformation of the country.

Keywords: political philosophy, Confucianism, “Kong-zi jia yu”.

Главной целью теоретических построений раннеконфуцианских мыслителей был возврат к древнему, идеальному состоянию общества Великого единения. В ходе реконструкции политической философии, текстуально закреплённой в трактате «Кун-цзы цзя юй», необходимо отметить следующее: политическая доктрина «Кун-цзы цзя юй» представляет собой стратегию «управления посредством Дао» или «управления государством на основании добродетели и закона», где закон имеет вспомогательное значение. Закон осмысливается как зафиксированная добродетель, а добродетель — внутренний закон, сочетание добродетели и закона — основа для управления страной. Политические воззрения автора «Кун-цзы цзя юй» отражают особенности коренных социальных противоречий того времени, а также предлагают пути решения этих противоречий или же намечают тенденции их развития. Конфуцианский принцип исправления имен переносится в область политики и представляет собой идею строгой организации государственной власти, разумного иерархического устройства общества, связи верхов и низов в социуме. Управление страной на основании добродетели понимается как выправление народа, предстает в качестве бесконечного процесса и конечной цели политической философии; это не статичное завершенное состояние, а динамичный, непрерывный процесс гармоничного и созидательного взаимодействия между разными сферами социального космоса. Выпрямление необходимо, так как народ еще не достиг заявленной конечной цели, поэтому важное значение имеет нравственное возвращение политических лидеров, что является необходимым условием политической стабильности. Возвращение добродетели в народе понимается как одна из правомочных функций правительства, что предполагает активное вмешательство политики в частную жизнь индивида. Таким образом, конечная цель конфуцианской политики добродетели — искоренять зло. Государь и чиновники не ограничиваются только задачей воспитания народа посредством усвоения норм ритуала. В связи с чем конфуцианские мыслители установили систему законов и социальной политики, а также разработали критерии для определения нравственности, поэтому встает вопрос о взаимосвязи между индивидуальной добродетелью и безличным, деперсонифицированным законом. В конфуцианстве закон всегда уступает ритуалу, так как закон нивелирует различие между высшими и низшими, благородными и худородными. Хотя конфуцианские мыслители подчеркивали тот факт, что представители политической элиты непременно

должны обладать добродетелью, это вовсе не означало, что они пренебрегали системой законов и политических институтов. При описании методов управления, соотношения между этикой и правовым регулированием, приводится следующая метафора: «Добродетель и закон — инструменты управления народом точно так же, как удила и узда — инструменты управления лошадью» [XXV, 1]. Автор трактата разделяет политическую власть, которая может быть осуществима путем насилия и носит облигаторный характер, и власть добродетели, которая представляет собой наивысшую нравственную силу. Эффективное управление Поднебесной осуществляется при помощи двух инструментов — добродетели и закона. Одной из основных целей управления на основании добродетели является «обогащение народа» или материальное изобилие. Политическим идеалом в «Кун-цзы цзя юй» предстает такое состояние общества, в котором существует непосредственная взаимосвязь между социальной стабильностью и культивированием добродетели: чем больше высоко-нравственных людей в обществе, тем прочнее политические основания этого общества. В рамках политического космоса социальный порядок является не инструментом, а конечной целью.

Библиографический список

Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Конфуций о субъективных условиях эффективного государственного управления // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 7—15.

Герасимов В.С. Политическая меритократия — восточная альтернатива западным традициям управления обществом в XXI веке // Вестник МГИМО-Университета. 2015. 2(41). С. 230—237.

Ионов А.Ю. Конфуцианский наставник Гу Янью. М.: ИДВ РАН, 2017.

Ломанов А.В. Минь бэнь / Духовная культура Китая. Титаренко М.Л. (гл. ред.) ИДВ РАН. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов (ред.), 2006. С. 350.

Лукин А.В. Приход понятия «демократия» в Китай и его первые интерпретации // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2009. Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 1. С. 274—295.

Лукьянов А.Е., Переломов Л.С. Из истории идеологии сяо кан // Проблемы Дальнего Востока. 2003. 3. С. 26—39.

Huang Yong. Confucian Political Philosophy: Dialogues on the State of the Field (co-edited with Robert Carleo, III), Springer. 2021.

孔子家語 [Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция)]. URL: <https://ctext.org/kongzi-jiayu> (дата обращения: 17.03.2023).

Е.А. Бобрикова

ИСАА МГУ имени Ломоносова

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ТРАКТАТА ЦЗИ ЧЭНА “УСТРОЕНИЕ САДОВ”
(园冶 ЮАНЬЕ, XVII В.)**

Аннотация. Работа описывает основные стилистические особенности трактата Цзи Чэна “Устроение садов” (*Юанье 园冶*, XVII в.). Текст памятника неоднороден, в разных его разделах преобладает то язык, приближенный к разговорному байхуа, то классический вэньянь, в том числе стиль парных построений пяньвэнь, для которого характерны чрезвычайно сложные синтаксические и лексические параллелизмы, обилие цитат и аллюзий.

Ключевые слова: *Устроение садов, сады Китая, ландшафтная архитектура, Цзи Чэн.*

Elena A. Bobrikova

ISAA Lomonosov MSU

**Stylistic Features of Ji Cheng's Treatise “Gardening”
(园冶 Yuanye, 17th century)**

Abstract. This study presents a stylistic analysis of Ji Cheng's treatise on garden design “The craft of Gardens” (*Yuanye 园冶*, 17th century). The text of the treatise is heterogeneous, in its different sections either a language close to colloquial baihua or classical wenyao prevails, including the “parallel prose” style pianwen, which is characterised by extremely complex syntactic and lexical parallels, the abundant use of quotations and allusions.

Keywords: *Gardening, gardens of China, landscape architecture, Ji Cheng.*

Руководство по устроению садов Цзи Чэна *Юанье*, опубликованное в 1635 г. — единственный в китайской традиции трактат, целиком посвященный садово-парковому искусству, причем как его эстетике, так и прагматике. Эти два аспекта выделяются не только на уровне содержания, но и на уровне стилистики текста.

Предполагается, что автор трактата Цзи Чэн (1582-неизв.) был мастером возведения искусственных горок и устроения садов. Годы его жизни и творчества приходятся на период поздней династии Мин (1368—1644 гг.) — время расцвета ландшафтной архитектуры Китая, а именно, такой ее формы, как частный сад, или сад ученого. Последний представлял собой небольшую частную усадьбу с традиционными для китайского сада элементами: искусственными водоемами и горками, павильонами и

растениями. Каждый из этих элементов был наделен особым культурным смыслом, отсылал к произведениям литературы или живописи, либо «цитировал» архитектуру знаменитых садов прошлого.

Оригинальное издание *Юанье* представляло собой текст объемом порядка двенадцати тысяч иероглифов, который был разделен на три *цзюаня*, то есть «свитка», и снабжалось 235 иллюстрациями. С момента первой публикации трактат Цзи Чэна сопровождается предисловия его покровителя знаменитого драматурга и сановника Жуань Дачэна (ок. 1587—1646) и владельца одного из устроенных Цзи Чэном садов Чжэн Юаньсюня (1598—1645). Заключает текст обширное послесловие автора.

Основной текст состоит из двух частей — «теоретической» («О строительстве» и «О садах») и «практической» («Выбор участка», «Заложение основания», «Постройки» и т. д.) «Теоретическая» часть, посвященная эстетике садово-паркового искусства, составляет менее 1/10 от общего объема трактата. На «вспомогательные» тексты, а именно предисловия и послесловие автора, также приходится чуть больше 1/10, основной объем занимает «практическая часть». Обычно это служит основанием для выводов о сугубо прагматической направленности *Юанье*, что подкрепляется и структурой памятника. Однако с точки зрения стилистики и языка, в основном тексте явно выделяются две равные по объему части, одна из которых написана на зрелом «высоком» *вэньяне*, вторая — на языке, приближающемся к разговорному.

Разные стили преобладают в разных разделах трактата. «Высокий» *вэньянь* преобладает в разделах «О строительстве», «О садах», «Выбор участка», «Заложение основания», «Использование окружающего ландшафта», а также во введениях к разделам «Постройки», «Декоративные элементы», «Возведение искусственных гор» и «Выбор камней». Более простой язык мы находим в некоторых главах раздела «Павильоны», а также почти во всех разделах третьего *цзюаня*: «Стены», «Мощение», «Выбор камней», «Возведение искусственных горок».

В разделах трактата, написанных на «высоком» *вэньяне*, нередко встречаются довольно большие фрагменты текста в стиле парных построений *пяньвэнь*. Важнейшая формальная особенность *пяньвэнь* — параллелизм, который реализуется как в синтаксическом членении текста, так и в смысловых отношениях внутри каждой единицы членения. Интересно, что автор *Юанье* использует стиль *пяньвэнь* не только в художественных описаниях пейзажей, но в обычной «технической» прозе.

Другая особенность стиля *пяньвэнь* — использование скрытых и явных цитат. Круг текстов и авторов, к которым отсылает нас Цзи Чэн, не так велик. Среди наиболее часто цитируемых текстов — трактаты *Чжуан-цзы* («[Трактат] Учителя Чжуана», Чжуан Чжоу, IV в. до н.э.) и *Лунь юй* («Суждения и беседы», Конфуций, VI—V вв. до н.э.), пейзажная ли-

рика поэта-отшельника Тао Юаньмина (365—427 гг. до н.э.), исторические хроники. Нередки упоминания художников: Цзин Хао (855—915), Гуань Туна (X в.), Хуан Гунвана (1269—1354), Ли Чжаодао (675—741), а также владельцев знаменитых садов: Сыма Гуана (1019—1086), Ван Вэя (699—759), Су Дунпо (1037—1101). Эти персоналии и литературные памятники объединяет то, что все они оказали влияние на формирование философских предпосылок появления китайского частного сада. Впрочем, в некоторых случаях цитаты кажутся не вполне уместными, так что британская переводчица и исследовательница *Юанье* Элисон Харди предполагает, что Цзи Чэн прибегает к цитатам, чтобы показать свою образцовность [Ji Cheng, 1988, 130].

Помимо прочих текстов, Цзи Чэн нередко цитирует классические словари *Шо вэнь цзе цзы* («Изыяснение знаков и толкование иероглифов», Сюй Шэнь, ок. 100 г. н.э.), *Ши мин* («Объяснение имен», Лю Си, ок. 200 г. н.э.) и *Эр я* («Приближение к правильному [языку]», V—I вв. до н.э.). Так, больше половины раздела «Постройки» состоит из словарных статей, преимущественно — из словаря *Ши мин*, в котором преобладают т.н. фонетические глоссы, то есть глоссы, толкующие слова по принципу сходного звучания. Возможно, таким образом Цзи Чэн как бы отдает дань традиции, предписывающей определенную форму и определенное содержание жанра трактат, и Цзи Чэн с помощью словарных глосс заполняет пустые ячейки в некоей обязательной для этого жанра трактатов смысловой анкете.

Библиографический список

Ji Cheng. The Craft of Gardens: tr. Alison Hardie. New Heaven & London: Yale University Press, 1988.

园冶注释: 计成原著; 陈植注释 [*Юанье* с комментарием: автор Цзи Чэн; комментарии Чэнь Чжи]. 北京: 中国建筑工业出版社 [Пекин: China Architecture and Architecture Press], 2009.

Ван Е 王叶
四川大学

从视觉维度探析《静静的顿河》的叙事艺术

АНАЛИЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА «ТИХОГО ДОНА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ

摘要. 本文以视觉维度为切入点, 探讨作者肖洛霍夫在《静静的顿河》中的构图叙事方式和色彩、光影、细节、运动四个主要元素, 分析其在小说中对于自然与心灵、战争与人性、生与死等主题的反应。

关键词: 《静静的顿河》 视觉 特征 叙事 命运。

Ye Wang
Sichuan University

An analysis of the narrative art of *And Quiet Flows the Don* from visual dimension

Abstract. This paper takes the visual dimension as the starting point, discusses the way of the Sholokhov's composition and narrative and the four main elements of color, light and shadow, details and movement, and analyzes his reflection on the themes of nature and soul, war and humanity, life and death in the novel *And Quiet Flows the Don*.

Keywords: *And Quiet Flows the Don* Visual features narrative destiny.

一、视觉构图: 色彩、光影、细节、运动

文学是语言的艺术, 视觉叙事以语言为主要工具和手段。视觉叙事是文学叙事的视觉化, 是将文本转换为一个可视的瞬间的图像, 这是共时性的体现, 是历时性向共时性的转换。[郑伟 2018, 124—125]视觉是人的心灵通向现实世界的直接路径, 文学文本通过语言符号在人脑中的组合映射再现记忆中或想象的场景, 构建起静态与动态相结合的图像, 赋予作品本身以视觉性特征。正如海德格尔所说, 我们正在进入一个世界图像时代, “世界被把握为图像了”。[海德格尔 1996, 899]

色彩是视觉元素中最为显性的一类。康定斯基认为, 颜色是直接对心灵产生影响的一种方式, 色彩是琴键, 眼睛是音槌, 心灵是绷紧的琴。

[康定斯基 2003, 4]在文学创作中色彩不仅是对自然景色描写的基本手段,更是反映人物心理、推动故事情节和发挥艺术效用、体现民族文化的重要元素。小说里面触目所及的物象,几乎都被染上了浓重的黑色。“黑色翅膀的雁群,忽而排成一个圆阵,忽而排成一个天鹅绒似的黑色人字形……”[肖洛霍夫 1982, 1801]在阿克西尼亚死后,葛利高里“抬起脑袋,看见自己头顶上是一片黑色的天空和一轮耀眼的黑色太阳”[肖洛霍夫 1982, 2055]。色彩与事物、自然与人的心灵融为一体,共同构成一幅悲怆的图像。这种由物质产生与孕育、由意识主观再造而成的色彩,表现出事物的本质,在观者心中唤起各种情感。黑色成为小说的主色调,经由意识将文字转换生成图像,使读者由眼及心生发出悲凉、沉重、寂寥的感受,同时展现出主人公无法言说的心境,体现葛利高里的无奈与徘徊,痛苦与抉择,预示着人物走向悲剧的命运。除此之外,小说中的自然景观充满色调的整合晕染,反映出作者真切的情感。

光影是最直观、最感性的视觉元素之一,承载着物象的内涵与意义,渗透着作者的情感表达。不同的光影蕴含着迥异的情绪,肖洛霍夫凭借细腻敏感的直觉,捕捉光影的变化,抓取动态视觉画面的某个瞬间,使小说的视觉性更富有流动感。战争中月光失去以往温柔与皎洁,“月亮像战争和火灾的血红光亮一样,烟雾朦胧地在村庄的上空照耀着。被月亮的冷酷的和不肯熄灭的光亮一样,使人们的心里产生了一种模模糊糊的惊慌感觉,牲口也感到烦闷。”[肖洛霍夫 1982, 1104]村庄上空的月亮与黑暗的雪堆构成一幅清冷、沉重的光影图,血红冷酷的、不肯熄灭的光亮与心灵的惊慌与烦闷相互呼应,暗示着战争对生命和人性的摧残和压迫。

外在细节的聚焦反映出视角主体的凝视与思考,肖洛霍夫在《静静的顿河》中构建起的视角具有客观性和真实性,但客观与真实并不是唯一和全部内容,客观外在的细节描写构成通往主人公内心运动的道路,内在与精神由外在和身体所生发,一切表现为肉体上的和物化的。经验、感觉、冲动、思想透过人物的面部特征、身体形式、直接反应得以被解读,没有对于精神层面的直接语言刻画与暴露。当司契潘得知阿克西尼亚出轨时,他“脸色苍白,把蚂蝗从胸膛上扯下来,用脚把它们踩死了。

他踩死最后一只蚂蝗，扣上了衬衣的领子，又好像不知道是害怕什么，重新把领子解开了……像石灰一样的白嘴唇安静不下来了；哆嗦着，透露出一种笨拙的笑容，紧紧抿住，变成了一个发青色的圆球……”[肖洛霍夫 1982, 67]与这种外在身体行为和面部神态对应人物内心无法直接表达的痛苦、愤怒、震惊、恐惧等混杂在一起的情绪。当司契潘回到家发现阿克西尼亚悄然离家出走与葛利高里私奔时，他“用刀尖挑起阿克西妮亚忘掉的那件淡青色的、带着淡黄色花的上衣，向上一甩，上衣飞了起来，轻轻用刀一挥，就把它劈成了两半”[肖洛霍夫 1982, 225]内心的愤怒与痛苦并未在小说中以文字的方式直接暴露，而是体现在司契潘的肢体反应和局部动态表情变化上。通过物质上、肉体上的真实外在细节刻画，人物与视觉主体建立起一种在场关系，身体上的变化反应和视觉观察为连通人物感受与读者内心打开一条道路，使读者能够凭借经验切身体会到人物的内在心理状态和情感变化。

运动赋予静态物象以生命和时间，使其由静态向动态转变，从图像转化为真实可感的行为活动。外在的运动会影响乃至导致内心的变化，自然与人、肉体与灵魂在运动中相互交织、相互重叠，从共时走向历时，展现出宏大宽阔的顿河畔哥萨克完整的历史洪流。小说中的自然风景与人物命运在不断运动变化，在此过程中二者相互映照、互为一体，构成人与自然、物质与心灵对立统一的结合体。如小说中生机勃勃的大自然与冷酷残暴的人类战争形成鲜明对比，春天顿河的寒冰开始消融，树林焕发生机，动物孕育生命时，人类却在划分阵营自相残杀，鲜血灌溉着顿河的土地。本该充满生机的春天却散发着死亡、腐朽和绝望的气息。自然的循环往复与人类和平与战争的不断交替犹如两条平行线贯穿于历史之中，两者的不断运动反映出生与死、人性与真理、乡土与城市等充满哲学语调的问题。

二、视觉与体验：宏大叙事中的个人命运

《静静的顿河》涵盖和平时期、世界战争、革命、起义、内战等庞大的史诗内容，作者通过精确而富有层次的语言描绘出一幅诗意的图像，并赋予图像一种描写整体的隐喻功能和象征意义，将自然景观与人事对

照，通过对自然风光细致而全面的刻画，凸显人物因战争和暴力所导致的悲剧命运，呼吁人们回到真实的生活。

色彩斑斓和光影重叠的、微观聚焦与连续运动的动态视觉效果展现出在广阔的历史海面中人物内心随着命运辗转的起承转合。作品主要人物的心理、思想与情感在随着作者行云流水般的描绘同大地、自然万物而产生变化。还有充满河泊、鸟鸣、虫叫、鼠吱各种声响、孕育花草和万物生命的仿佛绿色海洋一般一望无际的草原、远处的山岗上闪烁着的蓝光、波涛翻滚的顿河，一切都在变换流动，焕发蓬勃生机，无垠辽阔。在肖洛霍夫笔下，顿河草原尽收眼底，作者通过敏锐细微的观察和天才般的艺术创作抓取到自然与人类世界的一个又一个片段，瞬时的事物组合在一起，展现出最广泛、最美丽、最真实的哥萨克集体生活画卷。而在这幅囊括长达十年的哥萨克生活和历史画卷中，作者将一个群体、个人的命运置于战争和革命这样充满危机和道德动荡的年代，个人与群体和时代、死亡与生存、道德与堕落、真理与庸俗、战争与和平、自然与城市等有关揭示生活本质、看似矛盾却又相互对立、相互消解的哲学命题统统在其中隐秘而直观地显现出来。

参考文献目录

海德格尔：世界图像的时代，选自孙周兴选编：《海德格尔选集》[Martin Heidegger. The Age of the World Picture. From Sun Zhouxing Ed: Selections from Heidegger]. 上海：三联书店，1996。

康定斯基. 李政文，魏大海译：艺术中的精神 [Wassily Kandinsky. Translated by Li Zhengwen and Wei Dahai. Concerning The Spiritual In Art]. 北京：中国人民大学出版社，2003。

肖洛霍夫. 金人译：静静的顿河 [M.A.Sholokhov. Translated by Jin Ren. And Quiet Flows the Don]. 北京：人民文学出版社，1982。

郑伟：观看者的解读——米克·巴尔的视觉叙事理论 [Zeng Wei. The Viewer's Interpretation — Mick Barr's Visual Narrative Theory] // 外语学刊。2018 06 期，第 122—126 页。

王逸群 Ван Ицюнь
四川大学

川剧是一种咏叹的艺术

СЫЧУАНЬСКАЯ ОПЕРА КАК ИСКУССТВО ПЕНИЯ

摘要: “振兴川剧”的呼声由来已久，但川剧仍面临种种生存困境。本文认为，颇多川剧现代戏缺乏动人的力量，因其丧失了川剧的咏叹气质。川剧是一种咏叹的艺术，其所能含摄的味儿都是在喟叹、吟咏中释放出来的。这里的咏叹是指在戏中故事，在声腔，在演员的步态、手势、表情中表露的一叹再叹的意向。川剧引人走进了一个回应生活世界种种存在样式的咏叹空间，开启了一种属于咏叹的时间性。如何回到咏叹而避免话剧化，这是川剧现代戏需直面的问题。

关键词: 川剧 咏叹 帮腔。

Wang Yiqun
Sichuan University

Sichuan Opera is an Art of Sighing and Chanting

Abstract. The call for the “revitalization of Sichuan Opera” has been a persistent concern, yet this traditional art form still struggles to survive amidst various challenges. This article argues that many modern Sichuan Opera plays lack the power to emotionally engage the audience, primarily due to the loss of intrinsic temperament of sighing and chanting. Sichuan Opera is an art of sighing and chanting, and its aesthetic quality is embodied in the performers’ sighing and chanting. The “sighing and chanting” here refers to the intentional expression of profound sentiments through chanting and repeated sighing that are manifest in the narrative, vocal style, and the performers’ postures, gestures, and expressions during the performance. By inviting audiences into a unique space of sighing and chanting that responds to various existent patterns of the living world, Sichuan Opera creates a temporality that is peculiar to the art of sighing and chanting. As such, modern Sichuan Opera must confront the challenge of returning to the spirit of sighing and chanting while avoiding excessive reliance on dramatization.

Keywords: Sichuan Opera, sighing and chanting, vocal accompaniment.

川剧如何表现现代生活，在体验层面击中广大现代观众？此问题一直引人关注，也催生了种种新创戏。有些川剧新创戏虽着力求新，却不够动人。我认为，这是因其缺乏一种可堪品咂的滋味，正是这种品咂，给

了剧中世界某种存在的深度。对世情的品咂、喟叹、吟咏是川剧的基本气质。

川剧所能含摄的味儿都是在喟叹、吟咏中释放出来的。或者干脆说，川剧就是一种咏叹的艺术形式。这里的喟叹、吟咏，是在戏中故事，在声腔，在演员的步态、手势、表情中表露的一叹再叹的意向。当我们去看川剧，舞台上传来第一声锣鼓，第一声帮腔，咏叹就开始了。直观而明确的，它不是劝诫、训喻、鼓动、宣传、祈祷之类意向，就是带有抒情气息的，声声拖曳，反复堆叠的咏叹。咏叹的形态是多样的：感喟人生传奇，慨叹无常的命运，品咂世俗生活的滋味，感系于遥远的世界……声声咏叹，总关乎日常理智无法迅速消化的生命可能性，昭示着世界难以度量的旷远阔大，也道出了人生在世种种悠长的滋味。

川剧是从市井中生长起来的，常如民间故事般单朴，像寻婿说亲、男女奇情、昏官义士、俗世仙踪等寻常剧情，有着一望即知的简单透明，这使其便于传颂，但无法保持长久的新鲜感。反过来说，正是反复传颂，为其不断增添可吟咏性。当然，川剧也常有复杂的情节，但再复杂的情节也会化约为一些富含咏叹质素、值得反复回味的情景。把故事分解为场景，把场景分解为可咏叹的元素，把一次性的咏叹分解为一叹再叹，反复品咂，迭生叹意……这是川剧鲜明的美学气质。川剧中的故事不具根本意义上的重要性，重要的是如何品咂故事中可能隐含的种种人生体验。

在中国戏剧中，川剧的咏叹气质极为鲜明，与其浓郁的市井气有关，但没有什么能比帮腔这一形式要素更能说明问题了。学界讨论帮腔的意义，总体上是从不同角度描述其在戏剧演出中的诸种功能，如交代背景、渲染气氛、代作者发议论、帮演员定调等。这就忽略了帮腔意义的另外一个维度：它是自为的，不承担任何功能，只是一种纯粹的咏叹。帮腔总是悄悄打开角色世界之外的另一重空间，一个咏叹起伏回荡的空间。可以说，帮腔代表的是“理想的观众”（正如施莱格尔对古希腊歌队的解释），它像是从台下观众那里抽离出来的，也便更加纯化的人生感。在川剧中体验种种人生，就是在四面八方的咏叹中领会巴蜀生民宏

阔的生命天地。咏叹声有如一道道投向远方的光束，密集交织，映照出一个无限广阔的情感世界。

川剧可以是观众的审美读本、道德读本、社会读本，但它也引人走进了一个回应生活世界种种存在样式的咏叹空间，开启了一种属于咏叹的时间性。这是一种滞缓、迂折的时间。人生劳碌，难得驻足顾盼自怜，咏叹总发生于驻留之处。生存的重负、意外的景致、神秘的命运常常中断日常生活的意向性，将咏叹逗引出来。咏叹的发生、展开过程也有着某种回环的结构：不断向作为咏叹对象的特定情绪、主题回返，流连不去。它在回返中持续向所咏叹者深处挺进，层层叠叠的咏叹，就是咏叹对象无限的敞开和咏叹者无限的回返。

时间性是理解社会现象，乃至社会整体品质的重要维度。围绕它的相关讨论，常见于对现代性问题的思考。人们说，现代人的时间体验趋向于碎片化、瞬间性、断裂感、均质化，等等。应该警惕对社会时间的单质化概括，如果我们纯粹以均质而空洞的时间观来理解当代世界，那只能是一个观念的乌托邦，同理，从前的时间也不全然缓慢、有机。任何世界都不是平的，不能因为川剧源于传统社会，便笼统地说它对应着某种前现代的时间观和生存方式——若是如此，川剧便丧失在现代生活的土壤上繁茂生长的可能。即便在乡土中国，川剧迂折、滞缓的时间也是众多社会时间的一个层面。它与其他社会时间纠缠、碰撞，并在这种碰撞中彰显自身的特性。

从这个意义上，川剧这一古老的艺术形式不会因其“古老”而遭遇危机。只要人还会咏叹，川剧就不会失去其生命力。如何回到咏叹而避免话剧化，这是川剧现代戏需直面的问题。

主要参考文献：

邓运佳：川剧艺术概论[Deng Yunjia. Introduction to the Art of Sichuan Opera], 成都：四川省社会科学院出版社，1988。

余虹、吴兴明：苦文化的贫困——论川剧味儿及其文化意蕴[Yu Hong, Wu Xingming, The Spiritual Dearth in Culture of Hardship and Bitterness: Exploring the Taste and Cultural Connotation of Sichuan Opera]//四川戏剧，1989年第4期。

贝托尔特·布莱希特：陌生化与中国戏剧[Bertolt Brecht, *Verfremdung and Chinese theatre*], 张黎、丁扬忠译, 北京: 北京师范大学出版社, 2015。

乔治·古尔维奇：社会时间的频谱[Georges Gurvitch, *The Spectrum of Social Time*], 朱洪文、高宁、范璐璐译, 北京: 北京师范大学出版社, 2010。

А.Л. Верченко
ИКСА РАН

СВАДЕБНЫЕ ПОДАРКИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Аннотация. Китай демонстрирует решимость искоренить оставшиеся в обществе *устаревшие* традиции. Внимание властей в последнее время обращено на высокие расходы на свадьбу, в первую очередь на свадебные подарки, особенно на подарки невесте — выкуп за невесту. Обычай остается неискоренимым и в начале XXI в., хотя считается жестом доброй воли между двумя семьями, на самом деле превратился в обязательный атрибут свадебной церемонии. Расходы на выкуп за невесту, как и на подарки молодоженам, стабильно растут год от года, особенно в сельской местности, становясь непосильным бременем для семейного бюджета. Огромные траты не в последнюю очередь влияют на желание молодежи вступать в брак. Коэффициент брачности падает стабильно последние 9 лет, что отражается и на уровне рождаемости в Китае. Высокие свадебные расходы становятся бременем для семейного бюджета, вызывают беспокойство руководства КНР и КПК, лично генерального секретаря ЦК КПК. Власти в центре и на местах призывают к изменению устаревших свадебных обычаев, к переходу к нулевому выкупу, сокращению общих расходов на свадьбу.

Ключевые слова: Китай, выкуп за невесту, изменение традиционных обрядов бракосочетания.

Alla L. Verchenko
ICCA RAS

Wedding Gifts as a Social Problem of Modern China

Abstract. China has demonstrated its determination to eradicate its outdated traditions. The attention of the authorities has recently been drawn to the high level of the wedding expenses and wedding gifts, especially bride gifts. The custom remains ineradicable at the beginning of the 21st century, and even though it is perceived as a goodwill gesture between the two families, in fact it became the mandatory attribute of a wedding ceremony. The cost of bride gifts, as well as other wedding gifts, has been rising steadily during last 9 years, especially in rural areas. It affects young people's desire to get married, which has been a factor of declining the marriage rate, and hence the birth rate in China. High wedding expenses have become a burden for the family budget, and this causes concern of the leadership of the People's Republic of China and the Communist Party, personally the general secretary of the Central Committee of the CCP. The authorities explain

the importance of changing outdated customs, sticking to zero bride gifts, reducing the overall cost of a wedding ceremony.

Keywords: China, bride gifts, changing of traditional marriage customs.

Свадьба остается важнейшим событием в жизни людей, и подарки играют в нем главенствующую роль. Свадебные подарки в Китае начинаются с подарков невесте, без которых свадьба может и не состояться. Это весьма затратная часть ритуала, размер которой в последнее время демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, превращаясь в непосильное бремя для семьи, что вызывает обеспокоенность как власти, так и общественности. С одной стороны, в век модернизации, глобализации и технического прогресса Китай бережно сохраняет свои традиции, поддерживает на государственном уровне народные праздники и обычаи предков, считая их неотъемлемой частью богатой китайской культуры. С другой стороны, власти иногда вынуждены вводить определенные ограничения, когда обычаи влекут за собой траты, выходящие за рамки разумного. Растущие расходы на свадьбу, прежде всего на т.н. выкуп невесты, среди прочих факторов оказывают отрицательное влияние на коэффициент брачности, который непрерывно падает последние 9 лет и влияет на демографическую ситуацию в стране (中国 *Чжунго*).

От нескольких метров хлопчатобумажной ткани в 1950-е годы, «трех вращающихся и одного звука» (велосипед, часы, швейная машина и радио) в период реформы, в качестве свадебного подарка невесте сегодня полагаются золотые украшения, участок земли, машина, квартира/дом или деньги в сумме, обозначенной счастливыми цифрами: 188, 288, 388 тыс. ю. В Тибете за невест платят выкуп яками, овцами или автомобилями. В Пекине за последние годы выкуп за невесту вырос со 100 до 200 тыс. юаней плюс квартира/дом, в Гуанчжоу — с 10 тыс. до 50 тыс. юаней, в Шанхае остался неизменным на уровне 100 тыс. юаней (全国 *Цюаньго*). Нередко перечисленные пункты подарков не являются альтернативными, а должны быть представлены все одновременно (Ху). Дом и машина — стандарт для брака на селе. Обследования показывают, что чем беднее провинция, тем выше стоимость подарка невесте, из-за чего семья жениха влезает в долги и берет кредиты. Проблема волнует власти и население, находит отражение в соцсетях и публикациях, как в СМИ, так и в научных изданиях.

Во время свадебного банкета, имеющего в Китае гораздо более важное значение, чем собственно регистрация брака, новобрачные получают предназначенные им обоим подарки. Китайцы во всем ищут благоприятное, и свадебные подарки не являются исключением. Помимо денег дарят красные одеяла и счастливые подушки, парную посуду, бытовую технику, лилии, символизирующие вековой союз, всякие благожелательные су-

вениры. Цена подарка или наполнение красного конверта зависят от степени близости приглашенных к новобрачным и их семьям (结婚礼物 *цзехунь лиу*).

Правительство ведет работу, цель которой — убедить население, особенно сельских районов, свести на минимум размер выкупа за невесту и отказаться от дорогостоящих свадеб. Утверждены общенациональные и местные программы по реформированию брачных обрядов. В некоторых районах эффективность работы по изменению устаревших обычаев включается в оценку деятельности чиновников, в программы обучения руководящих кадров. Не остается сомнений, что, когда партия и ее руководитель выявляют проблему, она будет решена — в Китае принято выполнять указания.

Библиографический список

Xu Keyue, Fan Anqi. China to launch campaign against exorbitant bride prices. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1285403.shtml> (дата обращения: 08.01.2023).

结婚礼物 [Свадебные подарки]. URL: <https://baike.sogou.com/v64684442.htm?ch=zhihu.topic> (дата обращения: 10.02.2023) (кит.яз.).

中国婚姻家庭报告 2022 版 [Брак и семья в Китае — 2022. Доклад]. URL: <https://file.c-ctrip.com/files/6/youwa/0R71o120009dwkxcgE938.pdf> (дата обращения: 27.01.2023) (кит.яз.).

全国彩礼调查: 大部分地区价位高 有地方“零礼金” [Выкуп за невесту в Китае: в большинстве районов очень большой, есть районы с нулевым выкупом] URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0220/c1001-29092464.html> (дата обращения: 06.02.2023) (кит.яз.).

В.Б. Виноградская
ИКСА РАН

ЗНАНИЕ В СЕТИ: КНР МЕЖДУ ОТКРЫТЫМИ СОЦСЕТЯМИ И ПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

Аннотация. Рассмотрены современные успешные проекты в медиaproстранстве китайского интернета, которые органично вырастают из запроса на знания, ориентированы на получение знаний, но при этом носят наиболее общий характер. Подобные модели оформляются в информационном обществе на определенном уровне технологий, но в качестве культурного явления неизбежно обнаруживают специфические черты. Примерами открытых, изначально бесплатных для потребителя платформ служат сервис вопросов-ответов Zhihu (知乎 *Чжуху*, осн. 2010 г.) и форум Baidu Tieba (百度贴吧 *Байду Теба*, англ. Baidu Post-Bar, осн. 2003 г.), которые в последние годы попадают в рейтинги наиболее популярных крупных китайских социальных медиа. Платные ресурсы представлены через модель так называемых «приложений платных знаний» 知识付费 App, прежде всего, лидера в этом сегменте Dedao (得到 *Дэдао*, англ. iGet, осн. 2016 г.) и более нишевого приложения — Kan lixiang (看理想 *Кань лисян*, англ. Vistoria, осн. 2018 г.). Неотъемлемой составляющей успеха проектов этого типа является обеспечение максимальной интерактивности, позволяющей потребителю оказывать непосредственное влияние на контент и поддерживать активное и лояльное сообщество.

Ключевые слова: китайский интернет, открытые социальные медиа, платные приложения, платные знания, интерактивность.

Veronika B. Vinogradskaya
ICCA RAS

Knowledge on the Net: PRC between Open Social Media Platforms and Paid Apps

Abstract. The topic of this presentation are several current successful knowledge platforms in the mediascape of the Chinese Internet. All of them grow organically from a demand for knowledge and are focused on obtaining knowledge but are of the most general nature. The models behind these projects would emerge in the information society at a certain level of technology, though as a cultural phenomenon, they inevitably many specific features. Examples of open and initially free social media platforms are Zhihu Q&A service (知乎 Zhihu, founded in 2010) and Baidu Tieba forum (百度贴吧, Baidu Post-Bar, founded in 2003), which have been ranked among the most popular Chinese social media in

recent years. Paid resources exemplified in the model of the so-called “paid knowledge apps” 知识付费 App — the leader of this segment, Dedao (得到, iGet, founded in 2016) and a more niche application Kan Lixiang (看理想, Vistopia, founded in 2018). A vital part of the success of these projects is ensuring maximum interactivity, allowing the knowledge demander to have a direct impact on the content and maintain a healthy community, active and loyal to the platform.

Keywords: Chinese Internet, open social media, paid apps, knowledge payment, interactivity.

Само по себе получение знания не привязано к определенному носителю и формату, но в равной степени является результатом взаимодействия людей по обе стороны контента — и того, кто его создает, и того, кто извлекает из контента знание. Оно самым причудливым образом раскидано по платформам разного типа и адаптируется к любым форматам. Поэтому источником знания лично для вас в интернете может стать и полноценный онлайн учебный курс, и короткое видео с Тик-тока, тематический канал на Ютубе и научная статья из академической базы, любимый подкаст или специализированное приложение и т. п. с неисчерпаемой вариабельностью.

К устойчивым эффективным моделям относятся, например, образовательные платформы с мультимедийными курсами, включающими точные методические инструкции, практические работы, возможность контактов с преподавателем и получение сертификата. Но речь пойдет не об этих прямых наследниках привычного оффлайн образования и не об использовании платформ общей направленности в просветительских целях — например, научно-популярных каналах на крупных видеохостингах (YouTube , 优酷, 哔哩哔哩) или аудиоплатформах типа 喜马拉雅 FM. Далее рассматриваются удачные проекты: во-первых, органично вырастающие из личного запроса на знания, во-вторых, ориентированные именно на получение знаний, но при этом наиболее общего характера. Важной составляющей их успеха является влияние адресата на контент и интерактивность.

Предварительно несколько слов об особенностях медиапространства китайского интернета. Сочетание разных факторов определило: 1) высокую герметичность и использование отечественных платформ, что неизбежно принесло с собой и культурную специфичность (например, вседуший, некогда всего лишь мессенджер, Wechat, превратившийся в огромную и сложную цифровую экосистему); 2) высокий уровень проникновения интернета в апреле 2023 г.: в КНР — 74 % (общемировой — 64,6 %, в России — 88,2 %) и огромная пользовательская база — 1,05 млрд при 1,43 млрд населения, в частности, благодаря этому, даже самые нишевые ресурсы имеют возможность стать экономически целесообразными и социально значимыми; 3) преобладающий мобильный дос-

туп, то есть всем девайсам большинство для выхода в сеть предпочитает телефоны.

В этих условиях наиболее выразительными примерами ресурсов, ориентированных на личный запрос и оптимизированных под интерактивность, оказываются максимально открытые и максимально закрытые платформы. На одном конце спектра находятся некоторые крупные социальные медиа, обеспечивающие публичный адресный обмен информацией. По другую — платные приложения 知识付费, предлагающие знания также самой широкой аудитории, но с фильтром готовности покупать цифровые продукты — подписки, курсы лекций, электронные и аудио книги. И в том, и в другом случае потребитель оказывает определяющее и оперативное влияние на контент, в первом случае напрямую и проактивно запрашивая информацию, во втором — голосуя не только лайками, но и юанем.

Из открытых платформ первой на ум приходит Zhihu (知乎 Чжуху), которая в конце 2010 г. была запущена как закрытый сервис вопросов-ответов для профессионалов, и до 2013 г. зарегистрироваться на нем можно было только по приглашению. Но в наши дни Zhihu стал крупнейшей мультимедийной платформой с разнообразнейшим контентом, и помимо того, что дает возможность довольно быстро найти вполне качественную информацию, интегрирует электронную торговлю и другой востребованный функционал современных социальных медиа. Здесь пользователи создают вопросы, на которые могут отвечать все желающие, зарегистрированные на сайте. Кроме того, в рамках базового функционала любые зарегистрированные пользователи могут: 1) подписаться на вопрос (关注), 2) подписаться на пользователя, задавшего вопрос или ответившего на него, 3) написать пользователю в личку (发私信), 4) сохранить ответ у себя в профиле, нажав на «звездочку» (收藏), 5) отметить ответ «сердечком» как избранный/любимый (喜欢), 6) поднять (赞同) или наоборот снизить рейтинг ответа, 7) самому принять участие в обсуждении (评论) и так далее.

Тематически диапазон вопросов ограничен только фантазией спрашивающего и цензурой, поэтому вас могут пригласить просто поздравить с днем рождения, а могут поделиться уникальным опытом, описанным на высоком медийном и/или экспертном уровне и дать рекомендации на любой жизненный случай и информационный запрос. В одном треде, длина которого зависит исключительно от степени популярности вопроса, могут соседствовать ответы самого разного уровня и жанра, но благодаря функционалу вверх обычно поднимаются наиболее стоящие внимания. Например, высоко чувствительная для китайцев тема о расовом превосходстве: в марте 2023 г. в вопросе: «У кого интеллект выше — европейцев или восточноазиатов?» в топ с лайками в несколько тысяч попадают

максимально взвешенные ответы в духе того, что люди везде люди, мозг один и тот же, как использовать, так и будет. Или, что китайцы, по личному опыту, изобретательней в достижении практических целей 精明, зато европейцы креативнее и с ними легче общаться.

В результате взаимодействия интерактивного функционала, тегов и алгоритмов рекомендаций на платформе создается огромное сообщество или, скорее, совокупность сообществ активных лояльных пользователей, довольно свободно при этом перемещающихся между информационными пузырями, так как один и тот же пользователь может активно участвовать в обсуждении как последних сплетен медиамира, так и сугубо академических вопросов или деталей современной политики.

Среди открытых моделей также стоит, по крайней мере, упомянуть форум Baidu Tieba (百度贴吧 *Байду Теба*, англ. Baidu Post-Bar, осн. 2003 г.). Пользователи здесь создают тему, и в ней делятся своими мнениями и впечатлениями. Несмотря на упадок формата форума в современном интернете, подобные форумы общего характера остаются популярны и зачастую используются вместо поисковиков. А в данном случае хозяином площадки является компания Baidu, которая с огромным отрывом лидирует на китайском рынке поисковых систем, поэтому публикации Baidu Tieba получают приоритет в поисковой выдаче, а данные о пользователях и ключевых словах способствуют эффективной персонализации контента.

Чжиху и Байду Теба в последние годы попадают в рейтинги десяти наиболее популярных китайских социальных медиа как по числу активных пользователей в месяц, так и по опросам о любимых платформах. Сервисы продолжают развиваться, обрстая дополнительным функционалом и мультимедийными возможностями, а также осваивая платные сценарии использования.

2016 г. называют в Китае «первым годом платных знаний» (知识付费元年). С этого времени наблюдается постоянный быстрый рост рынка, а использование «платных знаний» распространяется все шире, новые проекты появляются один за другим, а старые начинают использовать платные модели (知乎 — с 2017 г.). К 2018 г. готовность платить не за вещь, а за контент, становится очевидным фактом и весомым фактором развития «индустрии знаний» 知识行业. В 2022 г. контент покупали уже 530 млн человек, с прогнозом роста рынка в текущем году на 60 %¹. Варианты моделей, где используется платный контент, бесконечны, но дух того, что в КНР называют 知识付费 «знания за плату» или «платные знания» наиболее полно воплощается в платных приложениях — 知识付费 App.

¹ Market size of paid knowledge industry and its annual growth rate in China from 2015 to 2022 with forecasts until 2025. URL: <https://www.statista.com/statistics/1320081/china-paying-for-knowledge-market-size/> (дата обращения: 06.062023).

У подобных приложений обычно, хотя и не обязательно, есть десктопная версия, но создавались и запускались они именно для мобильных устройств, в расчете прежде всего на смартфоны — в отличие от «старичков» типа Байду Теба, которые разрабатывались для стационарного компьютера, а потом переходили на мобильные рельсы.

В конце мая 2016 г. на рынок официально выходит приложение Dedao (得到 *Дэдао*, англ. iGet) с не очень поддающимся переводу из-за игры слов слоганом — «Знание — вобретении», или «Знание — прямо в Dedao» (知识就在得到). Этот слоган до сих пор первым выводится на экран при загрузке приложения. В 2018 г. Dedao позиционировало себя как «Университет Dedao» 得到大学, в котором можно «вместе учиться всю жизнь» (和你一起终身学习). Основной контингент — **уже неплохо образованные и работающие по специальности жители мегаполисов первой линии (но подтягивается и вторая линия — 28 % в 2022 г.) в возрасте 20—40 лет**, с небольшим преобладанием мужчин над женщинами.

Основной формат — это авторские онлайн-курсы 线上课程 из серии 10—20 минутных аудиоподкастов с транскриптами, при необходимости — с иллюстрациями. Курс обычно рассчитан на сезон, в течение которого лектор будет также отвечать на вопросы слушателей, а затем остается доступным для освоения и обсуждения в общей библиотеке. **В рамках приложения** также предлагаются электронные книги в собственной «читалке» 得到阅读器, в том числе с электронной озвучкой (популярной функцией в китайском интернете), а также — обычные книги, сопутствующие товары, мерч бренда, рекламируются оффлайновые события. Как и везде в последние годы, практически по любому случаю также проводятся видео стримы и выкладываются короткие видео. Основные темы — это технологии, бизнес, гуманитарные и социальные науки. Ведущие, помимо того, что являются признанными учеными, специалистами, экспертами, часто также и известные медийные личности.

Подобные проекты редко возникают на «пустом месте» и не делаются в гаражах на коленках. Обычно они опираются на эксплуатацию уже состоявшихся брендов. Так основатель и вдохновитель Dedao Ло Чжэньюй 罗振宇, или «толстяк Ло» 罗胖, начинал продюсером на телевидении, а к середине 10-х стал звездой интеллектуального интернета с проектом «ЛЮ-гическое мышление» 罗辑思维, это в основном часовые видео эссе о книгах, идеях и обо всем, что представляет для него интерес.

Dedao — настоящий гигант, но далеко не монополист в сфере «платных знаний» и платных приложений. Приведу еще один пример реализации подобной модели — в качестве иллюстрации успешного нишевого проекта. Он также обычно включается в число наиболее успешных, но с заметно более узкой аудиторией, и в отличие от более «практичного» Дэдао — с уклоном в искусство, философию и культурологию. Приложе-

ние Kan Lixiang (看理想 *Кань лисян*, англ. Vistopia) стартовало в 2018 г. как продолжение издательского «культурного бренда» Vistopia 理想国 и с привлечением контента известных интернет видео проектов Лян Вэньдао 梁文道 (《一千零一夜》), Доу Вэньтао 窦文涛 (《圆桌派》), Чэнь Дяньцина 陈丹青 (《局部》) и других. На стартовом экране Визтопия приглашает «Увидеть иную возможность» (看见另一种可能), а еженедельную бесплатную авторскую колонку в формате аудиоподкаста Лян Вэньдао, одна из самых авторитетных фигур в Визтопии, уже шестой сезон открывает словами: «Не гарантирует успеха, не обязательно полезно, знание — просто чудесный свет, освещающий мир» (不保证成功, 不一定有用, 知识只是点亮世界的灵光).

Эти и подобные приложения отличаются концепцией, дизайном, контентом, позиционированием на рынке, но опираются на оригинальный контент, создаваемый признанными лидерами мнений. И именно за качественный контент и удобство пользования им готовы платить клиенты. Возможности различных манипуляций с сохраненным содержанием, наличие разнообразной статистики, геймификация с медалями и достижениями также неременная часть этих моделей.

Закрытыми «платные приложения» я называю не только потому, что они в основном в бесплатном для пользователя интернете требуют для полного доступа расставаться с некоторыми суммами денег. В конце концов, установка этих приложений бесплатна, регистрация не требует удостоверений личности и возможна для пользователей в любой точке мира. Кроме того, в платных ресурсах в наши дни есть немало бесплатного контента. Но содержимое этих приложений не отражается в поисковых системах, в отличие от Чжиху, и остается скрытым для стороннего наблюдателя, если только, ему специально не отправят ссылку. Даже в пиратском виде этот контент редко выходит за пределы своего приложения.

Жизнеспособность и привлекательность подобных проектов, помимо качества информации и удобства использования и правильного позиционирования, напрямую зависит от обеспечения интерактивности, и именно постоянное и разнообразное взаимодействие с активным сообществом подписчиков отличает их от образовательных платформ-агрегаторов курсов или ресурсов, привязанных к оффлайновым или записанным в студии лекциям, и позволяет достаточно гибко реагировать на изменения в головах, сердцах и технологиях.

Рассмотренные модели не уникальны, они закономерно оформляются в современном информационном обществе на текущем уровне технологий, но в качестве культурного явления неизбежно обнаруживают специфические черты. Так, открытые платформы появлялись еще в то время, когда Китай в основном копировал успешные модели из глобального интернета. Но Zhihu, который поначалу был репликой международного сер-

виса вопросов-ответов Quora (осн. 2009 г.; заблокирован в КНР в 2018 г., в РФ — в 2022 г.), по моему мнению, превзошел образец, а форум Baidu Tieba, который сейчас называют китайским Reddit (осн. 2005 г.), заработал на два года раньше Reddit и был на подъеме в середине 10-х гг., но сейчас значительно уступает Reddit, раздражая опытных пользователей сразу по нескольким параметрам. В РФ же при развитии интернете ни один из подобных проектов (наиболее известен сервис вопросов-ответов Ответы Mail.ru) не получил серьезного развития ни с точки зрения охвата аудитории, ни с точки зрения качества информации. «Платные приложения» широкого профиля типа iGet и Vistopia ни с какими зарубежными аналогами не сравнивают, но с точки зрения технологий они особого удивления не вызывают и органично вписываются в существующие интернет тренды. В целом, и открытым, и закрытым платформам пока удастся успешно адаптироваться к новым реалиям, сохраняя собственную идентичность и ценность для своей аудитории.

Д.Г. Главева

Центр «Диалог», Амстердам

**ЭКО-ГАРМОНИЧНАЯ «КАРТИНА МИРА»
В ТРАДИЦИОННОЙ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ
(НА ПРИМЕРЕ ТРАКТАТА ХАКУИНА «ОРАТЭГАМА»)**

Аннотация. В третьем тысячелетии в научных дискуссиях все более видное место занимают проблемы надвигающегося глобального кризиса техногенной цивилизации, необходимости создания новой конструктивной этики отношений человека и природы в целях поддержания здоровой экологической обстановки для жизни и деятельности людей. В настоящей статье выявлены основные аспекты «экологической мудрости» традиционной японской культуры. Термин «экологическая мудрость» употребляется в смысле умения человека приспособиться, адаптироваться, вписаться, «встроиться» в среду обитания, не перестраивая при этом ее, а изменяя и совершенствуя самого себя. С точки зрения выявления экологично-творческого потенциала японского менталитета, специальное внимание уделяется умению японцев, определяемому как «безыскусное искусство жизни» (умение находить оптимальное равновесие между «естественным» и «культурным» поведением), наиболее отчетливо проявляющейся в системе дзэн-буддизма. Рассматривая весь внешний мир как продукт духовной активности человека, последователи дзэн в качестве основной цели человеческой жизнедеятельности ставят не внесение неких изменений в природную или социальную среду, а преобразование, развитие и совершенствование тех или иных внутренних структур психики и сознания; постижение «изначальной, сокровенной природы» человека. Отсюда — особая значимость развития способности «внутреннего видения» в системе дзэн-буддизма.

Анализ «экологической мудрости» в контексте дзэн проводится на примере учения о «внутреннем взгляде» (яп. *найкан*, кит. *нэй гуань*) выдающегося дзэнского мыслителя Экаку Хакуина (1685—1768), излагаемого в его трактате «Оратэгама».

Ключевые слова: экологическая мудрость, дзэн-буддизм, учение о «внутреннем взгляде» (яп. *найкан*), Экаку Хакуин.

Diana G. Glaveva

Dialogue Centre, Amsterdam

**Eco-harmonious “picture of the world” in traditional Japanese culture
(on the example of Hakuin's treatise “Orategama”)**

Abstract. In the third millennium, in scientific discussions, the problems of the impending global crisis of technogenic civilization, the need to create a new

constructive ethics of relations between man and nature, in order to maintain a healthy ecological environment for the life and activities of people, are increasingly prominent. This article reveals the main aspects of the “ecological wisdom” of traditional Japanese culture. The term “ecological wisdom” is used in the sense of a person's ability to adapt and “integrate” into the environment, without rebuilding it, but changing and improving himself. From the point of view of identifying the environmentally friendly and creative potential of the Japanese mentality, special attention is paid to the skill of the Japanese, defined as “artless art of life” (the ability to find the optimal balance between “natural” and “cultural” behavior), which is most clearly manifested in the system of Zen Buddhism. Considering the entire external world as a product of human spiritual activity, the followers of Zen set the main goal of human life not to make any changes in the natural or social environment, but to transform, develop and improve certain internal structures of a person, psyche and consciousness; comprehension of the “hidden nature” of man. From this follows the special significance of developing the ability of “inner vision” in the system of Zen Buddhism.

The analysis of “ecological wisdom” in the context of Zen is made on the example of the doctrine of “inner vision” (Japanese *naikan*, Chinese *nei guan*) of the famous Zen thinker Ekaku Hakuin (1685—1768), set forth in his treatise *Orategama*.

Keywords: ecological wisdom, Zen Buddhism, the doctrine of the “inner view”, Ekaku Hakuin.

В третьем тысячелетии в научных дискуссиях все более видное место занимают проблемы надвигающегося глобального кризиса техногенной цивилизации, необходимости создания новой конструктивной этики отношений человека и природы в целях поддержания здоровой экологической обстановки для жизни и деятельности людей. Речь идет о своеобразной экологизации и эко-гармонизации человеческого бытия.

Новую эко-гармоничную этику необходимо вписать в рамки поведения людей, в их мировосприятие. Эту далеко не простую задачу помогает решить изучение мировоззренческих основ традиционной культуры Японии. В ней особенно отчетливо прослеживается органичное включение человека в природную среду обитания.

В докладе выявлены основные аспекты «экологической мудрости» традиционной японской культуры. Термин «экологическая мудрость» употребляется в смысле умения человека приспособиться, адаптироваться, вписаться, «встроиться» в среду обитания, не перестраивая при этом ее, а изменяя и совершенствуя самого себя.

С точки зрения выявления экологично-творческого потенциала японского менталитета и образа жизни следует уделить специальное внимание особому умению японцев, определяемому как «безыскусное искусство жизни» (умение гармонично сочетать «бессознательно-природное» начало с «сознательно-культурным»), находить оптимальное равновесие меж-

ду «естественным» и «культурным» поведением), наиболее отчетливо проявляющейся в системе дзэн-буддизма (японская версия китайской буддийской школы чань).

Дзэнское учение развивается в русле буддизма махаяны, согласно которому все единичные «условно-реальные» сущности имеют «истинно-реальный» субстрат, т.е. Будду в его сущностной, абсолютной ипостаси (санскр. *Дхарма-кая*, кит. *фаиэнь*, яп. *хоссин*) [Буддийская философия в средневековой Японии 1998, 135]. Следовательно, истинная природа, «естество» каждого существа или неодушевленного предмета есть ни что иное, как «природа Будды». Отсюда — все проявления жизни, духовные и материальные, религиозные и светские, сливаются в единый поток бытия, который становится синонимом Будды. Именно это положение и составляет фундамент дзэнского «видения мира».

«Экологическая мудрость» мировосприятия в контексте дзэн заключается в осознании человеком, достигшим «просветления» (яп. *самори*), своей глубокой причастности ко всему сущему, когда исчезает мнимое существование противоположностей (внешняя, окружающая его природа воспринимается им как часть его «внутренней природы»). *Самори* — это «пробуждение» «истинной, изначальной природы» человека, которая есть «природа Будды» (яп. *синсэ:* = *буцусэ:*) [Хакуин 1994, 102].

Рассматривая весь внешний мир как продукт духовной активности человека, последователи дзэн в качестве основной цели человеческой жизнедеятельности ставят не внесение неких изменений в природную или социальную среду, а преобразование, развитие и совершенствование тех или иных внутренних структур психики и сознания; постижение «изначальной, сокровенной природы» человека. Именно эта сугубо интериоризованная (внутренняя) направленность самой «перестройки» и предопределила то особое внимание, которое уделялось в дзэн-буддизме практике психотренинга и самоконтроля. В этой связи следует также отметить, что дзэнские методы «самопреобразования психики» и «совершенствования духа» интенсивно влияли и на экстериоризованную (внешнюю) деятельность человека (ее результаты рассматривались дзэн-буддистами как «производные» от решения задач по «оптимизированию» духовного человеческого потенциала). Отсюда — повышенное внимание к «изначальной, сокровенной природе» человека, а также — особая значимость способности «внутреннего видения» в системе дзэн-буддизма.

С особой последовательностью это умение «внутреннего взгляда» (яп. *найкан*, кит. *нэй гуань*) рассматривается в учении выдающегося дзэнского мыслителя Экаку Хакуина (1685—1768), излагаемом в его трактате «Оратэ-гама». В системе учения и практики дзэн «взгляд» (онное «китайское чтение» — *кан*; кунное «японское чтение» — *миру* — «видеть») приобретает первостепенную значимость. Будучи практичным учением, дзэн отодвигает

в сторону все второстепенные дела и рассуждения и прямо указывает на необходимость развивать способность «видения» реальности.

При этом под «взглядом» здесь подразумевается не простое чувственное зрение, а скорее созерцание, некое духовное, внутреннее зрение. В результате развития и совершенствования «внутреннего видения» открывается принципиально новое измерение мира — духовный аспект бытия, в котором предметы и события, не меняя ни грама в их действительном составе, приобретают иной — духовный смысл, доступный лишь созерцанию и неуловимый для чувственного зрения. Иными словами, это не просто «прозрение», а прозрение, содержащее «знаниевый элемент», «видение-знание» истинной реальности «как она есть». Процесс приобретения «внутреннего взгляда» приводит к изменению взгляда на мир: человек постигает «недвойственность», «единотаковость» окружающего мира, обнаруживает свою идентичность с «природой Будды», т.е. сам становится Буддой (яп. *дзэ:буцу сурү*).

Тому, кто совершенствуется в духе, согласно Хакуину, следует открыть свою внутреннюю глубину и стать тем, кто живет в гармонии с собой, обществом и природой. «Внутреннее видение», таким образом, призвано «гармонизировать» (точнее возвратить к состоянию первозданной гармонии и естественности) взаимодействие личности с природой.

Развитие «внутреннего взгляда» позволяет практикующему жить в обычном суетном мире, при этом сохраняя целостность и гармоничность своей «внутренней природы». Внутреннее совершенство проявляется вовне и позволяет ему в повседневной жизни быть не подвластным ее чувствам и эмоциям. В «Оратэгама» Хакуин как раз подчеркивает этот момент: «... [Тогда даже] если [вы] войдете в город, где находятся мятежные войска, или попадете в море песен и веселья, это будет подобно тому, будто бы [вы] находитесь в безлюдном месте» [Хакуин 1994, 104—105].

Способность «внутреннего видения» «найкан», позволяет адепту дзэн мгновенно сосредоточиться на самой сути любой проблемы, и невзирая на помехи идти к цели.

Практикующий «найкан» обязан с максимальной отдачей сил исполнять свои светские обязанности, быть деятельным и креативным, т.е. подходит к своей деятельности активно-созидательно, творчески. Смысл обретения «внутреннего взгляда» и переживание *сатори* состоит в том, чтобы создать благоприятный климат для самопроявления, формирования нового видения реальности с целью наилучшей подготовки человека к выполнению его социальных и культурных функций. Человек, прозревший свою «истинную природу», входит во взаимодействие со своим окружением, «фильтруя» его и внося в него импульс развития. Кульминационный момент актуализации «истины» заключается в любом действии, которое претворяется в порыве творческого вдохновения. «Истина

не есть открытие, истина есть творение», — писал по этому поводу Р. Блайс [Blyth 1979, 180].

«Внутренний взгляд», обретенный во время переживания *сатори*, творит не только внутренний мир (в плане самонахождения своего «внутреннего я»), но и пробуждает творческое отношение к каждому явлению окружающей действительности. Таким образом, и повседневная жизнь, и собственно искусство в духе дзэн оказываются пронизанными гармонией взятого из природы и привнесенного человеком. В дзэн-буддизме происходит слияние «естественности» и «культурности». Здесь особенно отчетливо проявляется основная идея дзэнской и всей японской культуры в целом, а именно: творение жизни человеком (еще один аспект «экологической мудрости» дзэн).

В учении Хакуина «найкан» «закодирована» информация о том, как достичь просветления «в этом теле», оставаясь при этом в «этой жизни»; как творить свою жизнь, не перестраивая при этом естественный порядок природы; как вернуть первозданную гармоническую целостность человеческого существования. На примере учения о «внутреннем взгляде» особенно отчетливо видна основная предпосылка «экологичности» японского мировосприятия: «видение» и совершенствование «внутренней сущности» человека необходимо для целостной гармонизации мира. Развитие способности «духовного» видения приводит к активному и творческому взаимодействию с окружающей реальностью. Следовательно, «интроспекция» в понимании Хакуина вовсе не предполагает «пассивность вовне», а наоборот — преодоление отчуждения от внешнего мира. Опираясь на «внутреннее видение» своей «изначальной природы», человек возвращается к активному творческому взаимодействию с внешним миром. Таким образом, процесс «сужения взгляда» сменяется качественно новым «расширением». В результате происходит преодоление и самой интровертности.

Библиографический список

Буддийская философия в средневековой Японии. М., 1998.

Blyth R.H. Zen and Zen classics, vol. 5, 1979.

白隠禅師 遠羅天釜. 鎌田茂雄による現代語訳と解説: 東京、1994年。

[Хакуин Экаку. Оратэгама. Пер. на современный японский язык и коммент. Камада Сигэю:. Токио, 1994].

М.Ю. Дондокова
МГИМО МИД РОССИИ

РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ СЕГОДНЯ ГЛАЗАМИ ХАНЬ ДУНА 韩东

Аннотация. Выдающийся поэт и редактор поэтических журналов Хань Дун в своих статьях и творчестве раскрывает основные аспекты развития современной китайской поэзии. Актуальность статьи обусловлена прежде всего тем, что как творчество Хань Дуна, так и его некоторые теоретические осмысления сущности современной китайской поэзии вызывают активный интерес не только у коллег, современных поэтов Китая, но и литературоведов-соотечественников и зарубежных специалистов.

Хань Дун в своей статье, посвященной современным поэтическим процессам, затрагивает вопрос о роли поэта. С момента рождения новых стихов и до появления нового поколения поэтов, пишущих на современном китайском языке, в умах писателей всегда присутствовала тема противопоставления «запада» и «востока». Это так называемый конфликт между Китаем и Западом, взаимная сдержанность, национальная самоидентификация и дилемма «выхода в мир». Интересно то, что поэт считает, что традиция квинт-эссенции потерпела неудачу. Все дебаты об идентичности и стратегиях борьбы с ней основаны на вере в существование разрыва и противопоставления. Но самое главное, что поэт приходит к выводу, что конфликта нет, как и противостояния.

Ключевые слова: Современная китайская поэзия, поэзия Хань Дуна, новое поколение поэтов.

Maksara Y. Dondokova
MGIMO UNIVERSITY

Chinese poetry today from Han Dong's point of view

Abstract. An outstanding poet and editor of poetry magazines, Han Dong, in his articles and works reveals the main aspects of modern Chinese poetry's development. The relevance of the article is primarily due to the fact that both the work of Han Dong and some of his theoretical understanding of the essence of modern Chinese poetry are interesting and important not only to colleagues, contemporary Chinese poets, but also literary critics-compatriots and foreign experts.

Han Dong, in his article on modern poetic processes, raises the question of the role of the poet. From the birth of new poetry to the advent of a new generation of poets writing in modern Chinese, the theme of the opposition of "West" and "East" has always been present in the minds of writers. This is the so-called conflict between China and the West, mutual restraint, national self-identification

and the dilemma of “going out into the world.” Interesting fact, the poet believes that the traditional question has failed. All debates about identity and strategies to deal with it are based on the belief in the existence of a gap and opposition. But the most important thing is that the poet comes to the conclusion that there is no conflict, as well as confrontation.

Keywords: Modern Chinese poetry, Han Dong’s poetry, poets of new generation.

Хань Дун — выдающийся современный поэт и основатель небольшого литературного самиздат журнала «Они» (1980—1990), с начала 1990-х годов он занимался написанием рассказов и романов. В 2017 г. Хань Дун выступил сценаристом и режиссером фильма «Ночь на причале» («在码头» *цзай матоу*), получил приз «Пекинского международного кинофестиваля» на лучший сценарий. Поэтическое творчество Хань Дуна включено в программу государственного образования в Китае. В 2021 г. китайский журнал «GQ» назвал Хань Дуна писателем года.

Хань Дун выступал за то, чтобы поэзия и реальная жизнь были взаимосвязаны. В отличие от творчества предыдущего периода, в поэзии Хань Дуна и его соратников очевидна тенденция, настроенная против культурного захламления, против символических способов выражения и против восхваления героических поступков. Хань Дун считает, что поэтический язык должен быть доступным широким массам, отражать современную действительность, но не доходить до вулгарного, сохраняя планку высокой художественности. Стихотворение «О пагоде диких гусей» — визитная карточка поэта, и для многих поэтов третьего поколения это стихотворение стало вдохновением к новому стилю работы, для поэзии 1980-х годов это было откровенным новаторством.

Сегодня поэт вновь возвращается к вопросу о том, что есть поэзия сегодня. Статья Хань Дуна «Памятка: о поэзии, современном китайском языке, о «нас» и прочее» была опубликована в «Сборнике Исследований современной китайской поэзии» г. Пекина и на его личной странице 27 июня 2022 года, где он затрагивает основные аспекты развития современной китайской поэзии. Актуальность статьи обусловлена прежде всего тем, что как творчество Хань Дуна, так и его некоторые теоретические осмысления сущности современной китайской поэзии вызывают активный интерес не только у коллег, современных поэтов Китая, но и литературоведов-соотечественников и зарубежных специалистов.

В первую очередь, Хань Дун задается вопросом о самой природе современной китайской поэзии. Поэт утверждает, что то, что сейчас пишут поэты в Китае — это не «китайская поэзия», это поэзия на китайском языке. Существует всемирный дух поэзии, такой же, как в музыке, например дух рок-н-ролла, это то, к чему стремится современное поколение китайских писателей-поэтов, и это необходимое условие для творческого

процесса. Конечно, поэзия как культурное наследие страны существует и развивается, например, традиционная классическая поэзия, которая, в свою очередь, в силу языковой формы не отделима от современной, но в современной поэзии отмечается процесс кардинальных духовных изменений.

Хань Дун в своей статье постепенно переходит к вопросу о том, какое место занимает поэт в этом процессе. С момента рождения новых стихов и до появления нового поколения поэтов, пишущих на современном китайском языке, в умах писателей всегда присутствовала тема противопоставления «запада» и «востока». Это так называемый конфликт между Китаем и Западом, взаимная сдержанность, национальная самоидентификация и дилемма «выхода в мир». «Традиция квинтэссенции потерпела неудачу, и то, что мы пишем, неразрывно связано с «переводной литературой» с точки зрения на предмет, интереса и технических средств. Ведутся дебаты об идентичности и стратегиях борьбы с ней, но все они основаны на вере в существование разрыва и противопоставления. Мы не могли найти свое место и хотели занять свое место и отвоевать, так сказать.» [Хань Дун, 2022].

Библиографический список

韩东：一个备忘——关于诗个、现代汉语、“我们”和其他 [Хань Дун. «Памятка: о поэзии, современном китайском языке, о «нас» и прочее»]. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/n1/2022/0702/c404033-32464098.html> (accessed: 02.07.2022).

А.И. Донченко
ИКСА РАН

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА НОВОГО КИТАЯ

Аннотация. Формирование изобразительного искусства Нового Китая тесно связано с развитием коммунистического движения. Великая Октябрьская социалистическая революция не только принесла в Китай марксизм-ленинизм, но и способствовала формированию базиса новой китайской живописи. Выступление Мао Цзэдуна на Яньаньском совещании по литературе и искусству стало поворотной точкой в истории китайского изобразительного искусства. Курсом развития живописи Нового Китая становится «служение народу и служение социализму», для осуществления которого необходимо привлекать широкие массы. Искусство должно служить революционной армии и делу политической борьбы народа. Китайские художники искали новые формы и методы для создания произведений, отражающих революционную борьбу и трудовые подвиги простых людей. Для объединения и повышения национального самосознания китайский стиль был положен в основу живописи Нового Китая.

Ключевые слова: Китайской искусство, китайская живопись, культура, живопись.

Anna I. Donchenko
ICCA RAS

The historical beginning of the fine arts of New China

Abstract. The development of the visual arts in New China is closely linked to the development of the communist movement. The Great October Socialist Revolution not only brought Marxism-Leninism to China, but also contributed to the formation of the basis of new Chinese painting. Mao Zedong's speech at the Yan'an Forum on Literature and Art became a turning point in the history of Chinese visual art. The course of development of New China's painting becomes "serving the people and serving socialism", for which it is necessary to involve the broad masses. Art must serve the revolutionary army and the cause of the political struggle of the people. Chinese artists sought new forms and methods for creating works that reflected the revolutionary struggle and the labor achievements of ordinary people. To unite and raise national consciousness, the Chinese style was the basis of New China's painting.

Keywords: Chinese art, Chinese painting, culture, painting.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла в Китай марксизм-ленинизм и дала импульс национальному становлению страны. «Движения 4 мая» 1919 г. способствовало появлению нового реалистического метода в изобразительном искусстве Китая. [История Китая Том VII], оказало большое влияние на открытие новых горизонтов в живописи, а также продвигало «идеи заимствования» в осуществлении собственного развития национального искусства. В то же время идеи Октябрьской революции стали основой для формирования живописи Нового Китая. Была завершена трансформация классического искусства в современное, тем самым ознаменовав рождение нового китайского искусства с новыми художественными формами и сознанием. Идея «Великого Единения», выраженная в единообразии национальной политики в сфере культуры, была доведена до крайности и оказала крайне негативное влияние на развитие живописи. Всё это стало самым значимым изменением в истории китайского искусства [Мартынов, 8]. Октябрьская революция оказала на китайское искусство значительное влияние. Можно выделить два основных момента:

1. Был взят курс на «два служения» (служить народу и служить социализму) и массовое движение в качестве магистральной линии.

Мао Цзэдун успешно осуществил органичное соединение идей марксизма-ленинизма и революционной борьбы в Китае. Под руководством Коммунистической партии Китая начинается всестороннее формирование новой национальной культуры и зарождение «красной классики». Исторически «красная классика» зародилась в конце 1930-х и закончилась в конце 1970-х. Инцидент 7 июля 1937 г. положил начало Антияпонской войны. 10 апреля 1938 г. в Яньани была основана Академия искусств Лу Синя, деканом которой был Мао Цзэдун. Целью создания академии было использовать искусство как средство просвещения и объединения народных масс, а также как оружие для борьбы с японскими агрессорами. В мае 1942 г. ЦК КПК провело Яньаньское совещание по литературе и искусству, на котором выступил Мао Цзэдун. [党史百问 *даниши байвэнь*]. На открытии совещания 2 мая и в заключительном слове 23 мая Мао Цзэдун сказал, что искусство должно служить широким массам, революционной армии и делу политической борьбы народа. Китайским художникам надлежало фиксировать в своих произведениях великий подвиг своего народа на пути построения нового общества, отражать реалии революционной борьбы и формировать новое представление о красоте. Яньаньское совещание стало поворотной точкой в истории развития китайского изобразительного искусства.

Оба выступления Мао Цзэдуна были объединены в эпохальную «Речь Мао Цзэдуна на Яньаньском совещании по литературе и искусству». Эта речь продемонстрировала преемственность, защиту и развитие

марксистско-ленинской теории китайскими коммунистами, а также означала объединение литературной и художественной мысли со времен «Движения 4 мая» 1919 г.

2. Китайский стиль был принят за основу, главным действующим лицом в произведениях становится трудовой народ.

В центре внимания революционной культуры оказывается судьба страны, нации и личности. Старые культурные нормы вступают в противоречие с новыми реалиями, сюжеты и приемы традиционного искусства крайне несовместимы с происходящими процессами национального освобождения. Исходя из предыстории «китайского стиля» Мао Цзэдуна выступил за создание нового искусства, которое может воплощать китайский стиль.

Библиографический список

Донченко А.И. Развитие живописи в Пекине в начале XX века // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 39—50.

Донченко А.И. Революционно-историческое направление в искусстве Китая// Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 2. С. 44—57.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. + доп. том. Т. 3: Литература. Язык и письменность; Т. 6: Искусство / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2010.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5т. + доп. том. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2006, Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М. Л. Титаренко и др. 2009.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10т. Том VII Китайская республика (1912—1949)/ отв. ред. Н. Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2013.

Мартынов Д.Е. Конфуцианский идеал «Великого Единения»: реинтерпретация и проблема перевода С. 8. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F865205332/Martynov_Velikoe_Edinenie.pdf (accessed: 22.01.2023).

中共中央文献研究室.建国以来毛泽东文稿第 7 册//北京: 中央文献出版社, 1993.124 [Отдел исследования документов ЦК КПК. Рукописи Мао Цзэдуна с момента основания КНР, 7-й том // Пекин: Центральное литературное издательство, 1993. С. 124.]

党史百问 | 延安整风运动的缘起、经过和历史意义是什么? [История партии/ Каково происхождение, процесс и историческое значение Движения за упорядочение стиля в Яньбани]. URL://<https://www.12371.cn/2022/04/25/ART11650885951593532.shtml> (accessed: 15.03.2023).

Е.Н. Емельченкова
СПбГУ

ПЕКИНИЗМЫ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА ЛАО ШЭ

Аннотация. В своих произведениях Лао Шэ, виртуозно владевший литературным китайским языком, искусно вплетает в контекст и ненормированную лексику пекинского диалекта. Эти единицы появляются точно и по необходимости для создания местного колорита, для передачи особенностей речи жителей столицы. На основании лексико-семантического анализа текстов литературных произведений исследуется идеолект Лао Шэ на предмет выявления пекинизмов, системного изучения имеющейся в творческом наследии писателя диалектной лексики, ее качественного и количественного анализа. В тезаурусе писателя нас прежде всего интересовали слова и выражения, которые либо совсем не употреблялись в литературном языке Китая начала XX века, либо отличались от соответствующих единиц нормативного языка по семантическому объему. В соответствии с этими критериями были выделены и проанализированы такие типы пекинизмов, находившихся в оппозиции к лексике китайского языка того времени, как собственно лексические диалектизмы, семантические диалектизмы и устойчивые выражения, неизвестные литературному языку.

Использование диалектных средств в художественном тексте обусловлено прежде всего темой произведения и предметом изображения, однако в значительной мере отбор лексики зависит от творческого подхода писателя к отражению действительности в литературном произведении, и в этом ключе художественный язык Лао Шэ представляет собой беспрецедентный пример мастерства.

Ключевые слова: язык Лао Шэ; пекинизмы; идиолект; диалектная лексика китайского языка.

Elena N. Emelchenkova
St. Petersburg State University

Pekingese vocabulary as the most important element of the language of Lao She

Abstract. Lao She, a virtuoso of literary Chinese, skillfully embeds in the context and irregular vocabulary of the Beijing dialect in his works. These units appear pointwise and as necessary to create a local color, to convey the features of speech of residents of the capital. Based on the lexical and semantic analysis of the texts of literary works, the ideolekt of Lao She is analyzed for the purpose of revealing Pekingese dialect expressions, presenting a systematic study of the dia-

lectal vocabulary of the writer, its qualitative and quantitative analysis. In the studied thesaurus we were primarily interested in words and expressions that were either not used at all in the literary Chinese of the beginning of the twentieth century or differed from the semantically corresponding units of normative language. In accordance with these criteria, different types of Pekingese words, which were opposed to the vocabulary of the Chinese language of the time, were identified and analyzed as lexical dialectic expressions, semantic dialect expressions and phraseology unknown to the literary Chinese. The use of dialectal words and expressions in text is primarily due to the theme of the work and the subject of the image, but to a large extent the selection of lexical means depends on the writer's creative approach to reflecting reality in the literary work, and in this vein, the Lao She's language represents an unprecedented example of skill.

Keywords: Lao She language; Pekingese; Beijing Mandarin vocabulary; Pekingese dialect expressions.

Художественная ценность литературного произведения определяется не только использованными писателем изобразительно-выразительными средствами, но и своеобразным, присущим конкретному автору тезаурусом, делаая текст оригинальным и узнаваемым. Настоящий мастер слова Лао Шэ (1899—1966) практически все свои сюжеты черпал из повседневной жизни Пекина, что нашло отражение в идиолекте писателя, использовавшего в своих литературных произведениях диалектную лексику для создания яркого столичного колорита.

Тема диалектной лексики китайского языка в целом для отечественной синологии далеко не нова, однако проблема ее анализа в художественных произведениях китайских писателей пока не нашла должного освещения, литература начала XX века в этом отношении изучена явно недостаточно. Актуальность последовательной фиксации ненормированных лексических единиц с целью их описания и комментирования очевидна, современная лексикография все еще фрагментарно отражает пласт диалектизмов, используемых в художественных произведениях писателей Китая, тогда как рассмотрение приемов введения и способов семантизации лексических единиц этого типа безусловно представляет особый научный интерес.

В фокусе данного исследования оказались различные типы лексических диалектизмов в творческом наследии Лао Шэ, в частности семантические диалектизмы, характеризующиеся необычным, существующим только в пекинском диалекте значением, типа 欢 *huān* 'оживленно, интенсивно', 挤兑 *jǐduì* 'давить, оказывать нажим' и др., значительный пласт собственно лексических диалектизмов, имеющих эквиваленты в литературном языке, например: 毛咕 *máogu* 'бояться, страшиться', 俏式 *qiàoshì* 'красивая осанка; хорошее телосложение' и др. Особое внимание уделяется широко представленным в языке Лао Шэ фразеологическим диалек-

тизмам, в рамках которых также можно выделить несколько подтипов, поскольку в текстах автор использует и собственно диалектные устойчивые сочетания, неизвестные в литературном китайском языке, например: 急叉白脸 *jí chā bái liǎn* ‘измениться в лице; то краснеть, то бледнеть’; встречаются диалектные аналоги общеизвестных фразеологизмов: 绕脖子 *rào bózi* ‘ходить вокруг да около, темнить’ как диалектный вариант 绕圈子 *rào quānzi* ‘кружить, говорить обиняками’.

Количественный анализ творческого наследия Лао Шэ указывает на приоритет литературной нормы и на подчиненное по статусу, художественной роли, авторскому замыслу и частоте использования положение диалектных единиц в литературной практике писателя, однако появление этих единиц в тексте всегда обусловлено и уместно, оно очевидным образом выполняет особую эстетическую и экспрессивную функцию. Анализ языка Лао Шэ позволяет еще раз убедиться в абсолютном художественном чутье писателя и виртуозном владении всеми пластами и нормированной и ненормированной лексики китайского языка.

Библиографический список

Родионов А.А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX века. СПб.: Роза мира, 2006. 263 с.

张清常:北京话化人普通话的轨迹 — 老舍作品语言研究的新途径之一 [Чжан Цинчан. Пути трансформации пекинского диалекта в путунхуа — Произведения Лао Шэ как один из новых способов изучения языка] // 语言教学与研究. 1992年,第4期,第26—32页.

孟琼:北京人 北京事 北京话 —论老舍作品的北京风格. [Мэн Цюн. Пекинцы, пекинские события, пекинский диалект — о пекинском стиле произведений Лао Шэ] // 民族文学研究 . 1986年,第4期,第17—24页. doi: CNKI: SUN: MZWX.0.1986-04-003.

冉锦红 Жань Цзиньхун
МГУ

СРАВНЕНИЕ ИДЕЙ ПЛАТОНА И КОНФУЦИЯ О ВОСПИТАНИИ

Аннотация. Культура является воплощением мягкой силы страны. В докладе автор рассматривает актуальность идей Платона и Конфуция о воспитании. В процессе сравнения их сходств и различий автор пытается продвигать свой ответ на вызов глобализации и сохранения многополярности мира. В конце статьи приводится вывод в том, что современный Китай должен укрепить уверенность своих граждан в китайской культуре. Актуальность темы обусловлена тем, что мы сегодня пытаемся найти сходство и различие между китайской и западной культурой. В данном исследовании мы останавливаемся на вопросе сравнения воспитательных идей Платона и Конфуция.

Ключевые слова: Платон, Конфуций, музыкальное воспитание.

Ran Jinhong
MSU

Comparison of the ideas of Plato and Confucius on education

Abstract. Culture is the embodiment of a country's soft power. In the report, the author considers the relevance of the ideas of Plato and Confucius on education. In the process of comparing their similarities and differences, the author tries to advance his response to the challenge of globalization and the preservation of the multipolarity of the world. At the end of the article, the conclusion is that modern China should build confidence in Chinese culture. The relevance of the topic is due to the fact that today we are trying to find similarities and differences between Chinese and Western culture. In this study, we dwell on the question of comparing the educational ideas of Plato and Confucius.

Keywords: Plato, Confucius, musical education.

Конфуций и Платон — мыслители, философы и великие воспитатели в истории культуры Востока и Запада. Оба они оказали большое влияние на последующие поколения Востока и Запада.

Почему не уходит жизненная сила Китая и Древней Греции в течение нескольких тысячелетий? Их истинная сила заключена в духовном могуществе. А духовное могущество во многом зависит от того, куда направлено воспитание подрастающих поколений. Поэтому мы уделяем особое внимание именно идеям Платона и Конфуция о воспитании.

Всем известно, что мы живем в эпоху глобализации. Для ответа на вызовы глобализации и сохранения многополярности мира нам нужно иметь что-то общее, чтобы понимать друг друга, и чем-то отличаться, чтобы дополнять друг друга.

В данном исследовании мы останавливаемся на вопросе сравнения воспитательных идей Платона и Конфуция.

Конфуций жил во время смуты, стремление к идеальному обществу пробуждало у него любовь к древности. В легендарных совершенномудрых правителях он нашел образцы идеальной личности и совершенные качества. Возвращение к древности стало самым важным источником его учения.

Конфуций продвигает мусическое воспитание для того, чтобы помогать человеку развивать моральные качества и совершенствовать свои добродетели. Конфуций уделял большое внимание воспитанию идеальной личности, то есть благородного мужа. Для осуществления этой цели Конфуций выдвинул два тезиса.

Первый тезис появляется в «Лунь юй» в главе «Шу эр», Конфуций говорил: «Направь свою волю на достижение правильного пути, придержишься [принципов] морали, [поступай] в соответствии с человеколюбием, упражняйся в искусствах».

Конфуций подчеркивал, что в состав воспитания входят поэтическое воспитание, нравственное воспитание и музыкальное воспитание. Они соответствуют трем этапам процесса воспитания. Здесь же Конфуций вводит еще второй тезис: «Вдохновляйся «Книгой песен», опирайся на ритуалы, совершенствуй себя музыкой».

Согласно Конфуцию, первый этап процесса воспитания — это поэтическое воспитание. По его мнению, воспитание начинается с поэзии. Цель поэтического воспитания — учить и учиться быть мягким, добрым и великодушным.

Второй этап процесса воспитания — это нравственное воспитание или воспитание ритуалами. Цель нравственного воспитания состоит в том, чтобы научить людей контролировать и сдерживать свои желания и эмоции. По мнению Конфуция, ритуал — это корень всех отношений, основа уважения и взаимоуважения в обществе.

Последний этап (третий этап процесса воспитания) — музыкальное воспитание. Конфуций особо подчеркивал, что не всякая музыка подходит для воспитания души человека. Музыка может способствовать гуманизации и нравственному совершенствованию человека только в том случае, если она нравственна и прекрасна.

Обратимся теперь к взглядам Платона на воспитание.

В своей работе «Государство» Платон говорил, что «для тела — гимнастическое воспитание, а для души — мусическое» .

Рассмотрим мусическое воспитание, которое является наиболее важным с точки зрения Платона. Так как, по его мнению, именно душе нужно уделять первоочередное внимание.

Объектами воспитания у Платона становятся стражи (воины). Платон считал, что философы получают из самых умных стражей (воинов).

У Платона существует поэтическое и музыкальное воспитание. По мнению Платона, во-первых, воспитание начинается тоже с поэзии. Платон предлагает рассказывать детям такие сказки или мифы, которые могли направить бы их (детей) к добродетели.

Следующим средством воспитания, по мнению Платона, должна стать музыка. Платон считал, что музыкальное образование «гораздо важнее, чем другое образование». Музыкальное воспитание — это гармония и совершенствование души. Платон предлагает избегать ладов, которые имеют печальный характер, а также нужно избегать “расслабляющих” ладов. Поскольку они не допустимы для стража (воина), которому должны быть близки только дорейский и фригийский лады. По мнению Платона, эти лады как нельзя лучше воспитывают в будущем страже необходимые нравственные качества, такие как “мужество” и “рассудительность”.

Несомненно, образовательные идеи Конфуция и Платона имеют определенное сходство. Например, оба философа ставили нравственное воспитание на первое место и считали, что нравственное обучение должно осуществляться в процессе изучения морали (этикета), поэзии и музыки.

Но нас интересует не только сходство их идей и подходов, но и различие, расхождения их взглядов на воспитание. Изучая и сравнивая воззрения и идеи этих двух величайших философов — Конфуция и Платона — мы пришли к следующим выводам:

— Во-первых, с точки зрения Конфуция в воспитании нельзя делать различий между людьми (неважно, кто объект воспитания). У Платона же объектами воспитания являются лишь стражи (воины).

— Во-вторых, наивысшая ценность китайской культуры — «*Дао*». Философия китайской культуры — суждение о *Дао*. Наивысшая ценность греческой культуры — *логос* или *разум*. Философия греческой культуры — это любовь к мудрости.

— В третьих, Китайский «благородный муж» является человеколюбивым, а греческий философ — мудрым. По мнению Конфуция, человеколюбивый наслаждается горами, он любит находиться в покое; а мудрый наслаждается водой, он любит находиться в движении.

По нашему мнению, человеколюбивый, как гора — символ *ян*, мужское начало. Философ, как вода, — символ *инь*, женское начало. С точки зрения китайской философии Инь и ян всегда дополняют друг друга, по-

этому две культуры имеют возможность содействовать друг другу и вместе развиваться вперед (в будущее).

Хотя сегодня Китай стал второй по размеру экономикой мира, но в контексте глобализации в последние годы статус субъективности китайской культуры становятся все более серьезными из-за постоянно влияния культурного экспорта из других стран. Сравнивая сходство и различие в учениях Платона и Конфуция о воспитании, мы находим способы восстановления и укрепления уверенности в собственной культуре, так как через образование и воспитание транслируются и усваиваются китайские традиционные культуры, ценности и нормы, которые не только китайцы, но и мир считают ценными.

Обширная программа образования и воспитания народа проникнута главной мыслью о связи воспитания и образования с общественным устройством. Нетрудно наблюдаем прямую зависимость системы образования и воспитания от типа общественного устройства в современном обществе.

Данная мысль и сегодня является актуальной. Процветание страны и нации неотделимы от подъема культуры. Си Цзиньпин призвал к укреплению уверенности в собственной культуре. Всем известно, что этнокультурное образование и воспитание формируют основу национального менталитета.

С.Н. Жилкибаев*Независимый исследователь, г. Оренбург***НОВЕЙШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КИТАЯ
В ПОЭЗИИ ВАН МИНА**

Аннотация. В данном докладе автор исследует малоизвестную поэтическую сторону биографии Ван Мина (Чэнь Шаоюй) (1904—1974 гг.), выдающегося руководителя Коммунистической партии Китая (и.о. Генерального секретаря ЦК КПК, член Политбюро ЦК КПК, глава Центрального отдела объединенного фронта КПК), Китайской Народной Республики (заместитель председателя Центрального народного правительства КНР, председатель Государственного планового комитета КНР), международного революционера (член Президиума Исполкома Коминтерна), государственника (Директор Юридического комитета Центрального совета народного правительства КНР) марксистско-ленинского и сталинского толка, сторонника стратегического союза Китая и СССР, который стал первой и главной крупной политической жертвой политических репрессий Мао Цзэдуна, с помощью чего последний стал главой КПК и Китайской революции, что стало провозвестником будущего политического курса КНР внутри страны и на международной арене, став «третьей силой» между СССР и США, которой страна и остается и сегодня. Данный деятель был представителем современного двадцатого века, в юности уехав на Запад, для обучения западным идеям в целях спасения Китая. Таким местом силы и становления личности стал для Ван Мина Советский Союз. Перипетии своего жизненного пути на фоне глобальных исторических перемен двадцатого века в мире и в Китае он описывал помимо политической публицистики также и в стихах, которые он писал с молодости до последних дней.

Ключевые слова: история, политика, поэзия, Китай.

Sanat Zhilkibaev*Independent researcher, Orenburg***China's Recent Political History in Wang Ming's Poetry**

Abstract. In this report, the author explores the little-known poetic side of the biography of Wang Ming (Chen Shaoyu) (1904—1974), an outstanding leader of the Communist Party of China (acting General Secretary of the CPC Central Committee, member of the Politburo of the CPC Central Committee, head of the Central Department of the CPC United Front), People's Republic of China (Deputy Chairman of the Central People's Government of the PRC, Chairman of the State Planning Committee of the PRC), international revolutionary (member of the Presidium of the Executive Committee of the Comintern), statesman (Director of

the Legal Committee of the Central Council of the People's Government of the PRC) of the Marxist-Leninist and Stalinist persuasion, supporter of the strategic alliance of China and the USSR, which became the first and main major political victim of Mao Zedong's political repressions, with the help of which the latter became the head of the CPC and the Chinese Revolution, which became the harbinger of the future political course of the PRC within the country and in the international arena, becoming the "third force" between the USSR and the USA which the country remains to this day. This figure was a representative of contemporaries of the twentieth century, having left for the West in his youth to study Western ideas in order to save China. For Wang Ming, the Soviet Union became such a place of power and personality formation. The ups and downs of his life path against the backdrop of the global historical changes of the twentieth century in the world and in China, he described, in addition to political journalism, also in poems that he wrote from his youth until his last days.

Keywords: history, politics, poetry, China.

Путь Ван Мина, принципиального и яркого революционера и коммуниста, с молодости отличался некоей мистически близкой и неразрушимой связью с СССР и только через нее служению Китаю и будущей Мировой революции, что отражалось на всей его биографии, политической публицистике и поэзии. Противоборство национал-консервативной фракции Мао и его дальнейшим массовым кампаниям в духе «крестьянского утопического коммунизма» он противостоял с ранних пор (конец 1930-х гг.) вплоть до смерти, надеясь, что рано или поздно потомки произведут суд истории, очистив историю от лжи и восстановив истину и справедливость, что станет духовной основой ренессанса социализма на китайской земле.

В последнее время, несмотря на консервацию китайского политического режима, имеется информация о Ван Мине, в которой признаются его высокие познания в марксизме-ленинизме, однако жестко критикуется его просоветское, читай — антикитайское мировоззрение. Вместе с тем память о нем сохраняется, так как не зарастает тропа китайских туристов к его могиле на Новодевичьем кладбище в Москве.

Биография Ван Мина, в том числе отображенная в авторской поэзии, представляет собой яркий пример закономерного социологического рождения и становления дружественного СССР политического деятеля новейшего Китая революционного и марксистского толка, который стал жертвой сложной политической борьбы в большевистской революционной партии, деформированной харизматически-вождистской организацией Коммунистической партии Китая и националистической военно-партизанской стратегией и тактикой политической борьбы Мао Цзэдуна, что было социально детерминированно глобально-фазовой и цивилизационной отсталостью Китая в двадцатом веке, и, в итоге, привело к то-

тальной дискредитации марксизма и коммунистического движения в китайском обществе, что привело к ползучей реставрации капитализма в Китае с 1978 года до наших дней.

Библиографический список

Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М.: Политиздат, 1979. С. 302.

Ван Мин. Избранные стихи. М.: Прогресс, 1979. С. 304.

Е.А. Завидовская*ИКСА РАН, Брянский государственный университет***ЦИНСКИЕ АЛЬБОМЫ О ПРОВИНЦИИ ЮНЬНАНЬ
КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ РЕГИОНА²**

Аннотация. Статья освещает особенности оформления цинских альбомов о географии и народах провинции Юньнань из собрания Научной библиотеки СПбГУ, датируемых первой половиной XIX в. Представленные в собрании Санкт-Петербургского университета два альбома о провинции Юньнань отличаются по типу содержащейся в них информации: 1) альбом Хул F-26 «Иллюстрированное описание варваров-и юга и запада провинции Юньнань» (*Дяньшэн исиинань ижэнь тушо* 滇省迤西迤南夷人圖說, предисловие 1839, переиздан с комментарием 2020) включает 44 иллюстрации, изображающие сцены из жизни разных народов Юньнань, в основе лежит принцип описания особых черт и обычаев разных народов, сходный принцип встречается в «альбомах с мяо» о народах провинции Гуйчжоу; 2) альбом Хул F-25 (написанное на обложке название на русском языке — «Карты городов провинции Юньнань», без ориг. обложки, без даты) содержит 73 карты разных административных единиц провинции (округов, областей, уездов) на одном развороте, описаниями и иллюстрациями на втором развороте. Карты не преследуют цель передать масштаб, а схематически изображают главный город местности, все административные, религиозные, военные и учебные сооружения собой в городе и за его пределами. В основу описаний положены данные о системе управления, исторических событиях и иногда населяющих данную административную единицу народах. Сопоставление с другими альбомами о Юньнань позволяет установить тесные связи альбома Хул F-26 с более ранним альбомом из музея Лейпцига (предисл. 1788), при этом описания альбома Хул F-25 не похожи на другие исследованные автором альбомы с картами Юньнань, что указывает на его уникальность. Наиболее вероятно его составитель изучал официальные историко-географические описания провинции и составлял свои описания.

Ключевые слова: эпоха Цин, альбом, Юньнань, источник, этнография.

² Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00119. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00119/>

Ekaterina Zavidovskaya
Institute of China and Modern Asia
Bryansk State University

Qing Dynasty Albums on Yunnan Province as a Source on History and Ethnography of the Region

Abstract. The paper addresses varying approaches to introducing Yunnan province in Qing dynasty hand-written albums from the collection of the Academic library of the Saint-Petersburg State University dated approximately by the first half of the XIX century. Two albums from the University library differ in structure and content selected to present the southwestern province of imperial China: 1) album Xyl F-26 «Illustrated Descriptions of *yi*-barbarians of the South and the West of Yunnan» (*Diansheng yixiyinan yiren tushuo* 滇省迤西迤南夷人圖說, preface 1839, republished with commentary in 2020) contains 44 illustrations depicting scenes about life styles of the various ethnic and religious groups of Yunnan; 2) album Xyl F-25 (without original cover, title added in Russian is “Maps of Yunnan province cities”, not dated) contains 76 maps of various administrative units of the province (prefectures, regions, counties) with added textual description of the unit and a colorful plate depicting most characteristic scenes of the area. Textual descriptions focus on the history of administrative units in the area, historical events and sometimes ethnic groups inhabiting the area. Comparative analysis of a number of Yunnan albums available to the author shows that Xyl F-26 album’s most close ancestor is the album with the same title from the Leipzig Ethnographic Museum (preface 1788). As for Xyl F-25, its descriptions and maps prove to be non-similar to other albums with maps which allows a conclusion that the album’s unknown author could have consulted several official sources on Yunnan and compiled his own original texts.

Keywords: Qing dynasty, album, Yunnan province, source, ethnography.

В настоящее время в различных собраниях мира насчитывается более сотни т.н. «альбомов об инородцах» эпохи Цин (1644—1911), которые представляют собой рукописные альбомы со сценами из жизни народностей провинций Гуйчжоу, Юньнань, Хунань, Хайнань и т. д. Наиболее многочисленными являются «картины всех мяо» (*баймяоту* 百苗圖), или «альбомы о всех мяо», содержащие от 40 до 100 изображений сцен жизни различных народов провинции Гуйчжоу с короткими описаниями. Автору известно о четырех «альбомах об инородцах» в собрании НБ СПбГУ и трех в Российской государственной библиотеке в фонде рукописных книг К.А.Скачкова (фонд № 274).

Нами уже было проведено исследование двух альбомов из собрания Научной библиотеки СПбГУ с шифрами Xyl F-25a, Xyl F-27 и показана их связь с другими альбомами о Гуйчжоу и источники описаний народов и их изображений [Zavidovskaia 2022, Завидовская 2022]. В цинской

классификации народов Гуйчжоу были неточности, иногда тот иной народ ошибочно отнесен к другой этнической группе, тем не менее, несомненна ценность этих описаний и иллюстраций для этнографов и антропологов региона.

Что касается двух альбомов о провинции Юньнань, то они представляют собой два разных типа: 1) за единицу описания взят отдельный народ с его чертами и обычаями, иногда указана местность их проживания (Хул F-26); 2) за единицу описания принята некоторая административная единица, представлена ее карта, описание посвящено не народам, а истории местности (Хул F-25).

Исследование истории формирования коротких описаний народов в альбоме Хул F-26 позволяет проследить такую линию заимствований. Очевидно, его самым близким «предком» является одноименный альбом «Иллюстрированное описание народов юга и запада провинции Юньнань» (*Дяньшэн исишань ижэнь тушо* 滇省迤西迤南夷人圖說) из собрания Лейпцигского этнографического музея (Museum für Volkerkunde zu Leipzig, 44 иллюстрации с описаниями), работа над которым завершилась в 1788 году, автором предисловия считается неизвестный чиновник Хэ Чангэн 賀長庚, альбом был переиздан в Германии 2003 году [Deimel, 2003]. Еще раньше лейпцигского был создан альбом «Картины варваров и из Дянь [Юньнань] с пояснениями» (*Дянь и тушо* 滇夷說圖), датированный годами правления Канси-Юнчжэн (1661—1735), содержащий описания 47 народов, он хранится в Библиотеке Фу Сынянь Академии Синика (Тайвань), был переиздан в [宋光宇, 1991]. Сравнение текстовых описаний более ранних минских источников и данного цинского альбома говорит о почти полном сходстве в описании 37 народов, они были заимствованы в альбом из сочинения минского ученого Лю Вэньчжэна 劉文徵. В годы Тяньци 天啟(1621—1627) Лю Вэньчжэн в труде «Описание Дянь» (*Дяньчжи* 滇志) описал события с периода Чжаньго (V в. до н.э. — 221 г. до н.э.) до эпохи Мин, в нем перечислено 44 народа, совпадающих с приведенными в вышеуказанном альбоме. В «Дяньчжи» описания, в свою очередь, попали из более раннего сочинения императорского эмиссариинспектора в Юньнань Чэнь Юнбиня 陳用賓 «Картины с пояснениями всех варваров Юньнань» (*Юньнань чжуи тушо* 雲南諸夷圖說, в 2 частях) 1595 года, до наших дней этот труд не дошел. Ему предшествовали другие описания народов провинции, а «Картину-свиток из Наньчао годов Чжунсин» (*Наньчао чжунсин хуацзюань* 南詔中興畫卷, оригинал 899 г., не сохр.) считают самым ранним образцом «картин» о варварах Дянь [Юньнань] [祁庆富, 揣振宇, 2009:2].

Альбом Хул F-25 мы отнесим ко второму типу альбомов о Юньнань, в основе которого лежит карта и описание к ней. Прежде чем обратиться к данному альбому из НБ СПбГУ, упомянем альбом «Все картины мяо

трех зигзагов Юньнань» (*Юньнань саньи баймяо дийоу тушо. Юньнань саньибаймань ту* 雲南三迤地與圖說雲南三迤百蠻圖, Bodleian Library, University of Oxford, шифр MS.Chin.c.37³, 4 цз., издан до 1820), включающий 23 карты административных единиц провинции Юньнань с подробными описаниями, а также описания 108 народов провинции. Важно то, что по мнению исследователей около 1818 года был создан т.н. альбом «картин с пояснениями Бо Линя» (*Болинь тушо* 伯麟圖說), для служившего в Юньнань чиновника-маньчжура Бо Линя (伯麟 1747—1824). Переизданный список этого альбома (103 иллюстрации) хранится в Институте исследования национальностей КАОН, Пекин и лег в основу издания [揣振宇, 2009]. Иллюстрации и описания из упомянутого выше «Бодлеанского альбома» почти полностью копируют «альбом Бо Линя», а список карт (23 шт.) близок к списку карт из официального «Общего описания Юньнань» (*Юньнань тунчжи* 雲南通志, 1736, 30 цз.), подготовленного под руководством маньчжурского чиновника Ортая 鄂爾泰 (1677—1745), составитель Цзин Даомо 靖道謨 (1676—1760), являющееся дополненным «Описанием Юньнань» годов Канси (1691). В НБ СПбГУ имеется данное издание под шифром Хул 617, первый цзюань содержит раздел «Карты с пояснениями» с 26 картами. Ниже приведем сопоставительный список карт из альбома Хул F-25, «бодлеанского альбома» и «Общего описания Юньнань» 1736 года:

Альбом Хул F-25 (сер. XIX в.)	«Бодлеанский альбом» (до 1820)	«Общее описание Юньнань» (цз. 1, 1736)
1. 新興州 область Синьсин-чжоу	Цзюань 1:	1. 雲南省總輿圖 Общая карта провинции Юньнань
2. 路南州 область Лунань-чжоу	1. 雲南省總圖 общая карта провинции Юньнань	2. 雲南府輿圖 округ Юньнань-фу
3. 蒙化府 округ Мэнхуа-фу	2. 雲南府輿圖 округ Юньнань-фу	3. 曲靖府 округ Цюйцзин-фу
4. 鶴慶府 округ Хэцин-фу	3. 武定直隸州 область прямого подчинения Удин чжили-чжоу	4. 臨安府 округ Линьянь-фу
5. 師宗州 область Шицзун-чжоу	4. 曲靖府 округ Цюйцзин-фу	5. 澂江府 округ Чэнцзян-фу
6. 尋甸府 округ Сюньдянь-фу	5. 澂江府 округ Чэнцзян-фу	6. 武定府 округ Удин-фу
7. 武定府 округ Удин-фу	6. 廣西直隸州 область прямого подчинения Гуанси чжили-чжоу	7. 廣西府 округ Гуанси-фу
8. 元謀縣 уезд Юаньмоу-сянь	7. 開化府 округ Кайхуа-фу	8. 廣南府 округ Гуаннань-фу
9. 祿勸州 область Луцюань-чжоу	8. 廣南府 округ Гуаннань-фу	9. 元江府 округ Юаньцзян-фу
10. 景東府 округ Цзиндун-фу	9. 東川府 округ Дунчуань-фу	10. 開化府 округ Кайхуа-фу
11. 雲州 область Юнь-чжоу	10. 昭通府 округ Чжаотун-фу	11. 鎮元府 округ Чжэньюань-фу
12. 永寧府 округ Юньнин-фу	11. 大理府 округ Дали-фу	12. 東川府 округ Дунчуань-фу
13. 順寧府 округ Шуньнин-фу		13. 昭通府 округ Чжаотун-фу
14. 趙州 область Чжао-чжоу		14. 普洱府 округ Пуэр-фу
15. 雲南縣 уезд Юньнань-сянь		

³Доступен по ссылке: URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/fa83b7ac-821f-4824-84dc-d1a18d5d99a8/surfaces/9c1b4810-3ae7-462b-b835-8901ee5ff011/> (дата доступа: 04.04.2023).

16. 廣通縣 уезд Гуантун-сянь
17. 元江府 округ Юаньцзян-фу
18. 麗江府 округ Лицзян-фу
19. 廣南府 округ Гуаннань-фу
20. 勝越州 область Шэньюэ-чжоу
21. 永平縣 уезд Юнпин-сянь
22. 楚雄府 округ Чусюн-фу
24. 新化州 область Синьхуа-чжоу
25. 新平縣 уезд Синьпин-сянь
26. 永昌府 округ Юнчан-фу
27. 雲南府 округ Юньнань-фу
28. 嵩明州 область Сунмин-чжоу
29. 楊林所 резиденция Янлин-со
30. 宜良縣 уезд Илян-сянь
31. 浪灣縣 уезд Ланвань-сянь
32. 賓川州 область Биньчуань-чжоу
33. 雲龍州 область Юньлун-чжоу
34. 臨安府 округ Линьань-фу
35. 石屏州 область Шипин-чжоу
36. 阿迷州 область Ами-чжоу
37. 歸化縣 уезд Гуйхуа-сянь
38. 寧州 область Нин-чжоу
39. 鄧川州 область Дэнчуань-чжоу
40. 維摩州 область Вэймо-чжоу
41. 鎮南州 область Чжэньнань-чжоу
42. 劍川州 область Цзяньчуань-чжоу
43. 領州 область Лин-чжоу
44. 姚安府 округ Яоань-фу
45. 大姚縣 уезд Даяо-сянь
46. 廣西府 округ Гуанси-фу
47. 彌勒州 область Милэ-чжоу
48. 江川縣 уезд Цзянчуань-сянь
49. 曲靖府 округ Цюйцзин-фу
50. 亦佐縣 уезд Ицзо-сянь
51. 霑益州 область Чжаньи-чжоу
52. 陸涼州 область Лулян-чжоу
53. 羅平州 область Лопин-чжоу
54. 河西縣 уезд Хэси-сянь
55. 嶧峨縣 уезд Сиэ-сянь
56. 蒙自縣 уезд Мэнцзы-сянь
57. 羅次縣 уезд Лоцы-сянь

Цзюань 3:

12. 臨安府 округ Линьань-фу
13. 普洱府 округ Пуэр-фу
14. 元江州 область Юаньцзян-чжоу
15. 鎮元直隸州 область прямого подчинения Чжэньюань чжили-чжоу
16. 麗江府 округ Лицзян-фу
17. 永昌府 округ Юнчан-фу
18. 順寧府 округ Шуньнин-фу
19. 楚雄府 округ Чусюн-фу
20. 永北廳 Юнбэй-тин управа Юнбэй-тин
21. 蒙化直隸廳 управа прямого подчинения Мэнхуа чжили-тин
22. 景東直隸廳 управа прямого подчинения Цзиндун-чжилитин
23. 臨安府 округ Линьань-фу

15. 大理府 округ Дали-фу
16. 楚雄府 округ Чусюн-фу
17. 姚安府 округ Яоань-фу
18. 永昌府 округ Юнчан-фу
19. 鶴慶府 округ Хэцин-фу
20. 順寧府 округ Шуньнин-фу
21. 永北府 округ Юнбэй-фу
22. 麗江府 округ Лицзян-фу
23. 蒙化府 округ Мэнхуа-фу
24. 景東府 округ Цзиндун-фу
25. 威遠 Вэйюань
26. 雲南諸江發源圖 карта истоков всех рек Юньнань

58. 祿豐縣 уезд Луфэн-сянь
59. 大理府 округ Дали-фу
60. 定邊縣 уезд Динбянь-сянь
61. 嘉縣 уезд Эцзя-сянь
62. 南安州 область Наньань-чжоу
63. 陽宗縣 уезд Янцзун-сянь
64. 北勝州 область Бэйшэн-чжоу
65. 平彝衛 пост Пиньи-вэй
66. 澂江府 округ Чэнцзян-фу
67. 普寧州 область Пунин-чжоу
68. 昆陽州 область Куньян-чжоу
69. 富民縣 уезд Фуминь-сянь
70. 三泊縣 уезд Саньпо-сянь
71. 易門縣 уезд Имэнь-сянь
72. 安寧州 область Аньнин-чжоу
73. 定遠縣 округ Динъюань-сянь

Вышеприведенный список указывает на различия в последовательности и названиях немалого количества административных единиц. Сличение текста описания отдельного взятого округа из «бодлеанского альбома» и «Общего описания Юньнань» 1736 года позволяют говорить о некоторых заимствованиях в альбом из официальной хроники, при этом описание из альбома Ху1 F-25 от них заметно отличается. Важно и то, что Ху1 F-25 содержит гораздо большее число описаний более мелких единиц — областей и уездов внутри округов.

Ниже приведем сопоставление описания округа Удин-фу 武定府 из Ху1 F-25 и «Общего описания Юньнань» (4 цз., 1736, Рис.1).

Ху1 F-25:

7. 武定府圖略

明初置軍民府肆土官知府流官同知佐焉
 明嘉靖末年索林僭竊 動兵擒剿改土设流添置推官
 遷府治於獅山之麓修建之廢動設官各項官銀不足支公帑銀一萬三千有奇
 和曲州其附郭也後萬曆則有阿克鄭舉之叛
 沙大金之叛天啟又有張士成之叛隨叛隨剿亦無能
 大滋蔓耳 於省北路通會建頗為重地孔通其民漢多彝少

Подпись на картине ниже:

武定景 Вид Удина

7. Карта округа Удин-фу

В начале Мин был учрежден гражданско-военный округ. Четыре туземных чиновника управляют округом, присланный чиновник помогает в управлении. В конце годов Цзяцин [1522—1566] эпохи Мин Со Линь нарушал закон и грабил, направили солдат для ликвидации логова [бандита]. Сняли туземного чиновника, заменили на назначаемого чиновника, добавили чиновника, ведающего судебными делами. Перенесли резиденцию округа к подножию горы Ши-шань, отстроили, уехав от

разрушенного. На учреждение разных должностей не достаёт жалования. Казенных средств в казне 13 тысяч с остатком. Находится в предместье области Хэцхой-чжоу. Позже в годы Ваньли [1522—1620] был мятеж Акэ и Чжэн Цзюя, мятеж в Ша Дациня. В годы Тяньци [1621—1627] еще был мятеж Чжан Шичэна. За мятежами следовали карательные акции, [мятежи] не могли больше пышно расцветать, бурно разрослись на севере провинции. Если по дорогам будет сообщение, то будет отстроена важная местность. Среди населения много ханьцев мало и[цзу].

Рис. 1. Разворот с картой округа Удин-фу, описанием и иллюстрацией

На карте (рис. 1) отмечено, что внутри городских стен расположена окружная резиденция, а также следующие храмы, которые надлежало иметь в столице округа: храм Чэн-хуана 城隍, храм Конфуция (вэньмяо 文廟), храм Гуань-ди (умяо 武廟).

Данные из «Общего описания Юньнань» (4 цз., 1736⁴):

禹貢梁州 南境 戰國為滇國地 漢為越嶲益州二郡地 其東北境又為犍為郡地 三國漢屬建寧郡 晉屬晉寧郡 隋為昆州地 唐隸戎州 昔獼鹿等蠻居之 天寶末沒於南詔 設於矢·農 碌券二部 宋時段氏使烏蠻

В трактате «Юйгун» [это была] южная окраина области Лян-чжоу. Во время Сражающихся царств это была земля государства Дянь. При Хань это была земля двух областей-цзюнь Юэюэ,

⁴ Доступ к тексту по ссылке: URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=727202&searchu=%E6%AD%A6%E5%AE%9A%E5%BA%9C> (дата доступа 05.04.2023)

阿治納洩肥共龍城於共甸又築城曰易籠其裔孫法瓦浸盛 以其遠祖羅婺為部名元憲宗四年內附七年立為萬戶府隸威楚路至元八年併仁德于矢二部入羅婺部為北路總管府十一年以本部為武定路軍民府領州二縣四明初改為武定軍民府 省南甸入和曲州省易籠石舊二縣入祿勸州隆慶間改土設流萬厯間改為武定府領州二縣一本朝因之康熙五十七年撤甸土酋常應運叛誅其田賦戶口編入武定里甲五十八年移本府同知 駐劄其地領州二縣一

И-чжоу. Ее северо-восточная окраина являлась землей области-цзюнь Цзяньвэй. При Хань Троецарствия [эта земля] относилась к области Цзяньнин-цзюнь. При Цзинь относилась к области Пунин-цзюнь. При Суй это была земля области Кунь-чжоу. При Тан подчинялась Жун-чжоу. Там проживали такие варвары-мань как силу, лу. В конце годов Тяньбао [742—756] в Наньчжао учреждали две области-бу Шихуннун и Луцзюань. При Сун род Дуань позволил черному варвару-мань А принять под управление город Инигунлун-чэн в Гундянь, снова построили стены и назвали «Илун». Его потомок Фава циньшэн взял в качестве названия племени имя своего далекого предка «Лоу». При Юань на четвертый год правления Хуэй-цзуна [1262] был подчинен, в седьмом году [1265] учредили округ на десять тысяч дворов в подчинении Дороги Вэйчу, в восьмом году [1266] два племени Жэньдэ и Юйши были включены в племя Лоу внутри военно-гражданского округа Северной дороги. В двенадцатом году [1270] это племя стало военно-гражданским округом-лу Удин во главе двух областей-чжоу, четырех уездов-сянь. В начале Мин стал военно-гражданским округом Удин. Юг провинции был включен в область Хэцхой-чжоу. Два уезда Илун и Шницзю выключены в область Луцзюань-чжоу. В годы Лунцин [1567—1572] туземные чиновники заменены на присылаемых, в годы Ваньли [1522-1620] преобразован в округ Удин-фу с подчинением ему двух областей, одного уезда. В 57-й год Канси [1718] некоторые местные вожди покорялись, некоторых наказывали. Податное население включено в систему «лицзя». В [1719] году перенесли резиденцию, под властью две области и уезд.

Очевидно, что два описания одного и того же округа обращают внимание на разные аспекты. Официальное описание посвящено переменам в системе управления, нет данных о сопротивлении местных *тусы* китайским властям.

Заключение

Приведенные выше сопоставления состава карт и текстов подтверждают отсутствие единого источника информации, откуда данные копировать в изученные альбомы о провинции Юньнань.

Библиографический список

Завидовская Е.А. Анализ источников описаний народностей провинции Гуйчжоу из цинских «альбомов об инородцах» // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2022. М.: ИКСА РАН, 2022, С. 154—181.

宋光宇, 1991. 華南邊疆民族圖錄 [Сун Гуаньюй. Иллюстрированный каталог народов пограничья юга Китая]. 台北:國立中央圖書館, 1991.

揣振宇主編。滇省夷人圖說。滇省地輿圖說 [Чуай Чжэньюй ред. Картины варваров-и провинции Юньнань с пояснениями. Карты провинции Юньнань с пояснениями]. 北京: 社會科學出版社, 2009.

Deimel, Claus. Diansheng Yixi Yinan YirenTushuo 滇省迤西迤南夷人圖說: Illustrierte Beschreibung der Yi-Stammeim Westen und Suden der Provinz Dian: der Sammlung Hermann Freiherr Speck von Sternburgaus Lutzschena. Leipzig: Museum für Volkerkunde, 2003. 134 p.

Zavidovskaia E. A. Qing Dynasty Miao Albums Illustrating Ethnic Groups of Guizhou Province: Attribution and Album Genealogy. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2022, vol. 14, issue 4, pp. 618—634.

О.И. Завьялова
ИКСА РАН

ФАМИЛЬНЫЙ ИЕРОГЛИФ СИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Язык и письменность всегда занимали в Китае очень высокое место в системе духовных ценностей. Важнейшим искусством здесь была и по-прежнему остается каллиграфия, которая используется в самых разных областях, включая современный дизайн и агитационные плакаты. Каллиграфические образцы авторства не только императоров, но также руководителей Китайской Республики и КНР широко представлены в Интернете. При этом если в имперском Китае иероглифы, записывающие имена правителей, были запретными, то в современной официальной пропаганде широко используется полная подпись Си Цзиньпина в его собственном каллиграфическом варианте. Более того, фамильный иероглиф 習 Си, который традиционно также записывает слово «упражняться, учиться», с недавнего времени присутствует в особых каламбурах — названиях официальных рубрик и учебных платформ с работами председателя КНР.

Ключевые слова: китайская каллиграфия, фамилия Си, каламбуры, медиaproстранство.

Olga I. Zavyalova
ICCA RAS

Character 習 Xi in modern media space

Abstract. Calligraphy, which in particular is used in modern design and on propaganda posters in China, has always been one of the most important arts in the country. Calligraphic samples written by the emperors and by the leaders of the Republic of China and of the PRC are widely represented on the Internet. While in imperial China the names of sovereigns were prohibited in writing, the calligraphic variant of Xi Jinping's own signature is widely represented in modern propaganda. Moreover, character 習 *xí*, which also traditionally records the word 'exercise, study', has recently become a part of special puns in the headings of the official websites with Xi Jinping's sayings and works.

Keywords: Chinese calligraphy, Xi surname, Internet, pun, media space.

Важнейшим искусством в Китае всегда была и по-прежнему остается каллиграфия. Она издавна идет рука об руку с традиционной живописью и поэзией, широко используется в прикладном искусстве, современном дизайне и рекламе, на официальных агитационных плакатах. Многочисленные каллиграфические надписи и тексты китайских императоров,

Сунь Ятсена и Чан Кайши, руководителей КНР присутствуют в китайском Интернете. Мао Цзэдун, с одной стороны, говорил, что письменность «при определенных условиях должна быть реформирована», и именно при нем были официально введены в употребление упрощенные варианты написания иероглифов. С другой, он же числится в современном Китае одним из десяти великих каллиграфов XX в. Образец каллиграфии Мао Цзэдуна со своеобразным наклоном иероглифов вправо ежедневно воспроизводится в виде заголовков газеты «Жэньминь жибао [毛泽东 2021]. Более того, в сети создан сайт, на котором можно преобразить в стиле Мао Цзэдуна любые иероглифы [Qian Gang 2019]. Большим любителем каллиграфии был председатель КНР Цзян Цзэминь, автор каллиграфических надписей для вывесок многих музеев и в том числе для открывшегося в 2009 г. в городе Аньян первого в Китае музея, целиком посвященного истории и современному состоянию письменности [江泽民 2022].

Для записи фамилии Си, которую носит нынешний председатель КНР, издавна используется иероглиф 习 *xí*, современный упрощенный вариант этого иероглифа — 习. Тем же иероглифом записывают односложное слово со значением ‘совершенствоваться, овладевать, упражняться в чем-то’ или соответствующую морфему в составе современных сложных слов, ср. 学习 *xuéxí* ‘учиться’. В последние годы как в Интернете, так и на уличных плакатах с цитатами из выступлений Си Цзиньпина присутствует его подпись, воспроизведенная в авторском каллиграфическом варианте с неупрощенным фамильным иероглифом. Иероглиф 习 в написании председателя КНР и реже иероглифы из его имени используются также в особых каламбурах официального медиапространства. Так, название одной из рубрик агентства Синьхуа, появившейся в 2014 г., можно перевести как «В процессе учебы» и как «В процессе изучения Си» [学习进行], название рубрики Медиакорпорации Китая — как «Каждый день изучаем одно высказывание» или как «Каждый день — одно высказывание Си» [每日]. В 2019 г. отделом пропаганды ЦК КПК была создана учебная платформа под названием «Учимся во имя укрепления государства» или «Учимся у Си, укрепляем государство» [学习强国].

Библиографический список

Qian Gang. Keeping to the Script. 06.01.2019. URL: <https://chinamediaproject.org/2019/01/06/keeping-to-the-script/> (accessed: 27.02.2023).

泽民同志书法题字一览 [Образцы каллиграфии товарища Цзян Цзэминя]. 03.12.2022. URL: http://news.sohu.com/a/613134219_121434699 (accessed: 30.01.2023).

毛主席三次为“人民日报”题名，一次比一次开阔，堪称书法之典范 [Председатель Мао предложил три варианта написания заголовка газеты «Жэньминь жибао», раз от раза более совершенных. Их можно назвать классическими образцами для каллиграфического сообщества]. 22.11.2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1717106968818779881&wfr=spider&for=pc> (accessed: 15.02.2023).

每日一習话 [Каждый день — одно высказывание Си]. URL: <http://news.cnr.cn/mryxh/> (accessed: 10.03.2023).

学习进行时 [В процессе изучения Си]. URL: <http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/index.htm> (accessed: 14.03.2023).

学习强国 [Учимся у Си, укрепляем государство]. URL: <https://www.xuexi.cn/> (accessed: 10.02.2023).

Р.М. Зиганшин
ИБ РАН

ГАДАНИЯ И ЗНАМЕНА В ВОЕННОМ ДЕЛЕ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Аннотация. Известно какое важное особое место в древних традиционных обществах занимала мантика (искусство гадания и прорицания). Например, в древней Греции и Риме, где существовал особый комплекс ритуалов и техник для узнавания воли богов, поставленный на высший государственный уровень. Особое место такая практика занимала и в древнем Китае, где государственными чиновниками регистрировались все знамения в виде различных необычных природных явлений и различные способы гадания были поставлены на высший государственный уровень. Достаточно сказать, что часто они осуществлялись самим правителем. Естественно, что в таком важном государственном деле как война это занимало особое место, ведь от исхода войны зависело само существование государства. Поэтому важно было предугадать, заранее узнать исход битвы и сражения. У Сунь-цзы важно побеждать предварительными расчетами, именно по уровню готовности к войне, расчету соотношений сил у себя и противника можно увидеть поражение и победу. У других китайских военных классиков и комментаторов мы увидим также подобные мысли. Гадания же и знамения рассматриваются ими часто как хорошее агитационное средство, но не всегда как непреложное руководство к действию.

Ключевые слова: Китай, война, гадания, знамения.

Rinat M. Ziganshin
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow

Divination and omens in the military affairs of ancient China

Abstract. It is known what an important special place in ancient traditional societies was occupied by mantics (the art of divination and fortune-telling). For example, in ancient Greece and Rome, where there was a special complex of rituals and techniques for recognizing the will of the gods, placed at the highest state level. This practice also occupied a special place in ancient China, where government officials registered all signs in the form of various unusual natural phenomena and various methods of divination were placed at the highest state level. Suffice it to say that they were often carried out by the ruler himself. Naturally, in such an important state matter as the war, this played a special role, because the very existence of the state depended on the outcome of the war. Therefore, it was important to anticipate, to know in advance the outcome of the battle and the battle. In Sun Tzu, it is important to win by preliminary calculations, it is by the level

of readiness for war, the calculation of the ratio of forces between oneself and the enemy that one can see defeat and victory. We will also see similar thoughts from other Chinese military classics and commentators. Divination and omens are often considered by them as a good propaganda tool, but not always as an immutable guide to action.

Keywords: China, war, divination, omens.

Чиновники разного уровня традиционного Китая ответственно относились к гаданиям, отмечали знамения, но на простонародные суеверия смотрели свысока и часто их высмеивали. В.М. Алексеев считал, что конфуцианцы не любили входить в контакт с религией, высокомерно терпели ее как невежество, нужное для государства, но презренное. Возможно, академик был несколько резок в оценке отношения конфуцианцев к народным верованиям. Однако, как считает Л.Е. Янгутов, его утверждение о том, что народные верования они рассматривали сквозь призму их полезности государству, во многом объясняет тот факт, что конфуцианцы не использовали эти верования во всей глубине их религиозного содержания, а во многом придали им светский или же политический характер. Л.Е. Янгутов также считает, что конфуцианство в Китае изначально было близко к религиозным верованиям. Сам Конфуций и его последователи глубоко почитали религиозные традиции, считая обряды жертвоприношений необходимым элементом норм социального поведения. Однако при этом конфуцианство всегда сохраняло социально-политическую направленность своих теоретических концепций. Религиозные верования и религиозная практика играли роль сопутствующих атрибутов, но никогда не были самоцелью. [Янгутов, 118—121].

Особенно скептическое отношение к гаданиям выражено у Ли Вэйгуна, астрология, по его мнению, существует для невежественных людей, просвещенный же полководец с нею не считается. Характерно, что и У-цзы допускает гадания в качестве своеобразного агитационного средства и отвергает их как руководство для полководцев.

Сунь-цзы, признанный последующими веками авторитет в вопросах войны, был для его последователей образцом просвещенного полководца. Его отношение ко всяким гаданиям легко усматривается в его трактате. Можно хотя бы вспомнить его категорическое запрещение всяких гаданий в войске и его слова о том, что знание наперед о противнике нельзя получить от богов и демонов [Конрад, 49].

Академик Н.И. Конрад отмечая важность предзнаменований и пространенность гаданий в древнем Китае, приводит пример танского Ли Сяо-гуна. Он перед самым выступлением в поход против Фу Гун-ю устроил последний пир, и вино в его чаше вдруг превратилось в кровь, что все присутствовавшие истолковали как предзнаменование неминуе-

мого поражения и смерти на поле битвы. Полководец должен был знать влияние этих предзнаменований (вой животных, крик птиц, сновидения и т. д.) на психику солдат и уметь обращать их себе на пользу. Так, чуский Гун Цзы-синь, когда ему указали, что «небесная метла» — комета как раз появилась на небе и обращена рукояткой в сторону противника, что предвещало его победу, он на это хладнокровно возразил, что когда дерутся метлой, то именно поворачивают ее рукояткой в сторону противника и бьют его. Нимало не смутившись, он повел свое войско и разбил противника. Так же поступил и Ли Сяо-гун, когда у него вино вдруг превратилось в кровь. «Это — кровь противника», — с торжеством сказал он своим оробевшим подчиненным и действительно одержал полную победу. Этот прием, к которому прибегали умные полководцы всех народов древности, был, очевидно, в большом ходу у китайских военачальников. Однако Сунь-цзы предлагает более решительные меры. Чтобы солдаты не смущались предсказаниями, он предлагает просто запретить их. Это будет самым надежным средством. [Конрад, 208—209].

Таким образом, суеверия древних людей часто преувеличены нами, а современный человек, как не парадоксально, часто бывает не менее и даже более суеверен, чем человек древности. У военных есть поговорка — «В окопах неверующих нет!», что говорит о том, что в экстремальные моменты жизни у людей обостряются религиозные чувства и суеверия.

Библиографический список

Конрад Н.И. Синология: / Репринт с изд. 1977 г. М.: Ладомир, 1995.

Янгутов Л.Е. Религиозные аспекты конфуцианства в социокультурном политическом контексте традиционного китайского общества. Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки, (4), 2014. С.114—122.

Е.В. Ивович

Независимый исследователь

СКРЫТЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТАЙЦИЦЮАНЬ В БИЗНЕСЕ

Аннотация. В нашем мире есть макропорядок, есть законы социума, а есть течение энергии по меридианам. Слушая себя в оздоровительной практике Тайцзицюань, мы увеличиваем собственную эффективность и потенциал в бизнесе.

Ключевые слова: Намерение, развитие, тайцзицюань, бизнес.

Ekaterina V. Iovich

Independent researcher

The hidden methods of Taijiquan in application to business

Abstract. In our world there is a macro order, social laws, flow of energy along the meridians. We increase our own efficiency and potential in business by listening to ourselves in the healing practice of Taijiquan.

Keywords: Intention, development, taijiquan, business.

Что такое Тайцзицюань и бизнес?

a. Эти понятия объединяет желание достижения цели через поединок: в случае Тайцзицюань — физический телесный бой, в случае бизнеса — материально-финансовый;

b. Говорим про бизнес как форму занятости человека, который является там лицом, принимающим решения.

Реализованная цель — это проявление Ян (движение)

c. Переход из Инь в Ян. Вихрь начинается с легкого дуновения ветра;

d. Непроявленная фаза зарождения результата — намерение (意);

e. Мы создаем образ желаемого результата.

Развитие ситуации:

a. Мотивация.

i. В Тайцзицюань приходят, чтобы сделать жизнь комфортней: остановить мыслительный процесс, оздоровить тело, кто-то — постоять за себя;

ii. Бизнес зарождается из базовых потребностей человека;

iii. Бизнес, как и спарринг, требует отсутствия эмоционального фона;

iv. Участников бизнеса и Тайцзицюань объединяет желание взять ответственность за свою жизнь, научиться управлять телом, временем, доходом.

b. Способы реализации намерения:

i. Тайцзицюань бывает оздоровительный, мягкий и боевой;

ii. В любом бизнесе есть понятное число функций и необходимых ресурсов: люди, деньги, время.

c. Первые плоды реализации:

i. В Тайцзицюань человек изучил свое тело, научился перемещаться в прямохождении (Позвоночный Столб);

ii. В бизнесе поняли эффективные инструменты к достижению цели;

iii. Переход от проб и ошибок к траектории роста. Возникает вопрос: либо оставить бизнес, как есть, либо расширяться в рост.

d. Новый виток развития. Погружение в изучение своего потенциала и скрытой силы.

i. В познании себя мы достигли максимальной точки, например победа на соревнованиях в одиночной форме;

ii. Встает вопрос о практическом применении теоретической базы. Через взаимодействие с партнером (Туйшоу) мы познаем новые грани пройденной базы;

iii. Выключив внешнюю форму и рациональный ум, мы испытываем эмоциональный покой и творческий экстаз;

iv. В бизнесе большинство компаний погружаются в рутину инерционного развития, а где же тогда зарождается импульс нового этапа развития?

v. В первую очередь, он находится в творческом потенциале руководителя;

vi. Выходим за рамки квадрата для расширения себя вовне. Как в бизнесе, так и в Тайцзицюань. Тайцзицюань дает нам основу для личного роста.

Открытие внутренней силы:

f. В Туйшоу (парная работа), чтобы победить оппонента, необходимо убрать свои зажатости и научиться «слушать» его силу намерения.

g. Бизнес — это огромное количество коммуникаций. Опытным путем воспитав свои внутренние противоречия, экономим силу для новых возможностей.

h. Мой практический опыт Тайцзицюань в применении реализации стартапов.

Резюме: Практика Тайцзицюань — это последовательный комплекс упражнений, который оздоравливают тело, а значит, и укрепляет Дух, Видение и Предвидение.

Библиографический список

Ли Лянь. Основные особенности практики толкания руками и рукопашного боя в тайцзицюань; пер. с кит. А.О. Милянук. М: ИДВ РАН; Исследовательское общество «Тайцзи», 2022.

Андрей Милянук. URL: <https://milyanyuk.ru/2016/11/08/базовая-терминология-тайцзицюань-2/> (дата обращения: 01.05.2023).

А.С. Исаев
ИКСА РАН

**АВТОРСКОЕ КИНО В КИТАЕ: СОСТОЯНИЕ,
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

**К 35-ЛЕТИЮ ВЫХОДА ФИЛЬМА «КРАСНЫЙ ГАОЛЯН»
ЧЖАН ИМОУ И 40-ЛЕТИЮ КИНОКАРТИНЫ
«ЖЕЛТАЯ ЗЕМЛЯ» ЧЭНЬ КАЙГЭ**

Аннотация. В докладе рассматриваются вопросы, связанные со становлением в Китае артхаусного кино как формы развития независимого киноискусства. Автор исходит из того, что кинематограф, как современная форма искусства, прошел через несколько этапов. Но главным, что определило его прогрессирующее развитие, можно назвать его массовость и общедоступность, а также основополагающий функционал задач, которые им реализуются.

Функциональность задач кино заключается в том, что оно ретранслирует запросы социума на то самое общество, которое и формирует эти запросы. Поэтому в развитии кино прослеживаются две очевидные тенденции. Во-первых, учитывая его массовость и доступность, кино развивалось в направлении упрощенности, что привело к освоению огромного количества популярных в народе жанров, делающих фильмы понятными и интересными массовому зрителю. Во-вторых, наряду с этим кино эталонизировалось, что объяснялось потребностью образованной и интеллектуально продвинутой аудитории в более сложных и «умных» произведениях.

Эти две тенденции обусловили возникновение двух типов кинотворчества, на которые специалисты обычно разделяют кино: продюсерское, к которому относят коммерческие киноленты, учитывающие вкусы массового зрителя, и авторское, или артхаусное, — для элитарного зрителя; как правило, это низкобюджетные, «странные» киноленты независимых кинопостановщиков, пытающихся представить собственный взгляд на жизнь и развитие человеческого общества. Иногда его называют «кино для избранных», «для тех, кто понимает» («кино не для всех»).

Из-за проникновения идеологии во все сферы китайского социума в течение длительного времени бытовало мнение, что в китайском кинематографе отсутствует авторское, или артхаусное кино.

Основной массив публикаций о современном китайском артхаусном кино сконцентрирован в сетевых изданиях, посвященных истории развития самого массового вида искусства. Эти публикации ориентированы преимущественно на массового читателя и по своему содержанию носят, скорее, не научный, а популярный характер. Серьезные исследовательские работы

крайне редки. Среди них следует выделить статью «Искусство китайского кино» О.В. Шубаро, которая анализирует процессы в современном китайском кинематографе и подчеркивает их дуалистичность. «В современном китайском кино сосуществуют разные тенденции — процесс коммерциализации, с одной стороны, и развитие артхаусного кино, с другой; разные жанры — боевики, мелодрамы, исторические драмы, комедии; ориентация на западные стандарты кинематографа и сохранение особенностей национальной культуры».

Родонаачальниками современного авторского кино в КНР принято считать мэтров континентального Китая — режиссеров Чжан Имоу (张艺谋) и Чэнь Кайгэ (陈凯歌).

Ключевые слова: артхаус, авторское кино, социальные проблемы, китайский кинематограф.

Alexander S. Isaev

ICCA RAS

**Art films in China: current status, trends and prospects
To the 35th anniversary of the release of Zhang Yimou's film
“Red Kaoliang”, and the 40th anniversary of the film “Yellow Earth”
by Chen Kaige**

Abstract. The report deals with the development of art films in China as an independent direction in Chinese cinema. The author assumes that the development of cinema as a modern art form has evolved through several stages. But the main reason that determined its progressive development was its mass character and general accessibility along with the main functionality fulfillment of cinema. The author emphasizes that the functionality of cinema lies in the fact that cinema relays the demands of society back to the same society that forms these demands. Therefore, two obvious trends can be traced. Firstly, given its mass character and accessibility, cinema has been simplified, which led to the emergence of a huge number of genres popular among the people. This trend made cinema understandable and interesting to the mass audience. Secondly, at the same time, cinema was standardized, which was explained by the need among a more educated and intellectually advanced audience for more complex and “smart” forms of cinema. These two trends formed two types of cinema into which film specialists usually divide cinematic content: producer cinema and arthouse (or art films).

Keywords: arthouse, art film, social topic, Chinese cinema.

Е.В. Карпенко

Сибирский федеральный университет

**ДИСКУССИИ ВОКРУГ ПОСЛЕСЛОВИЯ ЧЖАН ЧЖУ
К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ
«ЦИНМИН ШАНХЭТУ»**

Аннотация. В статье представлены результаты китайских исследований послесловия Чжан Чжу к известному художественному произведению «Цинмин шанхэ ту» художника Чжан Цзэдуаня. В исторических документах периода создания работы «Цинмин шанхэту» до настоящего времени не найдено никаких упоминаний о художнике Чжан Цзэдуане, поэтому анализ послесловия Чжан Чжу является важным историческим источником. В послесловии представлены сведения о Чжан Цзэдуане, в том числе о его статусе. Данные послесловия позволяют датировать работу художника, дают возможность понять исторические условия создания произведения. Дискуссии по поводу содержания послесловия Чжан Чжу тесно связаны со спорами искусствоведов относительно содержания, названия работы. Анализ исследований послесловия к свитку «Цинмин шанхэ ту» составляет основу для дальнейшего изучения данного художественного произведения.

Ключевые слова: «Цинмин шанхэ ту», Чжан Чжу, Чжан Цзэдуань, империя Сун.

Elena V. Karpenko

Siberian Federal University

**Discussions over Zhang Zhu's afterword to the painting
“Qingming Shanghetu”**

Abstract. The article presents the results of Chinese studies of Zhang Zhu's afterword to the famous work of art “Qingming Shanhe Tu” by artist Zhang Zeduan. In the historical documents of the period of creation of the work “Qingming Shanghetu” to date, no mention of the artist Zhang Zeduan has been found, so the analysis of the afterword of Zhang Zhu is an important historical source. The afterword provides information about Zhang Zeduan, including his status. These afterwords allow you to date the work of the artist, make it possible to understand the historical conditions for the creation of the work. Discussions about the content of Zhang Zhu's afterword are closely related to the disputes of art historians regarding the content, title of the work. Analysis of studies of the afterword to the scroll “Qingming Shanhe tu” forms the basis for further study of this work of art.

Keywords: “Qingming Shanghe Tu,” Zhang Zhu, Zhang Zeduan, Song Empire.

Художественное произведение «Цинмин шанхэту» (清明上河图) является одним из самых известных произведений китайского классического искусства. Однако до настоящего времени вокруг него ведут дискуссии самого разного толка. Часть дискуссий связана с послесловием Чжан Чжу (张著), написанным в конце панорамы. Фактически послесловие является единственным свидетельством об авторе одного из известнейших произведений китайского искусства. Именно послесловие Чжан Чжу называет автора работы — Чжан Цзэдуаня (张择端).

О самом Чжан Чжу сохранились некоторые сведения. Служил чиновником при коллекции каллиграфии и живописи в хранилище императорского дворца династии Цзинь. Послесловие было написано Чжан Чжу в 1186 году («в 43 год 60-летнего цикла в период правления императора Дадина»). К тому времени династии Северной Сун не существовало уже 59 лет (считается, что работа «Цинмин шанхэ ту» была создана в период Северной Сун).

Данное послесловие вызывает некоторые споры среди искусствоведов (в частности, существует версия о том, что не весь текст был написан в один период). Споры вызывает различное в двух частях текста написание иероглифа «после»: в первой части текста он прописан традиционной разнописью (後), во второй — в более современном варианте (后). Можно выделить несколько направлений дискуссий по поводу послесловия Чжан Чжу: время написания, стиль письма, сведения о художнике. Предметом полемики до настоящего времени остаются время жизни художника и время создания свитка.

До периода Северной Сун ситуация, когда автор неизвестен, была довольно частым явлением: художники не ставили своих печатей и подписей на работах. В период правления императора Хуэйцзуна великим художником считалась только его персона. Император всеми силами стремился изменить концепцию искусства. Согласно послесловию Чжан Чжу, художник являлся уроженцем Шаньдуна, принадлежал к Академии Ханьлин (翰林). Данное упоминание позволяет некоторым исследователям предполагать о более раннем происхождении работы: в период правления Хуэйцзуна существовала Академия живописи, о которой Чжан Чжу не упоминает в характеристике художника.

Дискуссии вокруг послесловия Чжан Чжу начались уже в период правления Мин. Чиновником ведомства церемоний — либу (礼部) У Куанем было записано дополнение к послесловию, в котором высказано мнение об авторе работы и времени написания, предложенными Чжан Чжу. Так, У Куань считает, что выдающийся художник Чжан Цзэдуань не мог не попасть в альбом императора Хуэйцзуна, ценившего живопись. Позже искусствовед Лу Ван предположил, что отсутствие имени Чжан Цзэдуаня в альбоме связано с принадлежностью художника к какой-либо

политической группировке. Лу Ван считает Чжан Цзэдуаня реальным человеком, автором работы «Цинмин шанхэ ту» [《清明上河图》的2大未解之谜]. Записей о Чжан Цзэдуане, кроме послесловия, нет, вероятнее всего, по причине противодействия Цай Цзину. Цай Цзин не внес его в альбом намеренно, как и некоторых других известных художников и каллиграфов. Отечественные исследователи полагают, что отсутствие имени Чжан Цзэдуаня в альбоме-каталоге связано с тем, что работа была выполнена после появления каталога [Пострелова 1976, 93].

Юй Хуэй, подводя итоги исследований послесловия Чжан Чжу, подчеркивает его большую значимость как исторического источника [余辉 2008, 77]. Характеристика послесловия Чжан Чжу является важной составляющей в общей характеристике «Цинмин шанхэ ту» как художественного произведения. Дискуссионные вопросы относительно послесловия требуют глубокого анализа с учетом результатов современных китайских исследований.

Библиографический список

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006.

Пострелова Т.А. Академия живописи в Китае в X—XIII вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1976.

《清明上河图》的2大未解之谜 [Две большие тайны «Цинмин шанхэ ту»]. 2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=172777949712735004&wfr=spider&from=pc> (accessed: 20.03.2023).

余辉: 《清明上河图》张著跋文考略 [Юй Хуэй. Очерк о послесловии Чжан Чжу к «Цинмин шанхэ ту»] // 故宫博物院院刊. 2008, 第5期, 第68—78页.

Н.Л. Кварталова
ИКСА РАН

ВЛИЯНИЕ БЕРТРАНА РАССЕЛА НА НАУКУ В КИТАЕ В 20-х ГОДАХ XX ВЕКА

Аннотация. С конца XIX века в Китае растет интерес к европейской науке, которая, по мнению многих китайских ученых, является базисом успешного развития Европы и Японии. И к 20-м годам XX века уже появляется группа ученых, получивших образование за рубежом и имеющих серьезную подготовку в области социальных и точных наук. В докладе речь пойдет о цикле лекций Бертрانا Рассела, который с 1920 по 1921 год читал лекции в Китае по приглашению Пекинского университета и Ассоциации академических лекций, основанной Лян Цичао. Тем лекций было пять: «Проблемы философии», «Анализ разума», «Анализ», «Математическая логика», «Социальная структура». Проблематика этих лекций была весьма широкой, от социальных наук и философии до математической логики, и идеи, высказанные Расселом, получили широкий отклик в научной среде, причем как позитивный, так весьма критический. «Расселизм» наряду с прагматизмом и бергсонизмом некоторое время был известным направлением китайской мысли. Но влияние оказалось взаимным: вернувшись, Рассел написал книгу «Problem of China», в которой весьма точно подметил характерные черты китайского общества, актуальные и по сей день.

Ключевые слова: Рассел в Китае, философия Рассела, социальная философия.

Natalia L. Kvartalova
ICCA RAS

The Influence of Bertrand Russell on Science in China in the 1920s

Abstract. Since the end of the 19th century, interest in European science has been growing in China, which, according to many Chinese scientists, is the basis for the successful development of Europe and Japan. And by the 1920s, there were already groups of scientists who were educated abroad and had serious training in the field of social and exact sciences. The report will focus on a series of lectures by Bertrand Russell, who delivered lectures in China from 1920 to 1921 at the invitation of Peking University and the Association of Academic Lectures founded by Liang Qichao. There were five topics of lectures: “Problems of Philosophy”, “Analysis of the Mind”, “Analysis”, “Mathematical Logic”, “Social Structure”. The topics of these lectures were very wide, from social sciences and philosophy to mathematical logic, and the ideas expressed by Russell received a wide response in the scientific community, both positive and very critical.

Russellism, along with pragmatism and Bergsonianism, was for some time a well-known line of Chinese thought. But the influence turned out to be mutual: upon returning, Russell wrote the book *Problem of China*, in which he very accurately noticed the characteristic features of Chinese society that are relevant to this day.

Keywords: Russell in China, Russell's philosophy, social philosophy.

С конца XIX века в Китае растет интерес к европейской науке, которая, по мнению многих китайских ученых, является базисом успешного развития Европы и Японии. И к 20-м годам XX века уже появляются группы ученых, получивших образование за рубежом и имеющих серьезную подготовку в области социальных и точных наук, такой класс «новых интеллектуалов». В Китае к этому времени уже известны основные современные направления западной философии. Особенно популярен прагматизм, а его представитель Джон Дьюи также оказывается в тот период в Китае, где его переводит Ху Ши (ученик и переводчик трудов Дьюи «Очерки экспериментальной логики», 1915).

Осенью 1920 года Бертран Рассел прибывает в Китай и с 7 ноября 1920 до марта 1921 Рассел ездит по стране с лекциями.

Всего Рассел прочитал лекции по пяти темам: «Проблемы философии» 哲學問題 (*чжэсюэ вэньти*), «Анализ разума» 心的分析 (*синь дэ фэньси*), «Анализ», «Математическая логика», «Социальная структура».

В лекциях по философии Рассел подробно касался проблем современной физики, философского осмысления теории относительности Эйнштейна, даже прочитал лекцию о «Новой теории гравитации Эйнштейна» (愛因斯坦引力新說 *айиньсытань иньли синьшио*).

Темами лекций стали эпистемология, психоанализ, логицизм (то есть сведение математики к логике и сведение философских проблем к языковым (местами) и обратно к логическим) и математическая логика. Помимо них Рассел еще и читал лекции о коммунизме и социализме, об образовании и социальных вопросах. Лекции публиковали в различных газетах, однако по разным причинам его турне по Китаю часто оценивалось довольно неоднозначно. Визит Рассела вызвал быстрое разочарование у многих китайцев, широкое замешательство среди других и своего рода нерешительное восхищение со стороны некоторых, которое, казалось, проистекало в равной степени из инерции, смущения или желания быть вежливым и от интеллектуальной или политической приверженности.

Многие теоретические влияния Рассела, особенно в области логики и эпистемологии, но в определенной степени и в области социально-политических исследований, оказали длительное влияние на китайскую интеллигенцию и ее взгляды.

Однако по разным причинам его турне по Китаю часто оценивалось довольно неоднозначно: визит Рассела вызвал быстрое разочарование у

многих китайцев, широкое замешательство среди других и своего рода нерешительное восхищение со стороны некоторых.

Основные последователи и критики идей Рассела:

Чжао Юаньжень был переводчиком у Рассела и сделал адекватный перевод терминологии.

Чжан Шэньфу оказался самым влиятельным распространителем как философии Рассела, так и обобщенного понятия «математической логики».

Чжан Дунсунь выдвинул наиболее заметную подобную философскую деконструкцию логицизма Рассела и эпистемологических оснований его точки зрения «нейтрального монизма».

Сунь Баочи написал большую критическую статью по случаю выхода «Введения в математическую философию» Рассела. Однако он считал, что математическая логика представляет собой высший и самый универсальный метод в западной науке, который может помочь Китаю разрешить национальный и интеллектуальный кризис.

Итогом визита Рассела стала популяризация математической логики и логицизма в Китае, а также поиски нового пути развития науки в Китае.

Сам Рассел после визита в Китай писал в «Проблемах Китая», что нужен «третий путь» развития цивилизации, отличный от западного капитализма советского социализма.

Библиографический список

Simpson, Tony. “China and Bertrand Russell.” In Society for Anglo Chinese Understanding.

URL: <https://sacu.org/russell> (accessed: 15 August 2020).

В.И. Коваль*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины***О НЕКОТОРЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕНАХ
В РОМАНЕ «ЦЗИНЬ, ПИН, МЭЙ»**

Аннотация. Анализируются отдельные китайские прецедентные имена собственные, использующиеся в речи автора и в речи персонажей романа «Цзинь, Пин, Мэй». Употребление прецедентных имен собственных в китайских художественных текстах глубоко закономерно, поскольку национальное сознание китайцев невозможно представить без обращения к именам конкретных людей и мифологических персонажей, имеющих большую культурно-историческую значимость. Именно поэтому употребление такого рода онимов в художественном тексте (в том числе — социально-бытовом, каким и является роман «Цзинь, Пин, Мэй») способствует формированию исторической преемственности, своеобразному «перемещению» различных персонажей из более ранней эпохи во время, изображенное в романе. С другой стороны, апеллирование автора произведения к тем или иным прецедентным именам не только значительно повышает художественные достоинства текста, но и позволяет более точно представить внутренний мир его различных героев — положительных и отрицательных, главных и второстепенных. Прецедентные имена особенно часто используются в начальных главах этого шедевра китайской классической литературы, поскольку его анонимный автор, обнаруживающий свое присутствие в своеобразных «лирических отступлениях», то есть при обращении к читателю, стремился образно и достаточно колоритно охарактеризовать происходящие в романе события.

Ключевые слова: прецедентные имена, художественный текст, нарицательные имена.

Vladimir I. Koval*F. Skorina Gomel State University (Belarus)***About some precedent names in the novel “Jin, Pin, May”**

Abstract. The article analyzes some Chinese precedent proper names used in the speech of the author and in the speech of the characters of the novel «Jin, Pin, May». The use of precedent proper names in Chinese literary texts is deeply natural, since the national consciousness of the Chinese it's impossible to imagine without referring to the names of specific people and mythological characters of great cultural and historical significance. That is why the use of such onyms in a literary text (including social and everyday, which is the novel «Jin, Pin, May») contributes to the formation of historical continuity, a kind of «displacement» of

various characters from an earlier era to the time depicted in the novel. On the other hand, the appeal of the author of the work to certain precedent names not only significantly increases the artistic merits of the text, but also allows you to more accurately represent the inner world of its various characters — positive and negative, main and secondary. Precedent names are especially often used in the opening chapters of this masterpiece of Chinese classical literature, since its anonymous author, who reveals his presence in a kind of «lyrical digressions», that is, when addressing the reader, sought to figuratively and quite colorfully characterize the events taking place in the novel.

Keywords: precedent names, literary text, common names.

Как показывают наблюдения, прецедентные имена в названном романе регулярно используются при характеристике физических способностей, внешнего вида и внутренних качеств персонажей. Так, в самом начале романа, при описании сражения на перевале Цзиньян сильного и смелого У Суна со свирепым белолобым тигром, автор употребляет имена исторических лиц, известных именно своими победами над этим зверем: «Он поднял морду, он клыки оскалил, / Лисиц и зайцев распугал всех вмиг. / Олени и косули ускакали, / Подняли обезьяны страшный крик. / Тут Бянь Чжуан и тот бы растерялся, / Тут Ли Цуньсяо стал бы сам не свой» [Цзинь, Пин, Мэй, 86]. Знаменитый силач древности *Бянь Чжуан*, победивший в схватке сразу двух тигров, и храбрец *Ли Цуньсяо*, убивший похищавшего овец тигра, выступают при этом как воплощение выдающихся мужских качеств.

Обращают на себя внимание использованные автором романа «Цзинь, Пин, Мэй» прецедентные имена китайской культуры как средство характеристики колоритных женских персонажей. Так, подобные имена активно употребляются при обрисовке «вербальных способностей» сводницы и свахи старухи Ван, которая хотя и «казалась простоватой и даже глуповатой», отличалась тем не менее редким умением красиво и убедительно говорить: «Слово скажет — обманет Лу Цзя, рот откроет — померкнет Суй Хэ <...> От ее речей медоточивых смутится сам Фэншэ. Пред словом вкрадчивым ее не устоит фея Магу» [Цзинь, Пин, Мэй, 116—117]. *Лу Цзя* и *Суй Хэ* — блестящие дипломаты династии Хань — прославились своим умением вести сложные переговоры с правителями других царств; *Фэншэ* — даосский святой, известный своими проповедями; *Ма-гу* — бессмертная *Конопляная дева*, даосская богиня, обладавшая даром чудесных магических заклинаний; используя их, *Ма-гу* заставила отступить море в провинции Цзянсу и вернула людям значительную часть побережья, превратив его в тутовый лес.

Сама старуха Ван, наставляя главного героя романа Симэнь Цина перед встречей с понравившейся ему Пань Цзиньянь, поучает его: «Чтобы устроить тайное свидание, необходимо обладать внешностью Пань Аня и

богатством Дэн Туна» [Цзинь, Пин, Мэй, 121]. *Пань Ань* хорошо известен в Китае не только как государственный чиновник и талантливый поэт династии Западная Цзинь, но и как очень красивый молодой человек. Имя *Дэн Туна*, чиновника династии Хань, обладавшего огромными богатствами, стало нарицательным в китайской культурной традиции, как и имя *Пань Аня*.

В другом эпизоде романа сводница Ван, употребляя прецедентные имена, явно набивает себе цену в ответ на обещание Симэнь Цина щедро отблагодарить ее за устройство любовного свидания: «Опять вам не терпится, — захотела Ван. — Быть может, мне храма, как победоносному князю Учэн-вану, не воздвигнут, но уж Сунь-цзы я, во всяком случае, не уступлю» [Цзинь, Пин, Мэй, 122]. В данном случае старухой используются военные аллюзии, содержащие намек на ее «стратегические» организаторские способности, чем достигается юмористический эффект: *Учэн-ван* (Победоносный князь) — легендарный древний военачальник, в честь побед которого был построен роскошный храм; *Сунь-цзы* — выдающийся теоретик военного искусства, автор известного труда «Искусство войны».

Еще одна сваха — тетушка Сюэ, договариваясь с Симэнь Цином о встрече с Мэн Юйлоу — будущей третьей женой, советует ему все вопросы решать с ее теткой: «Идти надо прямо к тетке. Просить, говорят, так Чжан Ляна, кланяться, так Хань Синю» [Цзинь, Пин, Мэй, 174]. Очевидно, в данном случае используется пословица, то есть готовая устойчивая конструкция, в составе которой употребляются имена двух могущественных чиновников древнего Китая: советника императора и военного стратега *Чжан Ляня*, а также выдающегося полководца генерала *Хань Синя* (династия Хань, III—II вв. до н.э.).

Библиографический список

Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4-х т.: пер. с кит. / пер. В.С. Манухин и др.; сост. и отв. ред. А.И. Кобзев; Вступит. ст. Д.Н. Воскресенского, О.М. Городецкой, А.Д. Дикарева и др.; прим. Д.Н. Воскресенского, О.М. Городецкой, В.С. Манухина [и др.]. Иркутск: Уллис, 1994. Т. 1.: илл.

А.К. Коробицына
ИБ РАН

**РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ВОСТОЧНОХАНЬСКОГО
 ИМПЕРАТОРА ГУАН-У-ДИ (25—57 ГГ.) ВО ВРЕМЯ
 ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 22—40 ГГ. В ДРЕВНЕМ КИТАЕ**

Аннотация. Доклад будет посвящен религиозной политике восточноханьского императора Гуан-у-ди во время гражданской войны начала I века. Гражданской войной период с 22 по 40 гг. мы называем вслед за Х. Биленштейном. Основным признаком гражданской войны мы считаем ситуацию полицентризма — то есть ситуацию, при которой на территории распавшейся империи Синь (9—23гг.) правило одновременно несколько императоров, враждующих между собой. Основной источник по истории империи Восточная Хань (25—220 гг.) — «Хоу Хань-шу». В докладе будут рассмотрены сведения из первой главы из раздела *ди цзи*, посвященной правлению Гуан-у-ди, а также будет дан анализ действий правителя в религиозной сфере, будут выделены основные культы, основные религиозные центры и будет показано, как политические события влияли на религиозные практики Гуан-у-ди. Основными религиозными центрами для императора Гуан-у-ди были Хао, Хуай, Чунлин, Лоян и Чанъань. Основными культами были культ духов земли и зерна, культ предков императорский культ и культ Конфуция. Из религиозных практик можно выделить жертвоприношения и строительство или приведение в порядок храмов и императорских могильных курганов.

Ключевые слова: Восточная Хань, Гуан-у-ди, религиозная политика.

Anna K. Korobitsyna

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Eastern Han emperor Guangwu religious policy during 22—40 AD civil war in Ancient China

Abstract. This report will be about emperor Guangwu religious policy during the civil war in Ancient China in the beginning of the first century AD. We call period from 22 to 40 AD «the civil war» after H. Bielenstein. We consider that the main feature of civil war is polycentrism, in other words situation, in which several warring emperors had reigned on the territory of former Xin empire. The main historical source of Eastern Han period is *Hou Han-shu*. In this report the information from the first chapter *Annals of emperor Guangwu* will have been considered, emperors's actions in the religious sphere also will have been analyzed, the main cults and religious centres will have been marked out, and also will have been described, how political events had effected on emperor Guangwu religious practices. The religious centres of emperor Guangwu were The main cults were

the cult of ancestors, the cult of Western Han emperors, the cult of earth and grain ghosts, the cult of Confucius. The sacrifices and the temple building and reconstruction were main religious practices of emperor Guangwu.

Keywords: Eastern Han, emperor Guangwu, religious policy.

Для понимания религиозной политики императора Гуан-у-ди очень важен тот исторический контекст, в котором она происходила. В начале I в. н.э. в Древнем Китае Ван Ман низложил последнего императора Западной Хань, основав империю Синь. Однако, он остался единственным правителем этой империи, так как в том числе из-за изменения русла реки Хуанхэ и вызванного им голода произошла гражданская война, приведшая к падению Ван Мана (9—23 гг.) и установлению империи Восточная Хань. Гражданской войной описываемый период мы называем вслед за Х. Биленштейном. Основным признаком гражданской войны мы считаем полицентризм — то есть ситуацию, при которой на территории распавшейся империи Синь правило несколько императоров.

Началом гражданской войны в 22 г. послужило возведение на престол в городе Наньян представителями местной знати Лю Сюаня, ставшего императором Гэнши-ди (23—25 гг.), что вызвало военный конфликт между Ван Маном и новым императором. В 23 г. произошло свержение Ван Мана, но новый император не смог удержать власть, от него стали отходить полководцы, например Лю Сю — будущий император Гуан-у-ди. Стоит также отметить, что в условиях ослабления центральной власти еще при Ван Мане начали появляться местные вооруженные формирования, самым знаменитым из которых были «Краснобровые».

В 25 г. на престол восходят сразу несколько императоров: Лю Пэньцзы (25—27), которого возвели на престол «Краснобровые», Лю Юн (25—27 гг.), Гунсунь Шу (25—36 гг.) и Гуан-у-ди. В том же 25 г. армия Гуан-у-ди захватила Лоян, Гэнши-ди попал в плен к Гуан-у-ди, но бежал к «Краснобровым», которые его убили. В 27 г. «Краснобровые» почетно капитулируют. В 29 г. Гуан-у-ди захватил в плен Лю Юна, сына императора погибшего к тому времени Лю Юя. В том же году на границе с землями сюнну появился новый император Лу Фан (29—40 гг.). В 36 г. потерпел поражение от войск Гуан-у-ди и умер император Гунсунь Шу. В 40 г. император Лу Фан почетно капитулировал, а Гуан-у-ди, таким образом, выиграл в гражданской войне.

Среди основных работ по истории Восточной Хань стоит выделить четырехтомный труд Биленштейна «The Restoration of the Han Dynasty», а также монографию Креспеньи «Fire over Luoyang A history of Later Han Dynasty 23—220 AD». Биленштейн в своей работе рассматривает прежде всего политическую борьбу императоров, действия правителя в религиозной сфере он рассматривает с точки зрения пропаганды. Креспеньи в

своей монографии сосредоточен прежде всего на Лояне — столице империи Восточная Хань.

Основной источник по исследуемому периоду «Хоу Хань-шу» — официальная история империи Восточная Хань. В докладе рассмотрены сообщения из первой главы раздела *ди цзи*, посвященной правлению Гуан-у-ди.

В докладе будет дан анализ действий правителя в религиозной сфере, будут выделены основные культы, основные религиозные центры и, также будет показано, как политические события влияли на религиозные практики Гуан-у-ди. Основными религиозными центрами для императора Гуан-у-ди были Хао, Хуай, Чунлин, Лоян и Чанъань. Основными культами были культ духов земли и зерна, культ предков императорский культ и культ Конфуция. Из религиозных практик можно выделить жертвоприношения и строительство или приведение в порядок храмов.

Библиографический список

Bielenstein H. The Restoration of the Han Dynasty: The Civil War: II // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 1959. Vol. 31. P. 1—287.

de Crespigny de R. Fire over Luoyang A history of Later Han Dynasty 23—220 AD. Leiden-Boston: Brill, 2016.

А.Н. Коробова
ИКСА РАН

**«ФУНКЦИИ ЭКФРАСИСА В ПРОЗЕ ФЭН ЦИЦАЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «СПАСИБО ЖИЗНИ»
И РАССКАЗА «РЕЗНАЯ ТРУБКА»)»**

Аннотация. проза Фэн Цицая насыщена *экфрасисами* (словесным описанием произведений изобразительного искусства) — так, в повести «Спасибо жизни» детально описано производство и роспись керамики, а также орнаменты отдельных блюд и сосудов; в повести «Картина “Противостоящие холоду”» фигурируют многочисленные описания картин на выставке, в рассказе «Резная трубка» — узоры, вырезанные на поверхности трубок.

В данном докладе предполагается рассмотреть функции экфрасиса в прозе Фэн Цицая.

Ключевые слова: экфрасис, Фэн Цицая, современная китайская проза.

Anastasia Korobova
ICCA RAS

**“The functions of ecphrasis in Feng Jicai's prose (based on the story
“Thanks to Life” and the short story “Carved Pipe”)”.**

Abstract. Feng Jicai's prose is saturated with ecphrasis (verbal description of works of fine art) — it can be description of the production and painting of ceramics, as well as ornaments of individual dishes and vessels (“Thanks to Life”); numerous descriptions of paintings at the exhibition (“Painting “Resisting the Cold”), patterns, carved into the surface of the pipes (“The Carved Pipe”).

This report deals with the functions of ecphrasis in Feng Jicai's prose.

Keywords: ecphrasis, Feng Jicai, contemporary Chinese fiction.

Фэн Цицай (р. 1942) известен в Китае не только как выдающийся писатель, но и как художник-пейзажист и каллиграф. Начиная свой творческий путь он в студии традиционной китайской живописи *гохуа* Союза художников Тяньцзиня, где обучался технике монохромной живописи. Оставив живопись в конце 1970-х, в период увлечения литературным творчеством, Фэн Цицай вернулся к ней в 1990-х и продолжает совмещать ее с литературой.

Живопись и литература тесно переплелись в творчестве Фэн Цицая: героями его произведений часто становятся художники (повесть «Картина на „Противостоящие холоду“», рассказы «Резная трубка», «Окно на улице», «Баркарولا»). Влияние живописи на литературное творчество Фэн

Цзиця обусловило стилевые особенности его языка, выбор лексики, связанной с цвето- и светообозначениями.

Его проза насыщена *экфрасисами* (словесным описанием произведений изобразительного искусства): так, в повести «Спасибо жизни» детально описано производство и роспись керамики, а также орнаменты отдельных блюд и сосудов; в повести «Картина „Противостоящие холоду“» фигурируют многочисленные описания картин на выставке, в рассказе «Резная трубка» — узоры, вырезанные на поверхности трубок.

В данном докладе предполагается рассмотреть функции экфрасиса в прозе Фэн Цзиця.

Главный герой повести «Спасибо жизни» (感谢生活 *ганьсе шэнхо*, 1984) [冯骥才 2014, 1—85], выпускник пекинского художественного училища Хуа Сяюй, при распределении неожиданно попадает в керамическую мастерскую в глухой провинции (спустя много лет выяснится, что это произошло из-за доноса его студенческой подружки). Воспринявший поначалу это как крушение всех своих надежд, он всерьез увлекся местной керамикой, и рабочие мастера доверили ему секреты своего мастерства, которые веками не раскрывались представителям других кланов. Однако с наступлением «культурной революции» странное для столичного выпускника распределение в глубинку становится поводом для раздумия направленной против него кампании.

Как правило, экфрасис включает в себя три аспекта описания: образ произведения искусства, творца (его переживаний, эстетических установок, особенностей творческого процесса и т. д.) и впечатления зрителя [Криворучко 2009]. Повесть «Спасибо жизни» в этом смысле пример наличия всех трех аспектов. Выступая вначале как зритель, герой повести становится творцом, — а затем, лишенный права творить, разбивший по приказу хунвэйбинов свои изделия, вновь на долгое время становится зрителем произведений искусства, создаваемых неграмотными местными жителями, резчиками по камню и мастерами керамических игрушек. При описании жизни и каторжного труда художника в каменоломне экфрасис служит противопоставлению искусства и суровой действительности, он моделирует альтернативную реальность, которая помогает ему не сойти с ума и выстоять.

Типологически схожее отношение к экфрасису мы наблюдаем в рассказе Фэн Цзиця «Резная трубка» [冯骥才 *Фэн Цзицяй* 1984, 3—20]. Герою рассказа, художнику, попавшему в опалу во время «культурной революции», запрещено заниматься живописью. Запрет на профессиональную деятельность привел к тому, что отдушиной для художника стало вырезание трубок, а самое большое восхищение они вызвали у неграмотного садовника, с которым художник случайно встретился в оранжерее.

Библиографический список

Фэн Цициай. Резная трубка / пер. А. Коробовой // Китайские метаморфозы. Современная китайская художественная проза и эссеистика. М.: Вост. лит., 2007. С. 98—117.

Фэн Цициай. Спасибо жизни. / пер. В. Аджимамудовой // *Фэн Цициай*. Повести и рассказы: сборник. Пер. с кит., сост. и предисловие Б. Рифтина. М.: Радуга, 1987. С. 159—205.

Криворучко А.Ю. Функции экфрасиса в русской прозе 1920-х годов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01; [Место защиты: Твер. гос. ун-т]. Тверь, 2009. С. 191.

冯骥才: 雕花烟斗. — 冯骥才选集 (三) 天津, 百花文艺出版社 [*Фэн Цициай*. «Резная трубка» // Избранные сочинения Фэн Цициая в трех томах]. Тяньцзинь, 1984, Т. 1, С. 3—20.

冯骥才: 感伤故事 [*Фэн Цициай*. Сентиментальные истории]—北京: 文化艺术出版社, 2014.

А.А. Крушинский
ИКСА РАН

ЛОГИКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРОТИВ ЛОГИКИ НАМЕРЕНИЙ: СМЕРТЕЛЬНОЕ «ПАРИ» ГУАНЬ ЮЯ С ЧЖУГЭ ЛЯНОМ

Аннотация. Выявляется и анализируется концептуальная подоплека поразительной словесной «дуэли убеждений» между двумя центральными персонажами «Троецарствия» (*Гуань Юем* и *Чжугэ Ляном*). Конфликт спровоцировала категоричная претензия гениального стратега на лучшее чем у самого *Гуань Юя* знание *Гуань Юя*. Вопреки письменно подкрепленным заверениям последнего, прозорливец провидчески предсказал, что непревзойденный мастер клинка в ходе прямого боестолкновения с противником (*Цао Цао*) пойдет на попятную и вместо того, чтобы захватить врага, вдруг отпустит его.

То, что на первый взгляд может показаться банальной психологической коллизией чувства и долга, на проверку оказывается драматическим столкновением двух значений одного и того же иероглифа «справедливость» (義 и): «справедливое» как «должное» против «справедливого» в смысле «конвенционально-условного» (или вовсе «заемно-фальшивого»).

В этом противостоянии «логики обстоятельств» и «логики намерений» непрекращаемая принудительность арифметического формализма, фундаментальная «справедливость» понимаемую как должное/задолженность, предсказуемым образом побеждает лишённую формальной строгости логику вербальных обязательств.

Ключевые слова: логика обстоятельств, логика намерений, справедливость, стратегемная логика.

Andrei A. Krushinskiy
ICCA RAS

The logic of circumstance versus the logic of intentions: Guan Yu's deadly “bet” with Zhuge Liang

Abstract. The conceptual background of the amazing verbal “duel of beliefs” between the two central characters of the “Three Kingdoms” (Guan Yu and Zhuge Liang) is revealed and analyzed. The conflict was provoked by the categorical claim of the brilliant strategist for the best knowledge of Guan Yu than that of Guan Yu himself. Contrary to the assurances of the latter, backed up in writing, the seer prophetically predicted that the unsurpassed master of the blade in the course of a direct clash with the enemy (Cao Cao) would back down and, instead of capturing the enemy, would suddenly let him go.

What at first glance may seem like a banal psychological collision of feeling and duty, in fact turns out to be a dramatic clash of two meanings of the same hieroglyph “justice/fair” (義): “fair” as “due” versus “fair” in the sense of “conventional nominal” (or even “borrowed-false”).

In this confrontation between the “logic of circumstances” and the “logic of intentions”, the indisputable coercion of arithmetic formalism, which grounds “justice”, understood as due / debt, predictably wins over the devoid of formal rigor logic of verbal obligations.

Keywords: logic of circumstances, logic of intentions, justice, stratagem logic.

Отличительная примета стратагемной логики Древнего Китая — это прогностическая форма логического вывода. Высокохудожественной иллюстрацией последнего может служить представленная в романе «Троецарствие» драматическая история своеобразного «пари» между гениальным стратегом Чжугэ Ляном и великим воином Гуань Юем. Ставки высоки и весьма неравноценны: если для первого проигрыш означает провал спланированной им операции по захвату Цао Цао, то второй ставит на карту свою собственную жизнь.

Цао Цао, отступая после поражения у Красной скалы, должен угодить в силки, расставленные для него Чжугэ Ляном. Интрига в том, что первоначально Чжугэ Лян, памятуя о благодеяниях, оказанных Цао Цао Гуань Юю, отстраняет последнего от участия в операции. Основанием служит его непоколебимая убежденность в том, что, пленив Цао Цао, в свое время благодетельствованный им Гуань Юй, непременно отпустит своего благодетеля. Уступив настояниям героя, но взяв с него письменное обязательство в случае неисполнения приказа безропотно принять наказание по законам военного времени, прозорливец все же рискнул возложить на непревзойденного мастера клинка ответственную миссию.

В «дуэли» двух противостоящих друг другу убеждений вполне понятна уверенность в себе прославленного своей исключительной преданностью долгу «мужа справедливости» (義士 и ши). Вдобавок, кто может знать человека лучше, чем он сам? Напротив, весьма удивительна убежденность в обратном командующего, категорически усомнившегося в верности воинскому долгу своего подчиненного, и тем самым самоуверенно претендующего на лучшее, чем у самого Гуань Юя, знание Гуань Юя. Но дело в том, что речь тут идет вовсе не о психологических загадках противоречивой души отчетливого рубаки. Имеет место любопытнейшая логическая коллизия: столкновение «логики намерений», отсылающей к нормативности обязательств (иначе говоря, к деонтической логике), с фатально недооцененной Гуань Юем логикой, сложившихся вокруг него обстоятельств игры в «справедливость» (義 и). Если в первом случае логика — это не более чем вербально оформленный (напр., клятвой побратимства) юридизм без претензий на формализацию, то во вто-

ром — она уже фундируется расположенным на стыке геометрии и арифметики/алгебры гексаграммным формализмом («Справедливость устанавливается в пятой [позиции гексаграммы № 2] 義立于五» и *ли юй у*) [Ли Даопин, 135]. В последнем случае принудительность формально-логического вывода реализуется в виде неоспоримой справедливости подсчетов баланса между дарением и отдариванием, по-бухгалтерски сводящих «дебит с кредитом» в символическом взаимообмене дарами. Именно непреложность законов арифметики позволила виртуозу стратегатики заранее просчитать/продедудировать неизбежность итоговой победы логики справедливости в смысле «долга» над логикой справедливости, понимаемой как «номинально-конвенциональное и внешне заимствованное», в смертельном «пари» Гуань Юя с Чжугэ Ляном.

Библиографический список

Ли Даопин. Чжоу И цзицзе цзуаньшу: [Чжоу И со сводом толкований на собрание разъяснений к Чжоу И, принадлежащее Ли Динцзо]. Тайбэй.: Вэнхай чубаньшэ. Т. 1. 1967. С. 544.

А.А. Куликова

Аспирант Восточного факультета СПбГУ

ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМАТИКИ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Аннотация. Женская проза является одним из основополагающих направлений современной китайской литературы. Специфика современной китайской женской прозы проявляется в проблематике произведений писательниц, в которых одно из лидирующих мест занимает тема духовного и физического выживания главной героини на фоне тяжелых исторических событий прошлого века или в Китае XXI века. Целью настоящей работы является анализ романов известных современных китайских писательниц (Ван Аньи, Янь Гэлин, Шэн Кеи и Чжан Юэжэнь), посвященных тяжелой женской судьбе, чтобы определить, проявляются ли в сюжете и образах главных героинь данных произведений гендерные особенности, в которых китайские критики видят влияние “мягкого” китайского феминизма.

Ключевые слова: современная китайская литература, женская проза, гендер, феминизм.

Anastasiia A. Kulikova

Postgraduate student of St. Petersburg University

The Specifics and Controversies of the Modern Chinese Female Prose

Abstract. Women's prose is one of the key directions of modern Chinese literature. The specificity of modern Chinese women's prose is revealed in the problems of works, where the leading place is occupied by the theme of women's spiritual and physical survival against the background of difficult historical events of the 20th century or in modern China. The purpose of this work is to analyze the novels of famous Chinese writers (Wang Anyi, Yan Geling, Sheng Keyi and Zhang Yueran) devoted to the hard fate of women and the trials that the main characters had to go through, in order to determine to what extent plot and the image of literary character contain any gender features, because of which many Chinese literary critics believe that modern Chinese female prose is highly influenced by the “soft” Chinese feminism.

Keywords: modern Chinese literature, female prose, gender, feminism.

Женская проза — одно из ключевых направлений современной китайской литературы, окончательно сформировавшееся в 1980-е годы. Как отмечает писательница Чжао Мэй, «женщины-писательницы 1980-х годов, как группа, были первыми, кто радикально порвал с предыдущей

литературной традицией, успешно разрушив доминирующую условность социальных и политических тем в художественной литературе, при помощи женского самосознания» [Liu L.H 1993, 40]. С того периода современный китайский женский нарратив отличается тесная связь с актуальными проблемами китайской действительности, в первую очередь, с точки зрения женского опыта. Специфика современной китайской женской прозы проявляется в тематике, в которой можно выделить ряд следующих ключевых тем: семья, любовь, поиск смысла жизни и самоопределение, бедность, однако лидирующей является тема непростой женской судьбы в современном Китае или Китае прошлого столетия. Необходимо отметить, что к женской судьбе на фоне тяжелых событий активно обращаются и мужские писатели, как например, Мо Янь в романах «Большая грудь, широкий зад» (1995), «Лягушки» (2009), Су Тун в повести «Жены и наложницы» (1990), Би Фэйюй в трилогии «Сестры» (2001), раскрывая острые социальные вопросы на фоне истории главной героини/героинь.

Элейн Шоуолтер, классик западной феминисткой критики, выделяет три основных приема письма в развитие женской литературы, одним из которых является репрезентация женского как специфической женской идентичности, отличающейся от мужского канона репрезентации и письма [Showalter Elaine 1985, 137—139]. Однако в какой степени данное положение является актуальным для современной китайской женской литературы, которую китайские критики отождествляют с «мягким феминизмом» и не видят в ней явного конфликта или открытого вызова мужской литературе, где присутствует схожая тематика [Zhang Jiong 2017,140]? Таким образом, актуальным представляется вопрос о правомерности разделения современной китайской прозы на «мужскую» и «женскую» по гендерным признакам, так как далеко не все тексты авторов-женщин являются феминными, несмотря на наличие женского сознания.

Объектом исследования являются произведения принадлежащих к разным поколениям известных китайских писательниц, в которых описана тяжелая женская судьба на фоне истории XX века, так и современного Китая: речь идет о романах Ван Аньи «Фу Пин» (2000), Янь Гэлин «Маленький журавль из мертвой деревни» (2007), Чжан Юэжань «Кокон» (2016) и Шэн Кэи «Сестрички с Севера» (2004).

Цель данного исследования в том, чтобы оценить, в какой степени в сюжете и образах главных героинь вышеуказанных произведений проявляются гендерные особенности, в частности, женское сознание.

Библиографический список

Синецкая Э.А. «Путешествие на Запад» китайской женщины, или Феминизм в Китае. СПб.: Институт востоковедения РАН, Нестор-История, 2019.

Чэнь Сяоми. Тенденции новейшей китайской литературы. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2018.

Liu L.H. Invention and Intervention: The Female Tradition in Modern Chinese Literature // Gender Politics in Modern China, Duke University Press, 1993. P. 33—57.

Showalter E. Towards a Feminist Poetics// New Feminist Criticism: Essays on Women, Literature, and Theory. New York: Pantheon Books, 1985. P. 125—143.

Zhang J. Literature and Literary Criticism in Contemporary China. London: Routledge, 2017.

乔以钢, 多彩的旋律 — 中国女性文学主题研究 [Цао Иган. Многоцветная мелодия — исследование тематики китайской женской литературы] 天津: 南开大学出版社, 2003.

Н.В. Кутафьева
Новосибирский государственный университет

ПОЛИСЕМАНТИЧНАЯ ЛЕКСЕМА СУММИМАСЭН «ИЗВИНИТЕ» В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной работе рассматриваются значения полисемантической контекстуально обусловленной лексемы すみません *сумимасэн*, значимой для японской культуры и языка. Изначально китайский иероглиф 済む был заимствован, адаптирован японским языком, в настоящее время изучаемая лексема записывается азбукой *хирагана*. Японская культура — это культура недомолвок и семантически неясных слов и выражений, а поскольку язык является одновременно и компонентом культуры и средством ее сохранения, он отражает народную японскую культуру и психологию японской нации. В русских источниках указывается только одно значение лексемы すみません *сумимасэн* «извините», а в японских — четыре: извинение, благодарность, обращение (к кому-то), просьба, при этом для каждого значения у лексемы すみません *сумимасэн* существуют синонимы, которые четко выражают это значение, но имеют стилистически разное употребление. Также следует отметить, что лексема すみません *сумимасэн* в японском языке выражает такие противоположные значения, как извинение и благодарность.

Ключевые слова: японский язык, японская культура, семантика.

Nataliia Kutafeva
Novosibirsk State University

Polysemantic lexeme *sumisasen* in Japanese culture and Japanese language

Abstract. This paper deals with the meanings of polysemantic contextually determinate lexeme すみません, which is significant both for Japanese culture and for Japanese language. Initially the Chinese character 済む was borrowed by Japanese, currently the studied lexeme is written in hiragana alphabet. Japanese culture is a culture of innuendos and semantically ambiguity words and expressions, and since a language is both a component of culture and means of preservation of this culture, it reflects as popular Japanese culture as psychology of Japanese nation. Only one meaning of the lexeme すみません *sumimasen* 'sorry' is indicated in Russian dictionaries, whereas four meanings namely apology, gratitude, appeal (to someone), request are indicated in Japanese dictionaries. At the same time each meanings of the lexeme すみません *sumimasen* has synonyms that clearly express this meaning but have stylistically different using. It should

also be noted that the lexeme すみません *sumimasen* expresses such opposite meanings as apology and gratitude.

Keywords: Japanese language, Japanese culture, semantics.

Японская культура — это культура молчания и недомолвок, что находит отражение в языке. Кроме того, в японском языке много выражений, значение которых трудно понять вне контекста. Одним из таких выражений является すみません *сумимасэн*.

Небольшой экскурс в историю возникновения слова すみません *сумимасэн*. В настоящее оно записывается азбукой хирагана, но изначально записывалось иероглифом, заимствованным из Китая. Лексема すみません *сумимасэн* — это вежливая форма отрицания глагола 済まない со значением «решение еще не принято» от глагола 済む *суму* «окончиться». В свою очередь глагол 済む *суму* «окончиться» связан с глаголом 澄む *суму* «проясниться, стать чистым». Почему же 澄む *суму* стало 済む *суму* в значении «окончиться». В японском «Словаре двусмысленных слов» мы нашли следующее объяснение. Происходящее изменение заканчивается, когда нечто 濁る *нигору* «стать мутным» становится 澄む *суму* «стать чистым», предположительно это связано с синтоистскими понятиями «скверны» и «чистым сердцем» [芳賀綏 1996, 131].

В русском «Большом японско-русском словаре» под редакцией Н.И. Конрада указано лишь одно значение すみません *сумимасэн* «извините» [БЯРС 1970, т. 2, 160]. Однако в японском «Большом словаре японского языка» приведено несколько значений: извинение, благодарность, обращение (к кому-то), просьба [大日本語辞典 1994, 1052]. При этом в каждом из указанных значений у лексемы *сумимасэн* есть синонимы с точным выражением данного значения, которые различаются стилистически.

Приведем примеры выражения указанных значений в контексте.

1. Извинение. すみません。遅れてしまいました。 *Сумимасэн. Окурэтэ симаимасита*. «Извините, опоздал». Синонимы со значением извинения ごめんなさい *гомэннасай* и 申し訳ありません *мо:си вакэ аримасэн*.

2. Благодарность. 塩を取ってもえませんか? はい。どうもすみません。 *Сю-о тоттэ моразмасэн ка? Хай. До:мо сумимасэн*. «Не могли бы Вы передать мне соль? Да (пожалуйста). Спасибо. Синонимы со значением благодарности ありがとう *аригато* и ありがとうございます *годзаимасу* *аригато: годзаимасу*.

3. Обращение (например, к незнакомым людям, продавцу в магазине). あ、あの...すみません。この店は禁煙なんですけどね。 *А. Ано...сумимасэн. Коно мисэ ва кингэн нан дэсу кэдо нэ*. (Обращение к курящему человеку за соседним столиком в ресторане). Эй.. здесь запрещено курить.

4. Просьба. ちゃはんをふたつ追加ね。すみませんけど。お水もお願いいね。Тяхан-о футацу цуйка нэ. Сумимасэн кэдо. О-мидзу мо о-нэгаи нэ. «Добавьте еще две порции риса. Извините, и воды, пожалуйста». Синонимы 恐れ入りますが осорэиримасу и お手数をかけますが お-тэсу-о какэмасу га.

Интересно отметить, что такие противоположные значения, как извинение и благодарность, передаются одним и тем же выражением すみません сумимасэн.

Японский автор Янагида Кунио в книге «Ежедневные слова» пишет, что すみません сумимасэн означает следующее: «Если для тебя сделали, что-то избыточное, чрезмерное, то твое сердце, твои чувства не может успокоиться» [柳田国男 2013].

Рут Бенедикт в книге «Хризантема и меч» считает, что すみません сумимасэн согласно иероглифу 済まない «не окончится» означает следующее «благодетяние было получено, но ответить на него невозможно», поэтому ситуация на этом не завершается. По отношению к полученному благодетянию выражается благодарность, а по отношению к тому, что ответить на это благодетяние невозможно, выражается извинение [Бенедикт 2007].

Использование すみません сумимасэн в противоположных значениях не смущает японцев, поскольку это для них обыденность, но сильно затрудняет использование этого слова иностранцами, поскольку каждый раз приходится анализировать ситуацию и выяснять, может ли быть использована лексема すみません сумимасэн.

Библиографический список

Бенедикт Рут. Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб.: Наука, 2007.

Большой японско-русский словарь (БЯРС) / Конрад Н.И. ред. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1970.

大日本語辞典 1994, 1052 [Большой словарь японского языка] // 講談社. 1989.
芳賀綏, 佐々木瑞枝, 門倉正美: あいまい語辞典 [Хага Ясуэи, Сасаки Мидзуэ, Кадокура Масами. Словарь двусмысленных слов] // 東京堂出版. 1996.

柳田国男: 毎日の言葉 [Янагида Кунио. Слова, используемые каждый день] // 角川学芸出版. 2013.

В.М. Маляя
ИК РГГУ, ИОН РАНХиГС

**ОПЕРА «ВОЙНА И МИР» В ПОСТАНОВКЕ МАМТ
 НА СЦЕНЕ ТЯНЬЦЗИНЬСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА:
 К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ
 И КИТАЕМ В ТЕАТРАЛЬНОЙ СФЕРЕ В НАЧ. XXI в.**

Аннотация. Рассмотрено восприятие китайской публикой оперы «Война и мир», поставленной коллективом МАМТ (Московского академического музыкального театра им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко) на сцене Большого театра г. Тяньцзинь (天津大劇院) в рамках гастролей в КНР в 2014 г. Данное событие имело широкий общественный резонанс: публика приняла оперу с восторгом, критики и исследователи театрального искусства назвали постановку «одним из важнейших событий года». Отзывы о спектакле и интервью с создателями вышли во многих периодических изданиях КНР. Статьи, посвященные постановке: особенностям художественных решений, актерской игре и связи музыки С. Прокофьева с литературным произведением Л. Толстого, были опубликованы в нескольких научных журналах КНР. Данный спектакль является одним из самых ярких примеров культурного взаимодействия России и Китая в начале XXI в., так как своим оглушительным успехом он обязан совместной работе творческих коллективов двух стран.

Ключевые слова: опера Война и мир, театральное взаимодействие РФ и КНР, гастролы МАМТ в Китае 2014, Большой театр г. Тяньцзинь.

Vera M. Malaya
Confucius Institute RSUH, RANEPА

The opera “War and Peace” staged by MAMT at the Tianjin Bolshoi theatre: towards a theatrical cooperation between Russia and China in the early 21st century

Abstract. the opera “War and Peace”, staged by the MAMT (Stanislavsky and Nemirovich-Danchenko Moscow Academic Musical Theatre) at the Tianjin Grand Theatre (天津大劇院) as part of a tour to China in 2014, is reviewed. The event had a great public response: the audience received the opera with enthusiasm, with critics and theatre scholars calling the production “one of the most important events of the year”. Reviews of the production and interviews with its creators have appeared in many periodicals in China. Articles devoted to the production — peculiarities of artistic solutions, the play's acting and the connection of Prokofiev's music with Tolstoy's literature — have been published in many periodicals. The play is one of the most vivid and popular productions in China. This

performance is one of the brightest examples of cultural interaction between Russia and China at the beginning of the 21st century, as its resounding success is due to the joint work of the creative teams of the two countries.

Keywords: The opera “War and Peace, theatrical cooperation between Russia and China, MAMT tour to China 2014, Tianjin Grand Theatre.

История активного взаимодействия России и Китая в сфере театрального искусства началась в 50-е гг XX в., с момента заключения Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между двумя странами. В 1954 г. Московский театр Станиславского и Немировича-Данченко осуществил масштабные гастроли в Китай, в ходе которых были показаны 86 спектаклей и концертов на сцене пекинского театра Тяньцзя (天桥剧场), в том числе постановки, являющиеся визитными карточками российской музыкальной сцены: опера «Евгений Онегин», балеты «Лебединое озеро», «Эсмеральда» и др. За ним последовали гастроли труппы Шаосинской оперы (1955 г.) и Шанхайского театра (1956 г.), представившие советскому зрителю традиционное исполнительское искусство Китая. Эти туры стали знаковым событием того времени, положив начало многочисленным гастролям и тесному взаимодействию двух стран в театральной сфере. На протяжении всего XX в., за исключением периода охлаждения двусторонних отношений, Россия и Китай организовывали гастроли и турне, знакомя зрителей с выдающимися постановками драматического и музыкального театрального искусства.

На сегодняшний день гастроли и совместные театральные проекты по-прежнему являются важной частью российско-китайского культурного взаимодействия. Среди постановок первой четверти XXI в. особенно выделяется опера «Война и мир», привезенная на сцену Большого театра Тяньцзиня постановочной командой МAMT. Премьера оперы С. Прокофьева состоялась в 2012 г. и сразу же стала заметным событием на московской оперной сцене. Критики приняли постановку благосклонно, отметив необычные художественные находки — внешняя простота декораций в сочетании со сложнейшим техническим решением, массовостью батальных сцен, великолепные костюмы, выполненные с исторической точностью и исполнительский талант артистов вместе производят глубокое впечатление, помогая зрителю переосмыслить текст Толстого и понять музыку Прокофьева. Неудивительно, что постановкой заинтересовалось китайское театральное сообщество, так как сюжет «Войны и мира» хорошо знаком китайской публике. Произведения Л.Толстого неоднократно переводились на китайский язык и входят в перечень литературных произведений, рекомендованных для чтения в рамках общеобразовательной программы средней школы.

Постановка «Войны и мира» состоялась в Большом театре Тяньцзиня 30 сентября 2014 г, она произвела огромное впечатление на китайского

зрителя и с успехом была сыграна шесть раз в рамках гастролей театральной труппы МАМТ в течение октябрьской «золотой недели». Китай стал первой и единственной страной, принявшей спектакль такого масштаба на своей сцене. Грандиозному успеху предшествовала колоссальная работа коллективов двух стран. В массовых сценах спектакля были задействованы не только артисты труппы МАМТ, но и студенты местных вузов (всего более пятисот человек), что потребовало слаженной работы режиссера, артистов и переводчиков. Трудности сопровождали постановочную группу на каждом шагу: от перевода технической документации до транспортировки реквизита и костюмов. Многие участники постановки сомневались в успехе предприятия: будет ли китайскому зрителю интересно наблюдать за четырехчасовым действием в сопровождении симфонического оркестра? Удастся ли создателям донести проблематику произведения?

Постановка «Войны и мира» в Большом театре Тяньцзиня была названа одним из самых значимых культурных событий 2014 г., повлекшим за собой появление множества публикаций в прессе, критических очерков и научных статей. В основном спектакль получил положительную оценку: было отмечено новаторство данной постановки, технологичность декорационного оформления, масштаб батальных сцен, историческая точность костюмов и высочайшее мастерство артистов оперы и оркестра. Профессор тяньцзиньской консерватории Чжоу Сяоцзин высоко оценила данную постановку, назвав ее без тени преувеличения грандиозным событием. В то же время опера стала предметом бурного обсуждения в сети Интернет: некоторые пользователи социальных сетей положительно отозвались об увиденном, отметив смелость тяньцзиньского Большого театра, решившего представить данный шедевр китайской публике. Другие, наоборот, сомневались в уместности такой постановки в Китае, отмечая отсутствие запоминающихся и узнаваемых мелодий и чрезмерную простоту хореографии, в которой китайский зритель увидит не художественный замысел, а недостаточно высокий уровень мастерства. Постановка вряд ли будет понятна обывателям, привыкшим к ярким и запоминающимся хореографическим и вокальным номерам традиционных гала-концертов. Среди критиков были и те, кто вовсе назвал постановку МАМТ пропагандой русской культуры, «промыванием мозгов китайского народа». Такое разнообразие мнений свидетельствует о том, что опера «Война и мир» действительно стала в Китае заметным событием 2014 г.

Масштаб успеха оперы «Война и мир» сопоставим с первыми гастролями советских артистов в Китае, которые, по удивительному совпадению, также были осуществлены Московским музыкальным театром Станиславского и Немировича-Данченко.

Библиографический список

李伦：平行与交织的完美演绎 ——歌剧《战争与和平》和平与战争的交响 [Ли Лунь. Параллелизм и переплетение в идеальном воплощении. Опера «Война и мир»: симфония мира и войны] // 戏剧文学, 2014 (11), 第 15—18 页.

刘丹霓：略显缺憾的大师手笔 [Лю Даньни. Неидеальный шедевр.] // 艺术评论, 2014 (12), 第 49—52 页.

周小静：走进去，看到自己 [Чжоу Сяоцзин. Войди и увидишь себя.] // URL: <http://www.oxiang.com/music/20170901/55515.html> (accessed: 11.04.2023).

Меркулов К.К.
ИКСА РАН

**О ЗНАЧЕНИИ ИДЕЙ ИСТИННОГО ДОБРА
В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ НАРОДОВ ОТЕЧЕСТВА И КИТАЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ «СОПРЯЖЕНИЯ»
В XXI ВЕКЕ Н.Э.**

Аннотация. В докладе представлены избранные социально-философские размышления о значении идей добра в традиционной духовной культуре народов Отечества (России и Союзного государства) и Китая и в их общественно-политической идеологии. Феномен «возвращение к духовным истокам» — это Возрождение истинно добрых канонов не только православно-христианской веры и других «классических» духовно-культурных традиций народов нашей страны, но и их более древних первоисточков у наших далеких предков. Столь же показательно значение идей добра в духовной культуре Древнего и Нового Китая, в т.ч. в плане важности идеалов «сяокан» и «датун». Таким образом, особо важный элемент Интегрального Духовно-Материалистического Возрождения наших народов и государств — идеи истинного добра в общем контексте «мировой истинно доброй идеемечты». И хотя их двустороннее «сопряжение» (в т.ч. на основе доброгуманистической и т. д. парадигмы) отчасти блокируется спецификой «исконно широкой души истинно доброго русского человека» и «традиционного прагматичного менталитета китайца как человека часто с тройным и более дном», с точки зрения системно-синергетического анализа — синтеза — прогноза (и вообще с позиций учений о миродоброгармонии ~ теокосмогеогармонии, философии и системологии интегрального истинно доброго духовно-материалистического положительно-диалектического системно-синергетического всеединства и других элементов геомодуля нового знания землян в авторстве ученых семьи Меркуловых) комплекса исследуемых проблем есть основания для относительного (но не абсолютного!) оптимизма, как минимум, в сверхдолгосрочной перспективе, но, видимо, уже после «большой войны».

Ключевые слова: духовная культура и общественно-политическая идеология народов России, Союзного государства и Китая; «китайская мечта».

On the Significance of the Ideas of True Good in the Spiritual Culture and Socio-Political Ideology of the Peoples of the Fatherland and China: Problems and Prospects for Their “Conjugation” in the 21st Century A.D. (Brief Theses)

Abstract. The report presents selected socio-philosophical reflections on the significance of the ideas of good in the traditional spiritual culture of the peoples of the Fatherland (Russia and the Union state) and China and in their socio-political ideology. The phenomenon of “return to spiritual sources” is the revival of truly good canons not only of the Orthodox Christian faith and other “classical” spiritual and cultural traditions of the peoples of this country, but also of their more ancient primary sources among our distant ancestors. The importance of the ideas of good in the spiritual culture of Ancient and New China, incl. in terms of the importance of the Xiaokang and Datong ideals, is equally evident. Thus, a particularly important element of the Integral Spiritual-Materialistic Renaissance of our peoples and states is the idea of true good in the general context of the “world truly good idea-dream”. And although their two-way “conjugation/pairing” (including on the basis of a good-humanistic, etc. paradigm) is partly blocked by the specifics of the “primordially broad soul of a truly good Russian person” and “the traditional pragmatic mentality of a Chinese as a person often with a triple or more bottom”, from the point of view of system-synergetic analysis — synthesis — forecast (and in general from the standpoint of the teachings on world peaceful good-harmony ~ theocosmogeoharmony, philosophy and systemology of the integral truly good spiritual-materialistic positive-dialectical system-synergetic unity and other elements of the geomodule of new knowledge of earthlings in the authorship of scientists of the Merkulovs family) of the complex of problems under study, there are grounds for relative (but not absolute!) optimism, at least in the super-long term, but, apparently, already after the “big war”.

Keywords: spiritual culture and socio-political ideology of the peoples of Russia, the Union state and China; the “Chinese dream”.

1. Несмотря на, мягко говоря, неполное «сопряжение» культурно-цивилизационных и т. д. архетипов народов нашей страны и Китая на протяжении мировой истории, в широкой перспективе (причем, возможно, после новой «большой войны») Отечеству и Поднебесной все же уготованы «подлинно светлое настоящее» и «истинно доброе будущее» — в плане и благого внутреннего прогресса, и оптимального дву- и многостороннего планетарно-международного соразвития, верится, в направлении формирования миросоюза нового типа за совместное выживание и устойчивое оптимальное развитие доброчеловечества на основе идеологии истинного добра как квинтэссенции «истинно доброй мировой идеи-мечты».

Последняя имеет по сути интерпатриотическо-интерконфессиональный характер и представляет собой общее положительное наследие мировой духовности, философии, культуры, идеологии и т. д. и их достойных субцивилизационных, международных, национально-государственных, субрегиональных, местных, общинных, семейных и личностных частей, а идеи истинного добра — важный ориентир достойного развития явлений и процессов Возрождения и Преображения нашей страны и модернизации Китая.

2. «Китайская угроза» в виде ее ряда реакционных социальных носителей — не миф, а перспективная опасность для нашей Родины и вообще для доброугодно прогрессивной части земной цивилизации в неизбежную «эпоху после Си». Но противодействие подобной угрозе должно подразумевать не столько «силовое сдерживание» (не забывая, что «Добро должно быть с кулаками»), сколько использование комплекса уникальных истинно добрых средств оборонной, хозяйственной, политико-дипломатической, духовно-культурной и т. п. «мягкой силы» — в общем плане уникального вселенского/планетарного миротворческого и доброподвижнического биодипломатического наступления (ВМДБН) всех истинно добрых сил социума, в т.ч. и истинно добрых представителей великой китайской нации.

3. Особого внимания — с точки зрения будущих новых вызовов национально-государственной и общественной безопасности нашей Родины со стороны отдельных условно экстремистских сил Поднебесной — заслуживает вопрос о растущей угрозе «мирного отторжения» нашего Зауралья в результате трудно контролируемой экспансии китайских трудовых мигрантов и иностранных рабочих из некоторых других соседних с нами стран, тем более с учетом перспектив масштабного расширения и углубления делового сотрудничества наших стран в ближайшие годы (помимо строгих административных мер).

4. *Ныне* актуальны Договор о **добр**ососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, его аналог в ШОС и др. Но есть максима: «Перспективы светлые, а путь извилистый».

Библиографический список

Абраменко В.П. Китайская философская классика в поэтических переводах: «Чжун юн», «Лунь юй», «Сань цзы цзин», в 2-х т. М.: ИДВ РАН, 2017.

Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России [Текст] : работы о Китае и российско-китайских отношениях. М.: Междунар. отношения, 2015.

Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: «Издательство Апрель», ООО «Издательство АСТ», Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000.

Маслов А.А. Китай без вранья. М.: РИПОЛ Классик, 2013.

Меркулов К.А., Меркулова Э.А. и др. Био- и геостратегические отношения России и Союзного государства с Китаем на рубеже XX-XXI вв. (историко-философская модель системно-синергетических анализа-синтеза-прогноза). В 5 т. М.: Изд-во «Спутник+», 2024.

On China, Henry Kissinger. (2012). New York: Penguin, 2012. 624 p. (pbk).

Zhang Lihua. (2013). China's Traditional Cultural Values and National Identity. Article on the web-site of Carnegie Endowment for International Peace on November 21, 2013. URL: <https://carnegieendowment.org/2013/11/21/china-s-traditional-cultural-values-and-national-identity-pub-53613> (accessed: February 24, 2022).

Е.И. Митькина

Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АГАТЫ КРИСТИ В КИТАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Данная статья посвящена первым переводам произведений английской писательницы Агаты Кристи в Китае. Интерес к ним возник в конце 1940-х годов, когда в специализированных журналах были опубликованы ее рассказы и романы.

Ключевые слова: Агата Кристи, китайская литература, детектив, детективные произведения.

*Evgenia I. Mitkina**St. Petersburg State University*

The first translations of Agatha Christie's works in China in the first half of the 20th century

Abstract. This article is devoted to the first translations of the works of the English writer Agatha Christie in China. The first interest in them arose in the late 1940s, when her stories and novels were published in specialized magazines.

Keywords: Agatha Christie, Chinese literature, detective story, detective stories.

Произведения Агаты Кристи (Agatha Christie, 1890—1976) являются одними из самых издаваемых и переводимых в мире. Каков же был их путь в Китае? Отчетливо выделяются два пика интереса к ее творчеству. Первый пришелся на 1940-е годы, второй — на 1980-е. Самым первым опубликованным в Китае произведением А.Кристи стал рассказ «Квартира на четвертом этаже» (The Third Floor Flat, в кит.переводе данного издания — 三层楼寓所 *Сань цэн лоу юйсо*), опубликованный в журнале «Детективы» (侦探, *Чжэньтань*) в переводе Ли Хуэйнина(李惠宁). Этот же рассказ, но уже в другом переводе (переводчик — Шао Дяньшэн 邵殿生) был опубликован в 1946 году в журнале «Новый детектив» (新侦探 *Синь чжэньтань*). Именно этот журнал стал основной площадкой для публикации произведений Агаты Кристи в конце 1940-х годов. Всего вышло 17 номеров, но в них были опубликованы 9 значимых произведений А.Кристи из основных ее популярных серий (про Эркюля Пуаро и мисс Марпл), однако это были только ее рассказы. Романы английской писательницы в 1948—1949 годах публиковал другой значимый журнал «Большой детектив» (大侦探 *Да чжэньтань*), так, например, в нем опубли-

ликовали роман «Убийство Роджера Экройда» (The Murder of Roger Ackroyd) в переводе Яо Суфэн (姚苏凤). Однако самые известные ее произведения в тот период еще не были переведены на китайский. Это произошло намного позднее — в конце 1970-начале 1980-х годов, когда начался новый пик интереса к творчеству писательницы, не ослабевающий до сих пор.

Н.В. Михалькова

Минский государственный лингвистический университет

ВАРИАТИВНОСТЬ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ДЕТЕРМИНАТИВОВ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Путем семантического и этимологического анализа сложносоставных иероглифов китайского языка выявляются подсистемы письменных знаков, именующие одни и те же понятия, но различающиеся по своему составу знаков, что обуславливается различиями внутри одной лингвокультуры подходов к представлениям различного типа, которые детерминируют основу иероглифической вариативности китайской картины мира. Определяются характерные структурные черты вариативной цепочки знаков, устанавливаются принципы выбора носителями китайского языка соответствующих разных смысловых компонентов иероглифов (степень релевантности свойства описываемого представления, салиентность признака определенного типа и др.). Устанавливаются как единые, так и различные семантические основания, включающие общность/специфичность смыслового компонента в сложных иероглифах, номилирующих идентичные понятия, что обуславливает включение определенного детерминатива в многокомпонентный знак китайского письма. Выделяются следующие характерные черты вариативности китайской иероглифики: 1) протяженность цепочки вариативных элементов может составлять от двух до четырех единиц; 2) вариативность затрагивает только детерминатив сложносоставного знака без модификации других элементов; 3) вариативность характерна как для детерминатива иероглифа, так и дополнительных компонентов; 4) включение детерминатива вариативно в одном из значений, что в конечном итоге может приводить к его исключению; 5) вариативен порядок следования (релевантность) компонентов сложносоставного знака; 6) вариативность детерминативов практически всегда является следствием вариативности мотивировочных признаков семантики сложносоставного знака.

Ключевые слова: вариативность, китайский иероглиф, картина мира, семантика.

*Nadezhda V. Mikhalkova**Minsk State Linguistic University*

Variation of the Chinese character picture of the world (on the example of determinatives of compound signs)

Abstract. By semantic and etymological analysis of compound characters of the Chinese language, subsystems of written signs that name same concepts, but

differ in their composition of sign determinants are identified. This forms the basis of the character variability of the Chinese picture of the world. The structural characteristics of the variable chain of signs are determined, the principles for choosing by native speakers of Chinese of the corresponding different semantic components of characters (the degree of relevance of the property of the described representation, the salience of a feature of a certain type, etc.) are established. Both single and different semantic grounds are established, including the commonality/specificity of the semantic component in complex characters that nominate identical concepts, which leads to the inclusion of a certain determinative in the multicomponent sign of Chinese writing. The following characteristic features of the variability of Chinese characters are distinguished: 1) the length of the chain can vary from two to four units; 2) variability affects only by the determinant of a complex sign without modifying other elements; 3) variability is characteristic of both the determinative of the sign and additional components; 4) the inclusion of the determinative is variable in one of the meanings, which may ultimately lead to its exclusion; 5) the order of succession (relevance) of the components of a complex sign is variable; 6) the variability of determinants is almost always a consequence of the variability of motivational features of the semantics of a complex sign.

Keywords: variability, Chinese character, picture of the world, semantics.

Представления людей об окружающей действительности, составляющие основу их картины мира, оказываются вариативны относительно отдельных понятий [Габбасова 2013]. Данная вариативность проявляется в специфике понимания тех или иных явлений не только представителями разных национальностей [Корнилов, 2003], но и в рамках групп людей одной национальности, различающихся природными и/или социальными условиями жизни. Эти различия неизбежно «встраиваются» в язык как важнейшее средство закрепления и передачи информации и «порождают» вариативность языковой картины мира носителей как разных лингвокультур, так и одной языковой системы [罗常培 *ло чан пэй* 2003].

Под вариативностью иероглифической картины мира понимается способность графической системы китайского языка к выбору разных элементов в ответ на модификацию мотивировочных оснований знака. Т.е. вариативность иероглифической картины мира непосредственно обусловлена вариативностью представлений, детерминированных различными ассоциативными связями носителей языка.

Несмотря на то, что письменная сфера любого языка (в отличие от устной нормы, лексической системы) является наименее подверженной каким-либо изменениям, даже в устоявшейся тысячелетиями иероглифике китайского языка имеют место множество вариаций, затрагивающих не столько фонетическую часть знака, сколько его смысловое наполнение. Примечательным является также и то, что чаще всего вариативность яв-

ляется характерной для детерминатива иероглифа — ключевого семантического компонента, что приводит к перераспределению знаков относительно разных категориальных иероглифических областей или одновременному их вхождению в разные иероглифические категории единиц.

В целом, китайская письменная система может быть охарактеризована следующими структурно-семантическими особенностями модификации детерминативов как основанием вариативности иероглифической картины мира.

1. Протяженность цепочки вариативных элементов может составлять от двух (撮/慑 (*шэ*) «пугать, устрашать») до четырех единиц (快/速/迅/疾 *куай/су/сюнь/цзи* «быстрый»).

2. Вариативность затрагивает только детерминатив сложносоставного знака без модификации других элементов (撻/禪 (*шань*) «уступать престол»).

3. Вариативность характерна как для детерминатива иероглифа, так и дополнительных компонентов (啃/狠 (*кэнь*) «кусать»).

4. Включение детерминатива вариативно в одном из значений, что в конечном итоге может приводить к его исключению (疾/嫉 (*цзи*) «ревновать, завидовать»).

5. Вариативен порядок следования (релевантность) компонентов сложносоставного знака (奴/汝 (*ну*) «раб»).

6. Вариативность детерминативов практически всегда является следствием вариативности мотивировочных признаков семантики сложносоставного знака (伎/伎 (*цзи/чжи*) «вредить»).

Таким образом, иероглифическая система китайского письма, несмотря на свою устойчивость, оказывается достаточно открытой к изменениям своей графики, чему свидетельством является ее вариативность и появление новых знаков уже на современном этапе развития.

Библиографический список

Габбасова А.Р., Фаткуллина Ф.Г. Языковая картина мира: основные признаки, типология и функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003.

罗常培.语言与文化 [Ло Чанпэй. Язык и культура] 北京: 北京出版社.2003

К.Г. Муратшина
ИВ РАН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Автор анализирует современную ситуацию с распространением и работой в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) Институтов Конфуция (ИК).

ЮВА — регион, которому современный Китай уделяет повышенное внимание в своей внешнеполитической стратегии, в том числе в свете соперничества за влияние с США, Японией и другими акторами. Одним из значимых инструментов политики Пекина в целом и на этом направлении в частности выступает распространение китайского языка и культуры. В данном докладе будут выделены как общие, так и специфичные для отдельных стран Юго-Восточной Азии аспекты конкретного содержания деятельности Институтов Конфуция, которая реализуется ими за рамками стандартного, общего практически для всех ИК набора основных учебных курсов и культурных мероприятий. Далее, будут прослежены те приемы культурной дипломатии Китайской Народной Республики, которые реализуются в деятельности Институтов Конфуция в ЮВА. Наконец, автором рассматриваются, какие факторы определяют ход развития проекта ИК в том или ином принимающем государстве Юго-Восточной Азии, и отмечается, что именно позволяет Китаю достигать успеха в продвижении таким образом своего культурного влияния.

Ключевые слова: Китай, Юго-Восточная Азия, культурная дипломатия, «мягкая сила».

Ksenia G Muratshina
IOS RAS

Activities of Confucius Institutes in Southeast Asia

Abstract. This paper analyses the current activity and scope of China-managed Confucius Institutes (CI) in Southeast Asia (SEA). A lot of attention in China's foreign policy strategy is driven to SEA, taking into account, among different factors, its rivalry with the USA, Japan and other competitors. One of the key tools of China's policy, both in general and regarding SEA, is its cultural expansion. The author of this report describes common and specific features of the CI activity (which is frequently much wider than the standard set of courses and of cultural events), depending on the recipient SEA countries. Furthermore, the report traces the methods of China's cultural diplomacy, which are being realised in the CI operation. In conclusion, the paper outlines the factors, which determine

the development of the CI network in a recipient country, and the sources, which ensure China's success in the projection of its cultural influence by means of the CI work.

Keywords: China, Southeast Asia, cultural diplomacy, soft power.

Доклад посвящен современной ситуации с распространением и работой в странах Юго-Восточной Азии Институтов Конфуция. Выделяются как общие, так и специфичные для отдельных стран аспекты, прослеживаются приемы культурной дипломатии КНР, реализуемые в деятельности ИК. Кроме того, рассмотрено, какие факторы определяют развитие проекта ИК в принимающем государстве и что позволяет Китаю достигать успеха в продвижении таким образом своего культурного влияния.

Как известно, Институты Конфуция сегодня есть в большинстве стран мира и уже стали признанным мощным инструментом китайской культурной дипломатии и «мягкой силы». Юго-Восточная Азия — одно из ключевых направлений китайской внешней политики. Спецификой ЮВА выступает активизировавшееся военно-политическое, экономическое и культурное соперничество за присутствие и влияние между крупными внерегиональными акторами — Китаем, США, Японией, Индией.

Стандартная деятельность ИК похожа, в них присутствует примерно один и тот же базовый набор курсов, что-то вроде программы минимум: это собственно преподавание китайского языка, прием языкового экзамена HSK, курсы, посвященные культуре Китая (каллиграфия, музыка, живопись, искусство чайной церемонии и т. д.), культурные мероприятия (праздники, выставки, кинопоказы, музыкальные вечера). Проводятся студенческие и преподавательские обмены с китайскими вузами-партнерами, конкурсы, стажировки, летние школы. Наряду с этим Институтами могут осуществляться и другие виды образовательной деятельности и организация мероприятий, поэтому в докладе будет рассмотрена специфика их работы в различных государствах ЮВА.

Изучение материала показывает, что, несмотря на свое быстрое распространение, ИК есть не во всех странах ЮВА. Наибольшее их число — в Таиланде, Индонезии и Малайзии, наименьшее — во Вьетнаме и Сингапуре. Раньше всех в ЮВА ИК начали открывать Таиланд и Филиппины, а позже всех — Вьетнам. Нет Институтов в Брунее и Мьянме. Как представляется, причинами тому могут быть общая приверженность большей информационной и культурной закрытости общества в этих странах и, как следствие, нежелание пускать зарубежных партнеров в свою культурную жизнь, по крайней мере, пока, по состоянию на текущий момент. Но можно предположить, что КНР будет прилагать усилия, чтобы все равно открыть в них Институты в дальнейшем. В остальных же государствах ЮВА разная численность, разный масштаб работы и сроки откры-

тия ИК определяются совокупностью факторов — общим уровнем отношений с Китаем, настроениями в обществе, наличием дополнительного раздражителя в виде территориального спора в Южно-Китайском море. Примечательно, что Китай усиливает свою культурную дипломатию, если отношения сложные. Главным, определяющим моментом становится позиция принимающего государства. Как можно увидеть на примере большинства стран, китайская сторона через высказывания, интервью, публикации в СМИ государств ЮВА создает дискурс в поддержку деятельности ИК. Также характерным инструментом является продвижение ИК и необходимости их открытия на уровне межрегиональных связей. Еще один момент — ИК всегда сотрудничают с посольствами и консульствами КНР, с обществами дружбы, бизнес-ассоциациями и китайской диаспорой, то есть опираются на мощную организационную и финансовую поддержку. Наконец, в государствах, которые больше привязаны к Китаю экономически, ИК, быстро реагируя на ситуацию, запустили программы «китайский язык плюс» для более широкого круга специальностей. В целом, этот инструмент китайской культурной дипломатии следует признать успешным, но отношения КНР со странами ЮВА с этой точки зрения являются неравноценными, поскольку ни одна из стран ЮВА не получила возможности создать аналогичные структуры на территории Китая.

К.В. Перегудин (Иеромонах Кирилл)

Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата

ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПТА «ЛИЦО» (面子) НА САМОСОЗНАНИЕ КИТАЙСКИХ ХРИСТИАН

Аннотация. Основываясь на опыте пастырской деятельности Китайского Патриаршего подворья в Москве, автор анализирует влияние китайского концепта «лицо» (面子 *мяньцзы*), базового для всей китайской культуры, на особенности рецепции ключевых христианских ценностей представителями китайской православной общины. Отмечены взаимодополняющие возможности и проблемные стороны сосуществования двух мировоззренческих парадигм в сознании воцерковляющегося китайца. Подчеркивается необходимость глубокого понимания важнейших характеристик китайской культуры коммуникации и социальных отношений, в частности, ее «зеркальности», или «рефлексивности» (映照性文化 *инчжаосин вэньхуа*) для формирования аутентичных христианских общин с китайской спецификой и долгосрочного планирования по реализации дальнейших шагов на пути китаизации Православия.

Ключевые слова: китайское православие, концепт «лицо» (面子 *мяньцзы*), взаимодействие культур, китаизация религии.

Konstantin V. Peregudin (Hieromonk Kirill)

Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate

The Influence of the Concept “Face” (面子) on the Self-Consciousness of Chinese Christians

Abstract. Basing on the experience of pastoral activities of the Chinese Patriarchal Metochion in Moscow, the author analyzes the influence of the Chinese concept of “face” (面子), fundamental to the whole Chinese culture, on how the key Christian values are being adopted by representatives of the Chinese Orthodox community. Special focus is made on mutually supplementary opportunities and problematic aspects of coexistence of the two worldview paradigms in the mind of a Chinese Orthodox Christian who is becoming more involved in the life of the Church. As the author notes, a deep insight into the Chinese culture of communication and social relations, in particular its “mirroring” or “reflexivity” (映照性文化) aspects, is essential for the formation of authentic Christian communities with Chinese specificity and a long-term strategy for the sinicization of Orthodoxy.

Keywords: Chinese Orthodoxy, concept of “face” (面子), interaction of cultures, sinicization of religion.

Концепт необходимо рассматривать как часть структуры национального сознания, единой для всех представителей данного социума. Концепция «лица», давно ставшая этнопсихологическим феноменом китайской нации, непосредственно вытекает из предписываемой конфуцианством необходимости правильного исполнения каждым членом общества своей роли с соблюдением всех принятых правил и условностей. Таким образом, «лицом» в Китае называют личность в публичном ее проявлении. Озабоченность китайцев своим «лицом» сегодня так же сильна, как и в древности, если не сильнее. Это культурно-коммуникативное понятие продолжает являться одним из главных факторов, регулирующих не только особенности межличностного общения, но и политический, деловой, военный, дипломатический и повседневный дискурсы Китая.

Принимая христианство, носитель китайской культуры не перестает руководствоваться этим понятием, но перед ним встает нетривиальная задача творчески переосмыслить его содержание, критически взглянуть на свой жизненный и социальный опыт, при необходимости пересмотреть свои поведенческие устанавки, сформированные за многие годы, особенно если человек приходит в Церковь во взрослом возрасте. Безусловно, такая задача стоит перед любым человеком, в том числе и русским, стремящимся стать христианином, но в данном случае этот вызов осложняется глубокой укорененностью в своей культуре, привычкой к зачастую не осознаваемым самим собой шаблонам поведения.

Соотношение этих шаблонов с христианскими заповедями может вызывать различные конфигурации. К примеру, казалось бы, вполне христианское стремление избегать конфликта в межличностных отношениях на поверку зачастую обосновывается заботой о своем «лице», а не заповедью *«если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми»* (Рим. 12:18). В случае отказа от конфликта с другим, сохраняя его «лицо», индивид в китайской парадигме получает основания считать себя имеющим «лицо», не поступив недостойно.

Замечательно, когда уже устоявшийся в китайской культуре образец поведения коррелирует с религиозной заповедью, хотя мотивация может быть не совсем идентична христианской. В таком случае есть возможность для корректировки и взаимополезного дополнения двух мировоззрений. Но некоторые особенности поведения, связанные с понятием «лица» могут вызывать и принципиальные сложности. Как отмечается [Тертицкий, с. 54], китайские исследователи выделяют следующие варианты поведения, связанные с «лицом»: 1 — инициативная «продажа» лица (индивид, используя власть или имущество, которым он распоряжается, оказывает благодеяния друзьям и родственникам), 2 — «накапливание запасов» «лица» (индивид оказывает услуги вышестоящим, надеясь через некоторое время получить ответное благодеяние), 3 — «обмен» «лицом»

(оказание взаимных услуг с использованием служебного положения). Все три упомянутые варианты сложно сочетаются с максимами Нагорной проповеди: *«И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность?.. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая»* (Лк. 6:33—35), *«И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете?»* (Мф. 5:47). Последняя фраза так же входит в некоторое противоречие с коренными различиями китайской традиции коммуникаций с представителями ближнего круга и незнакомыми людьми (т. н. 内外有别).

Одновременно нужно понимать, что за последние 30—40 лет в Китайской Народной Республике происходили столь стремительные изменения экономического и жизненного уклада людей, вызывающие перманентную переоценку ценностей, что в итоге разные поколения живут сегодня в разных ценностных мирах. В связи с этим необходимо учитывать различия в уровне саморефлексии, восприятии китайцами разных поколений собственной культуры, ее коммуникативных особенностей при духовном попечении и пастырской деятельности.

Одним из характерных качеств китайской культуры является ее «зеркальность», или «рефлексивность» (映照性文化), то есть постоянное сравнение себя с другими членами своего круга и общины. С самого детства ребенка оценивают часто не по его собственным способностям, а по тому, что делают другие люди и что делает он. То же самое происходит и в христианской общине, это является критическим фактором в созидании крепкой общины китайских верующих, особенно при ее малых масштабах.

Исходя из вышесказанного, уважительное отношение к концепции 面子 должно являться фундаментом построения любых отношений с китайцами, в том числе и в отношениях священника с китайскими верующими, между верующими китайской и других национальностей в одной общине.

Выделяя роль Церкви как одного важнейших факторов оздоровления нравственного климата в обществе, необходимо отметить, что так или иначе, вне зависимости от политического строя, любая система, построенная только на внешнем регулировании социального поведения личности (системе правосудия или даже внешнем понятии «лица» в противовес внутренней совести), не способна разрешить абсолютно все проблемы общества, коренящиеся в греховой природе человека.

Надеемся, что широкое обсуждение различных разделов «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», переведенных и изданных в 2023 году на китайском языке, сможет стать важным шагом по сближению китайского общественного дискурса и русской православ-

ной традиции для придания импульса долгосрочному поступательному движению на пути китаизации Православия и формирования полноценной Китайской Православной Церкви.

Библиографический список

Баженов Г. А. «Лицо» как базовый концепт концептосферы китайского языка человека // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2009. Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 1. С. 262—265.

Ивченко Т. В. «Лицо» китайца [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2014. № 1 (58). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/lico-kitayca> (дата обращения: 06.04.2023).

Просеков С. А. «Лицо китайца»: содержание понятия // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 191—201.

Тертицкий К. И. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. М., 1994.

Ян Юнья, Митрофанова И.И. Концепт «честь» в русской и китайской лингвокультурах // Litera. 2023. № 2. С. 125—137.

А.В. Пиковер
ИКСА РАН

**МЕЖДУ СИМВОЛОМ И СМЫСЛОМ:
ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ УШУ
НА ПРИМЕРЕ ТАЙЦЗИ**

Аннотация. В статье рассматривается соотношение знаково-символической информации и внутреннего наполнения в традиционном ушу на примере одной из так называемых внутренних школ — тайцзигун, более известной как тайцзицюань. Прослеживается история проникновения данного учения и базового понятийного аппарата в русскоязычное социокультурное пространство. Исследование опирается на сочетание владения автором, с одной стороны, инструментарием классического европейского когнитивного аппарата и, с другой стороны, на основе архаично-традиционного китайского синкретического когнитивного аппарата.

Ключевые слова: Китай, традиция, знание, информация, традиционное ушу, тайцзи, ассоциативно-индуктивный метод.

Alexander V. Pikover
ICCA RAS

Between symbol and meaning: the transfer of knowledge in traditional Wushu by the example of Tai chi

Abstract. The article examines the correlation of symbolic information and inner content in traditional Wushu on the example of one of the so-called inner schools — Taijigong, better known as Taijiquan. The history of the penetration of this teaching and the basic conceptual apparatus into the Russian-speaking socio-cultural space is traced. The research is based on a combination of the author's mastery of the tools of the classical European cognitive apparatus on the one hand and, on the other hand, on the basis of the archaic-traditional Chinese syncretic cognitive apparatus.

Keywords: China, tradition, knowledge, information, traditional Wushu, Tai chi, associative-inductive method.

В наступившее время господства цифровых технологий и киберсетей информационное пространство оказалось переполнено текстовым и мультимедийным контентом на самые различные темы, включая традиционное ушу и, в частности, тайцзи. Огромное количество самой разноплановой и разноуровневой информации хлынуло в информационные сети и стало доступно всем желающим. Разумеется, в этой связи информационное про-

странство оказалось массово засоренным сомнительным и зачастую откровенно мусорным контентом. Однако ситуация оказалась значительно сложнее, так как выяснилось, что, как и с «заветными» текстами, любая информация оказывается в лучшем случае подсказкой, шпаргалкой, схемой, но не сутью того, что хочет освоить адепт. Особенно когда это касается телесно ориентированных и психофизических практик.

Соответственно весь этот информационный поток оказался неспособным помочь в реальном внутреннем понимании и наполнении того, с чем он знакомил читателей и зрителей. Это стимулировало споры об истинных текстах, о правильности и неправильности их переводов и понимания, о сокровенном знании, передаваемом мастерами только избранным «внутренним» ученикам.

Для того, чтобы понять реальные причины, по которым произошло и происходит искажение информации и затруднения в получении и освоении реального знания в тайцзи, нужно также иметь в виду, что то тайцзи, которое дошло до широкой публики вне Китая, как и в самом Китае, весьма отличается от реального тайцзи. И прежде всего следует понимать, что традиционный тайцзицюань никогда не был массовым. Это была практика очень узкой группы монахов, военных и гражданских лиц. Массовым же тайцзицюань начал становиться лишь после синьхайской революции, на фоне подъема интереса к гошу и, главным образом, после 1949 года, когда КПК реально озаботилась превращением Китая из «мирового больного» в мощную современную державу, в связи с чем в стране начали активно развивать массовую физкультуру и на основе тайцзи, в частности, были разработаны популярные гимнастические комплексы.

Возвращаясь в знаковой передаче в целом, следует признать, что за знаком или символом может стоять, по сути, в основном только информация. Знание же содержится в символах в виде отпечатка: неразвернуто, непередаваемо, невыпукло, неосвязаемо, неявно и требует верного понимания и толкования.

Казалось бы, в эпоху цифровых технологий, которые мощным цунами выбрасывают из самых разнообразных повторяющихся и подверженных алгоритмизации процессов исполнителя-человека, значение и место знания резко сузилось. Однако реальная практика — и в том числе реальная практика внутренних школ ушу — показывает, что знание по-прежнему требует своего живого носителя, обладающего глубинным пониманием.

Библиографический список

Малявин В.В. Тайцзицюань: Классические тексты. Принципы. Мастерство. М.: Кнорус, 2011.

Пиковер А.В. Специфика внутренних школ ушу на примере традиционного тайцзи // Тезисы докладов Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура». М.: ИКСА РАН, 2022.

“老子。大学。中庸”。昆明大学出版社，2004 (Лао Цзы. Дасюэ. Чжунъюн. Издательство Куньминского ун-та, 2004).

“千思白问太极拳”/高壮飞、若水，北京，海关出版社，2005. («Тысяча мыслей и сто вопросов о тайцзи». Гао Чжуанфэй, Жошуй, Пекин, Таможенное издательство, 2005).

“太极功同门录。续编 (吴氏太极拳门人谱)”2013 年三月 北京 («Соученики тайцзигун. Продолженное издание (Список адептов тайцзицюань семьи У»)). Пекин, 2013.

К.М. Писцов
ИВ РАН

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА О ПРИДВОРНОМ ТЕАТРЕ КОНЦА ЭПОХИ МИН

Аннотация. В отечественной исследовательской литературе упоминания о театральных постановках в императорском дворце в эпоху Мин (1368—1644) носят отрывочный и краткий характер. Цель данной работы — рассмотреть описание подобных представлений, оставленное очевидцем — придворным евнухом Лю Жоюем (1584—?).

Лю Жоюй сообщает, что театральные постановки при императорском дворе разыгрывались преимущественно евнухами из Приказа Колоколов и Барабанов, ведавшего музыкой. Значительное внимание автор уделяет представлениям водяного кукольного театра, организуемым Приказом в жаркие летние дни. Характеризуя репертуар кукольных спектаклей, Лю Жоюй перечисляет сцены из исторических и фантастических повествований («Троецарствие», «Путешествие на Запад» и т. д.). Кроме того, мемуарист отмечает, что по инициативе членов императорской семьи создавались особые театральные труппы численностью по 200—300 актеров. Театральный реквизит не был бутафорским, актеры использовали дорогие одеяния, иногда в представлении участвовали животные.

Мемуары Лю Жоюя свидетельствуют о понимании идейно-воспитательного воздействия искусства на человека.

Знакомство с соответствующим разделом книги Лю Жоюя, позволяет «из первых рук» получить представление о придворном театре конца эпохи Мин, включая организационные формы и репертуар.

Ключевые слова: придворный театр, эпоха Мин, Лю Жоюй.

Konstantin M. Pistsov
IOS RAS

Eyewitness account of the Late Ming court theater

Abstract. In modern research literature references to theatrical performances in the imperial palace in Ming era are fragmentary and vivid. The aim of this work — to consider the description of such performances left by an eyewitness — a court eunuch Liu Ruoyu.

Liu Ruoyu reports that theatrical performances were played mainly by eunuchs of Office of Bell and Drums, which was in charge of music. The author pays significant attention to the water puppet theater performances, organized by the Office in hot summer days. Characterizing the repertoire of puppet shows, Liu Ruoyu lists scenes from historical and fantastic narratives (“Romance of the Three

Kingdoms”, “Journey to the West” and so on). In addition, the memoirist notes, that on the initiative of the imperial family members, special theater troupes of 200—300 actors were created. Theater props were not fake, actors used expensive robes, sometimes animals participated in the performance. Liu’s memoirs testify to the understanding of the ideological and educational impact of art on a person. Familiarity with the relevant section of Liu Ruoyu’s book allows us to get a “first-hand” idea of the court theater of the late Ming era, including organizational forms and repertoire.

Keywords: court theatrical, Ming dynasty, Liu Ruoyu.

В отечественной исследовательской литературе упоминания о театральных постановках в императорском дворце в эпоху Мин (1368—1644) носят отрывочный и краткий характер.

Поэтому представляется целесообразным рассмотреть описание подобных представлений, выполненное очевидцем.

Придворный евнух Лю Жоюй (1584—?) после долгой службы попал в опалу и оказался в тюрьме, где написал мемуары, отразившие и современные автору крупные политические события, и бытовые аспекты жизни императорского двора конца эпохи Мин.

Театральные представления при дворе обычно находились в ведении Приказа Колоколов и Барабанов, укомплектованного евнухами и обеспечивавшего музыкальное сопровождение торжественных мероприятий.

В период осенней страды персонал Приказа разыгрывал сценки из сельской жизни, ставил пьесы *цзацзюй*, также давались представления *гоцзинь*, отличавшиеся жанровым разнообразием и большим числом участников [刘若愚 1982, 39].

Лю Жоюй подробно описывает представления водяного кукольного театра, организуемые Приказом Колоколов и Барабанов в жаркие летние дни. Актеры управляли куклами из-за складной кисейной ширмы, а сценой служила наполненная водой прямоугольная емкость. Репертуар составляли сцены из исторических и фантастических повествований «Троецарствие», «Путешествие на Запад», «Восемь бессмертных переправляются через море» и «Тай-цзянь Сань бао (евнух-флотоводец XV в. Чжэн Хэ. — К.П.) отправляется в Западный Океан».

Интересно, что вдовствующая императрица Ли организовала придворную театральную труппу из 200 с лишним человек, исполнявшую дворцовые и «внешние» (то есть имевшие хождение за пределами двора. — К.П.) пьесы, например, пьесу «Хуа Юэ жалуется нефритовое кольцо», принадлежавшую, по-видимому, к южной разновидности китайской драмы. Император Шэнь-цзун (1572—1620), следуя по стопам матери, учредил труппу «Юйси гун» («Дворец нефритового блеска») из 300 с лишним актеров. Лю Жоюй специально отмечает, что последние два учреждения

не относились к Приказу Колоколов и Барабанов, а являлись чем-то вроде временной дани моде [刘若愚 1982, 41].

Мемуарист уделяет внимание зрительскому восприятию театральных представлений — юный император Шэнь-цзун надолго задумывается над прозвучавшей со сцены фразой; всеильный временщик Вэй Чжунсянь (1568—1627) покидает зал, услышав обличения в адрес коварного министра эпохи Сун (960—1279) Цинь Гуя [刘若愚 1982, 40, 41]. Данные эпизоды свидетельствуют о том, что для Лю Жоюя, как и для многих его современников [Серова 1990, 232, 235], было очевидным идейно-воспитательное воздействие искусства на человека.

Реквизит театральных представлений не был бутафорским. Когда в 1627 году пал Вэй Чжунсянь, его имущество было конфисковано, и роскошные одеяния из его гардероба использовались в Приказе Колокола и Барабана для представлений [刘若愚 1982, 68]. Во время водяных кукольных спектаклей в емкость с водой напускали живых рыб и ракообразных [刘若愚 1982, 40]. Подобный натурализм едва ли являлся специфической чертой только придворного театра — известно о провинциальных театральных постановках, в которых использовались дорогие костюмы и были задействованы сотни лошадей [Серова 1990, 229]. Чрезвычайно высокая стоимость сценических костюмов была характерна и для европейских театров XVII века [Гудман 2021, 294—295; Силюнас 2000, 23—25].

Информация, почерпнутая из мемуаров Лю Жоюя, позволяет «из первых рук» получить общее представление о придворном театре конца эпохи Мин, включая организационные формы и репертуар.

Библиографический список

Гудман Р. Как жить в эпоху Тюдоров. М.: КоЛибри, 2021.

Серова С.А. Китайский театр и традиционное китайское общество (XVI—XVII вв.). М.: Наука, 1990.

Силюнас В. Стиль жизни и стили искусства. СПб., 2000.

Лю Жоюй 刘若愚: 明宫史 [Лю Жоюй. История Минских дворцов]// 刘若愚. 明宫史; 高士奇.金鳌退食笔记. — 北京: 北京古籍出版社, 1982, 第 1—109 页。

Пушкарская Н.В.
ИКСА РАН

ШКОЛА ЦЫ СЫ 子思 и МЭН-ЦЫ 孟子 СЫ МЭН СЮЭПАЙ 思孟学派 и ТЕКСТ «У СИН» «五行»

Аннотация. В докладе рассматривается философская школа Цзы Сы 子思 и Мэн-цзы 孟子 Сы Мэн сюэпай 思孟学派, время деятельности которой относят к эпохе до начала династии Цинь 秦 (221—207 гг. до н.э.). Эта школа стала известна благодаря Сюнь-цзы 荀子, который критиковал Цзы Сы и Мэн-цзы за их учение о пяти стихиях 五行 у син. Долгое время многие ученые подвергали сомнению существование Сы Мэн сюэпай 思孟学派 как единого философского направления, не находя этому достаточно текстуальных подтверждений. Однако во время археологических раскопок, проведенных в 1972—1974 гг. в месте под названием Мавандуй 马王堆 и в 1993 году в поселении Годянь 郭店, была обнаружена рукопись под названием «У син» «五行», позволившая решить загадку учения о пяти стихиях школы Цзы Сы 子思 и Мэн-цзы 孟子.

Ключевые слова: Сы Мэн сюэпай, Годянь, Мавандуй, «У син», учение о пяти стихиях.

Natalia V. Pushkarskaia
ICCA RAS

The school of Zi Si 子思 and Meng-zi 孟子 Si Meng xuepai 思孟学派 and the text «Wu xing» «五行»

Abstract. The report examines the philosophical school of Zi Si 子思 and Meng-zi 孟子 Si Meng xuepai 思孟学派, the time of activity of which is attributed to the era before the beginning of the Qin Dynasty 秦 (221—207 BC). This school became known due to Xun-zi 荀子, who criticized Zi Si and Meng-zi for their teaching about the wu xing 五行. For a long time, many scientists have questioned the existence of Si Meng xuepai as a single philosophical trend, not finding enough textual evidence for this. However, during archaeological excavations carried out in 1972—1974 in the place called Mavandui and in 1993 in the settlement of Guodian, a manuscript was discovered called «Wu xing» «五行», which allowed solving the wu xing 五行 teaching's riddle of the school of Zi Si and Meng-zi.

Keywords: Si Meng xuepai, Guodian, Mavandui, «Wu xing», teaching about the wu xing.

В качестве одного из источников учения о пяти стихиях у син 五行 принято упоминать идеи философского направления Цзы Мэн сюэпай 思孟学派, школы Цзысы 子思 и Мэн-цзы 孟子.

К сожалению, труды мыслителя Цзысы 子思 (ок. 483—402 гг. до н.э.) сохранились лишь частично. Упоминаемые в «Хань шу» «汉书» «Книге династии Хань» и «Суй шу» «隋书» «Книге династии Суй» тексты под названием «Цзысы-цзы» «子思子» утеряны. Вполне вероятно, что именно их части вошли в состав сборника «Ли цзи» «礼记» «Записки о ритуале» в виде глав: «Чжун юн» «中庸» «Учение о срединном и неизменном», «Бяо цзи» «表记» «Записки об образце», «Фан цзи» «坊记» «Записки о дамбах», «Цзы и» «缙衣» «Черные одежды» [Tsai C. F. 2014, 119—138]

Следует отметить, что ни в одном из вышеперечисленных текстов, относимых к Цзы Сы, не обнаруживается систематического изложения учения о пяти стихиях у син 五行. Поэтому долгое время ученые не могли объяснить отрывок из одноименного сочинения Сюнь-цзы 荀子 (ок. 313 г. до н.э. — 238 г. до н.э.), где в главе «Фэй шиар цзы» «非十二子» «Против двенадцати мыслителей» [非十二子] он критикует Цзы Сы и Мэн-цзы за то, что они искажают учение о пяти стихиях. Он сетует на то, что протородное конфуцианство приняло это учение и стало распространять его как выражающее истинный дух Конфуция (551—479 гг. до н.э.) и Цзы Ю (ок. 506—443 гг. до н.э., мыслитель периода Чунь Цю 春秋 (770—476 гг. до н.э.), один из лучших учеников Конфуция) [谢耀亭 2013, 40—46]: «...ссылаясь на прошлое, [они] создают [свое] учение и называют его [учением] о пяти стихиях... Цзы-сы выдвинул это учение, Мэн Кэ на все лады кричит о нем» [Феоктистов].

Именно этот отрывок из Сюнь-цзы дал основание исследователям предполагать существование текстов Цзы Сы, содержащих его вариант учения о пяти стихиях, и именно здесь Цзы Сы и Мэн-цзы упоминаются вместе, как представители одного философского течения, что в дальнейшем послужило поводом для их объединения в Сы Мэн сюэпай 思孟学派 (школу Цзы Сы и Мэн-цзы).

Когда были обнаружены мавандуйский [湖南省博物馆 2014] и гоньянский [荆门市博物馆 1998] варианты рукописи «У Син» «五行», исследователи, сопоставив их содержание и примерное время создания, поняли, что перед ними один и тот же текст (с небольшими различиями), с большой долей вероятности написанный самим Цзы Сы или его учениками, в котором изложено то самое учение, которое критиковал Сюнь-цзы [Tsai C. F. 2014, 119—138]. Одним из первых исследователей текста «У син» в Китае стал историк культуры и философии Пан Пу 庞朴 (1928—2015) [庞朴 1977, 63—69], [庞朴 1988, 5—17).

Что касается Мэн-цзы, то объединение его с Цзы Сы в одну философскую школу всегда было предметом спора. Однако есть вероятность, что авторство «Комментария» «Шо» «说» мавандуйского текста «У син» принадлежит Мэн-цзы [梁涛 2008, 208]. Кроме того, исследование текста «Мэн-цзы» [Mengzi] демонстрирует нам, что основной связующей нитью

для философии Цзы Сы и Мэн-цзы служит развитие ими идеи пяти образцов поведения. Помимо учения об у син, преемственными концепциями можно считать внутреннюю природу нравственного самосовершенствования и, согласно Пан Пу, противопоставление и взаимосвязь физической природы человека 性 син и предназначения Небес 命 мин [庞朴 1998, 88—95].

Библиографический список

Феоктистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/1/Drvnkit_fil/text13.php#14 (дата обращения: 20.03.2023).

Mengzi 孟子 / trans. by J. Legg. Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/mengzi> (accessed: 26.03.2023).

Tsai C. F. Zisi and the Thought of Zisi and Mencius School // Dao Companion to Classical Confucian Philosophy. Dordrecht: Springer, 2014. P. 119—138.

非十二子 [Против двенадцати мыслителей] // 荀子 [Сюнь-цзы]. URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/bookv_46653FD803893E4F4B67778F2BF9E04F.aspx (accessed: 28.03.2023).

梁涛: 郭店竹简与思孟学派 [Лян Тао. Бамбуковые дощечки из Годяня и школы Цзы Сы и Мэн-цзы]. Бэйцзин 北京: 中国人民大学出版社, 2008. 560 页.

庞朴: 马王堆帛书解开了思孟五行说之谜——帛书《老子》甲本卷后古佚书之一的初步研究 [Пан Пу. Книга на шелке из Мавандуя раскрыла тайну учения о пяти стихиях школы Цзы Сы и Мэн-цзы: предварительное исследование одного из древних утерянных текстов, найденного в приложении к книге на шелке «Лао-цзы» версии А] // 文物. 1977, 第 10 期, 第 63—69 页.

庞朴: 《五行篇》评述 [Пан Пу. Обзор текста «У син»] // 文史哲. 1988, 第 1 期, 第 5—17 页.

谢耀亭: 思孟学派考辨 [Се Яотин. Критическое исследование философской школы Сы Мэн] // 史学集刊. 2013, 第 2 期, 第 40—46 页.

庞朴: 孔孟之间: 郭店楚简的思想史地位 [Пан Пу. Между Конфуцием и Мэн-цзы: место бамбуковых дощечек из Годяня в истории мысли] // 中国社会科学. 1998, 第 5 期, 第 88—95 页.

荆门市博物馆: 郭店楚墓竹简 [Музей города Цзинмэн. Годяньские бамбуковые дощечки из чуских захоронений]. 北京: 文物出版社, 1998. 230 页.

湖南省博物馆: 长沙马王堆汉墓简帛集成 (肆) [Музей провинции Хунань. Полное собрание текстов на бамбуке и шелке из ханьских захоронений в Мавандуе городского округа Чанша (четвертый том)]. 北京: 中华书局, 2014. 288 页.

彭玉海 Пэн Юйхай
四川大学

动词概念隐喻语义—句法考察*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ — ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИСА

摘要: 本文旨在考察俄语动词概念隐喻衍生语义的句法映射问题, 重点分析动词隐喻语义变化同句法行为的关联以及随之所发生的相应一系列变化, 这些变化同动词支配模式、题元次语义属性、搭配性能、句法—词汇转换、语用特点以及词汇肖像等方面——亦即莫斯科语义学派所称的内部句法组织、广义形式特征之间都有联系。该研究将为俄语动词概念隐喻和语义句法的深入研究提供新的理论视角和分析方法、手段。

关键词: 动词概念隐喻; 语义衍生; 语义—句法考察

Peng Yuhai
Sichuan University

Semantic-Syntactical Investigation of Conceptual Metaphor of Verbs

Abstract. The purpose of this article is to investigate the syntactical mapping of the semantics derived from the conceptual metaphor of Russian verbs, and to focus on analyzing the relevance between the semantic changes of verb metaphors and the syntactical behavior and the corresponding series of changes that follow. These changes are related to the verb government model, the semantic attributes of the actant, the collocation performance, the syntactical-lexical transformation, the pragmatic characteristics, and the lexical portrait, that is, the internal syntactical organization and generalized formal features called by the *Moscow Semantic School*. This research will provide a new theoretical perspective, analytical methods and means for the in-depth study of Russian verb's conceptual metaphor and semantic syntax.

Keywords: conceptual metaphor of verbs; semantic derivation; semantics-syntax investigation.

* **基金项目:** 国家社科基金项目“俄语动词概念隐喻的文化认知研究”(批准号: 19BYY209)。

1. 动词概念隐喻语义—句法问题

概念隐喻本身是“连接不同认知语域的图式”[孙毅 2021, 15]和认知模式,它同人类认知思维的经验性、结构性、系统性和联动(想象)性密不可分,从概念结构层面反映“人类身体经验和社会经验的结构化性质”[张凤、高航 2001, 35]。其核心思想是认知体认、象似性和概念、意象及其映射,即通过具身体认和心理象似及动作物质经验和心理感知的图示化、概念化,在不同概念语域之间建立起心理意象上的联结,从而借此喻比、传递新的概念结构内容和功能、语义。因此,俄语动词概念隐喻是基于认知体验和心理映射所形成的动作源域同动作目标域之间的概念化、系统化意象图式映射,一方面是“以身体经验为基础的概念映射”,[Lakoff & Johnson 1999, 236; 孙毅、王媛 2021, 138]另一方面在相关社会文化因素的参与下,也是基于语言文化认知框架及其成素之间的系统映射。

作为人类思维、判断和观念活动的基本语言认知方式,“隐喻是多义的源泉”[Арутюнова 1999, 365; 罗洛 2004, IV],概念隐喻本身是语义衍生的原动力,其认知表征功能由心智构建延伸到了人的思想表现和语义组织构建。动词概念隐喻同它的语义变化体系密不可分,并且从认知方面不断推动语言发展、变化,俄语动词概念隐喻衍生的语义就是动词内容单位在使用过程中受认知因素影响而产生相应语义变异的结果,进而动词语义变化会促发其形式句法特征的相应变化,形成动词概念隐喻构式的特殊语义句法投射关系和界面关系。以下先对动词隐喻语义衍变的句法搭配和广义形式特征加以分析和描写,同时构建起动词概念隐喻语义—句法分析模式。

2. 语义—句法分析策略

本文提出由6个方面即支配模式、题元次语义属性、搭配性能、句法转换、语用特点以及词汇肖像内容所构成的动词概念隐喻语义—句法分析范式:

1) 支配模式通过句法题元和语义配价对应关系直观地体现动词(词位)组合性能和搭配关系、搭配范围。

2) 题元次语义属性指动词题元名词所具有的范畴语义属性, 表现题元角色成分是由哪一类基本概念语义范畴即词汇—语法类别的体词性成分充当。

3) 搭配性能指出动词的各种兼容共现特征和潜在语义—句法扩展方式, 通过动词可以接受和不能接受的扩展成分来区分和验证动词词位语义特点。

4) 句法—词汇转换分析动词具有的同义转换、逆向转换形式乃至词汇转换形式, 描写这些聚合形式特征之间的细微语义差别。这一转换方式符合 Ю. Д. Апресян 所倡导的“句子精确和不精确的转换手段”思想 [Апресян 2009, 243]。

5) 语用特点分析动词词位所具有的同说话人对话语内容、事件参与者和交际对象所持的认识、态度、情感等主观情态意义, 以及话语所产生的同词位有关的附加意义——“词汇单位使用时所关联的周围现实状况信息”[Иорданская, Мельчук 2007, 29]。

6) 词汇肖像指出动词可能有的同义词与近义词、相关词或相似词、反义词、衍生词、转换词以及相关熟语表达、熟语性同义词等。

3. “情感行为” 隐喻义位语义—句法考察

篇幅原因, 本文只以俄语动词 *есть* 转表情感行为的概念隐喻所相关的语义句法特征加以分析。该动词新的义位是基于概念、意象映射和相应认知操作所得来的动词概念隐喻语义。

俄语动词 *есть* (吃) 经过物理动作典型特征的认知凸显和具身经验的心理映射, 字面上的物质方式行为被映现为字面外的抽象情感方式行为, 形成以“身体”行为框架组织和理解“非身体”行为的概念化隐喻, 进而衍生出“(情感、情绪、心绪、想法) 折磨……”这一隐喻语义: *Ее сердце ест зеленая тоска; Разлука их обоих съела.* 而其句法行为发生的相应变化如下:

该概念隐喻义位中, 动词支配模式为 $N_1 V_f N_4$, 主体题元角色由施事变异为情感诱因, 并且形成诱因与行事的题元重合, 题元次语义属性由表人名词变化为抽象(情感义)名词, 而客体题元角色由受事变化为情感主体与受感者的题元重合, 并由此表现典型的“客体事件”[Арутюнова

2002, 125; Васильев 1981, 99], 题元次语义属性既可以是“人”, 也可以用人体部位名词进行“转喻”。搭配性能方面主要表现为: 原有工具语、方式语、品评语、处所语在此变异为“负面形式兼容语”, 而原来无法搭配的程度语在此变得合理、可正常搭配使用。动词句子转换方面, 很难进行相应的纯语法性质同义结构句法转换, 原有的被动句型逆向转换在此也无法成立——总体上表现出“负面形式句法—词汇转换”的特点。交际—情态和语用特点方面, 由原来的情感中立特征变异为表达说话人主体、当事人主体对这一情感状态的不满、无奈和苦闷, 因而该隐喻义位具有鲜明的情态—语用特征和附加伴随意义。词汇肖像方面, *есть* 这一概念隐喻义位拥有大量同义词和近义词词汇方式和手段。例如: *сосать, терзать, угрызать, грызть, рвать, разнимать, охватывать, овладевать, брать, нападать, сжать, душить, давить, разрывать, глодать, сглодать, пожирать, сжирать, отхватить, снедать, сжимать, туманить, подмять, преследовать, гнести* 等。

4. 结语

研究表明, 俄语动词概念隐喻的认知语义衍变所产生的不同义位同句法形式特征之间的语义—句法界面关系显示出动词隐喻义变所关联的相应形式特征极为丰富, 这些广义形式句法区分性能从配价结构、语义角色、题元次语义属性、句法搭配、兼容扩展、句法转换、词汇肖像乃至交际、语用、情态等方面地对动词概念隐喻语义特征进行精微、细致的描写和刻画, 而这反映的正是“语义决定句法, 通过句法考察语义”的语言集成描写和新描写主义思想, 十分有益于语义微观层次精细化研究的落实和深入开展。

参考文献

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: УРСС, 2002.
Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Наука, 1981.
Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007.

Lakoff G. & Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. —New York: Basic Books, 1999.

罗洛：情感隐喻“悲”的概念化——英汉对比研究 [*Luoluo. The Conceptualization of the Emotional Metaphor “Sadness”—A Comparative Study between English and Chinese*]. —重庆：西南师范大学，2004.

孙毅：再议当代隐喻学在中国 (2014—2018) [*Sunyi. A Rediscussion on Contemporary Metaphorology in China (2014—2018)*]/《外语与外语教学》。2020 3 期，第 50—55 页。

孙毅，王媛：隐喻认知的具身性及文化过滤性 [*Sunyi, Wangyuan. The Dual Structure of Embodied-Cultural Effects on Metaphorical Cognition*]/《深圳大学学报(人文社会科学版)》。2021 3 期，第 136—143 页。

张凤，高航：语义研究中的认知观 [*Zhangfeng, Gaohang. Cognitive View in Semantic Research*]/《中国俄语教学》。2001 1 期，第 33—41 页。

И.Н. Рябухин

Амурский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «КАМЕННОГО КАНОНА [ЭПОХИ] КАЙЧЭН»

Аннотация. В начале II в. всё более активно стали проявляться признаки кризиса правящей династии Восточная Хань 東漢 (*Дун Хань*) (25—220), процветала коррупция, которая, в частности, позволяла нечестным на руку людям с легкостью проникнуть в чиновничьи круги путем незаконной корректировки лаковых книг (漆書 *цзшу*) в целях успешной сдачи экзаменов. За решение этой проблемы взялся известный ученый и литератор Цай Юн 蔡邕 (132—192). Так был создан «Каменный канон [эпохи] Сипин» (熹平石經 *Сипин шицзин*), унифицировавший шесть наиболее значимых конфуцианских канонов.

Подобно упомянутым событиям конца Хань, последние годы правления династии Тан 唐 (618—907) также характеризовались нестабильностью внутри страны, при дворе и на местах вновь заметными стали признаки династийного кризиса. В ученых кругах возникали разногласия по вопросу достоверности тех или иных текстов конфуцианского канона. По этой причине в 830 г. по инициативе Чжэнь Тяня 鄭覃 (?—842) было положено начало созданию нового, более объемного каменного канона, который, как полагалось, должен был развеять хаос в ученых кругах, и, как следствие, стабилизировать политическую обстановку.

В работе освещены причины создания «Каменного канона [эпохи] Кайчэн» (開成石經 *Кайчэн шицзин*), история этого процесса, а также отмечена значимость и некоторые закономерности появления первых каменных канонов.

Ключевые слова: каменный канон, Чжэнь Тянь, конфуцианство.

Igor N. Riabukhin

Amur State University

On the subject of the causes and history of the creation of “Stone canon of Kaicheng [era]”

Abstract. At the beginning of the II century the ruling dynasty of the Eastern Han 東漢 (25—220) began to show its signs of the crisis, corruption flourished, which, in particular, allowed dishonest people to easily get into official circles by illegally revising lacquer books (漆書 *qishu*) in order to successfully pass the exams. The well-known scientist and writer Cai Yong 蔡邕 (132—192) took up on the solution of this problem. Thus the “Stone Canon of Xiping [era]” (熹平石經 *Xiping shijing*) was created, unifying the six most significant Confucian canons.

Like the events of the later Han mentioned above, the last years of the Tang dynasty 唐 (618—907) were also characterized by instability within the country, with signs of a dynastic crisis once again becoming visible at court and locally. Disagreements arose in scholarly circles over the authenticity of certain texts of the Confucian canon. For this reason, in 830, at the initiative of Zhen Tan 鄭覃 (?—842) the preparation of a new, more voluminous stone canon was initiated, which was supposed to dispel chaos in scholarly circles and, as a result, stabilize the political situation.

The paper highlights the reasons for the creation of the “Stone canon of Kaicheng [era]” (開成石經 *Kaicheng shijing*), the history of this process, the significance and patterns of the appearance of the first stone canons.

Keywords: stone canon, Zhen Tan, Confucianism.

В 830 г. заместитель министра общественных работ (工部侍郎 *гунбу шилан*) Чжэнь Тань обратился к императору Вэнь-цзуну 唐文宗 (период правления: 827—840, личное имя — Ли Ан 李昂, 809—840) со следующей просьбой:

經籍訛謬，博士相沿，難為改正。請召宿儒奧學，校定六籍，準後漢故事，勒石於太學，永代作則，以正其闕 [Старая история династии Тан, цз. 173, 84].

«Канонические книги [наполнены] ошибками, эрудиты-*боши* [передают их] от поколения к поколению, [что] затрудняет исправление [текстов]. Прошу [Вас] привлечь маститых конфуцианцев с глубокими знаниями к корректировке шестикнижия, [чтобы] вслед за поздниханьским примером (речь идет о создании каменного канона при Восточной Хань. — *И.Р.*) выгравировать [каноны] на камне в академии Тайсюэ [и] навеки придать [им] нормативный [характер], восполнив пропуски».

Император Вэнь-цзун высоко ценил Чжэнь Тяня, потому не противился его предложениям. Через некоторое время знатоки канонов (*минцзин* 明經) Ай Цзюй-хуэй 艾居晦 (VIII—IX в.), Чэнь Цзе 陳玠 (VIII—IX в.) и другие получили приказ выгравировать Девятиканоние (*цзюцзин* 九經 *Цзюцзин*; термин не соответствует истине, на самом деле было двенадцать канонов, в 1664 г. был добавлен тринадцатый — *Мэн-цзы*) на каменных стелах [Записки, цз. 5, 5—6].

Цель была достигнута только через семь лет. В 837 г. Чжэнь Тань, уже будучи канцлером (宰相 *цзайсян*) и главой Академии сынов отечества (國子祭酒 *Гоцзы цзюцзю*), предоставил императору текст «Девятиканония на каменных стелах» (石壁九經 *шиби цзюцзин*) в 160 *цзюанях*, выгравированный на двух сторонах 114 стел (общий объем более 650 тыс. иероглифов). Следуя примеру создателя «Каменного канона [эпохи] Си-пин» Цай Юна, Чжэнь Тань испрашивал разрешения на размещение стел на территории академии Тайсюэ 太學. Император дал согласие и приказал знаменитому каллиграфу Тан Сюань-ду 唐玄度 (VIII—IX в.) вновь

сверить все знаки. Согласно записям «Старой истории [династии] Тан» (舊唐書 *Цзю Тан шу*), приходим к выводу, что Тан Сюань-ду недобросовестно выполнил поставленную перед ним задачу, вследствие чего на протяжении десятков лет конфуцианцы не могли вникнуть в текст, поскольку считали его крайне запутанным [Старая история династии Тан, 17 цз, 99—101]. Слова автора династийной истории Тан — Лю Сюй 劉昫 (887—946) — подтверждает философ, историк Гу Янь-у 顧炎武 (1613—1682) [Записки, цз. 5, 5—6]. Впоследствии стелы были перевезены в Чаньань в Академию сынов отечества (國子監 *Гоцзыцзянь*). В настоящее время хранятся в сианьском музее Бэйлинь.

Таким образом, несмотря на то, что в тексте сохранились некоторые ошибки, создание каменного канона всё же имело большое историческое значение: на нем было унифицировано двенадцать важнейших конфуцианских канонов, что, во-первых, оберегало тексты от попыток исказить их смысл, тем самым резко сокращая возможности коррупционных манипуляций, во-вторых, помогало молодым ученым, не имевшим доступ к дефицитным книгам, в подготовке к экзаменам *кэцзюй* 科舉. В истории каменных канонов эпох Сипин и Кайчэн можно проследить некую закономерность — все они создавались во времена династийного кризиса, что в целом отражает традиционный китайский подход к решению глобальных проблем — обращение к конфуцианству, как к источнику благополучного бытия и легитимного правления.

Библиографический список

金石文字記 [Записки о письменах на металле и камне]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=758836> (дата обращения: 27.03.2023).

舊唐書 [Старая история династии Тан]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=456206> (дата обращения: 27.03.2023).

М.В. Семенюк

ИСАА МГУ имени Ломоносова

«СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ СУНЬ ГАНЬЛУ: ЛИТЕРАТУРА О ЛИТЕРАТУРЕ»

Аннотация. В докладе дается характеристика творчества современного китайского писателя-авангардиста Сунь Ганьлу. Ключевой темой его прозы является изображение литературного творчества. Для автора характерна литературная рефлексия процесса создания произведения, его сюжета и персонажей, а также изображение мира книги как обособленного пространства, существующего по своим законам.

Ключевые слова: современная китайская литература, Сунь Ганьлу, китайский авангард.

Maria V. Semenyuk

Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

“Contemporary Chinese writer Sun Ganlu: literature about literature”

Abstract. This report focuses on the work of the modern Chinese avant-garde writer Sun Ganlu. The key theme of his prose is literary creation. Author reflects the process of creating a literary work, its plot and characters. According to the laws of Sun Ganlu’s prose, the writer’s work creates a separate, autonomous space that ignores the laws of the outer world.

Keywords: contemporary Chinese literature, Sun Ganlu, Chinese avant-garde.

Современный китайский писатель Сунь Ганьлу 孙甘露 (1959 г.р.) — один из видных представителей китайского «авангарда». Его самые известные произведения — повести «Путешествие в страну снов» («访问梦境» *Фанвэнь мэньцзин*) и «Письмо посольного» («信使之函» *Синьши чжи хань*), а также роман «Горы и воды на тысячу ли» («千里江山图» *Цяньли цзяншаньту*), который в 2021 году вошел в список «Ключевых произведений современной литературы» Союза писателей Китая. Критики называют произведения Сунь Ганьлу «чистой лирикой в прозе, наслаждением от постмодернистской языковой игры», но отмечают «размытость персонажей и сюжета» [陈晓明 2004, 134]. До недавнего времени лишь один рассказ Сунь Ганьлу был переведен на русский язык. Однако в 2022 году на русском языке вышел целый сборник рассказов и повестей Сунь Ганьлу «Думы циньской девы», в который вошло пять его наиболее репрезентативных произведений [Сунь Ганьлу, 2022].

Ключевой темой произведений этого автора является собственно литературное творчество [郭春林 2014, 290]. В своих произведениях он почти всегда непосредственно изображает процесс создания литературного произведения, рассуждает о природе таланта писателя и источниках вдохновения, размышляет об истоках сюжета и возможных вариантах его развития и концовки, нередко использует прием «романа в романе». Но чаще всего Сунь Ганьлу идет дальше: в его тексте мир книги порой становится настолько реальным, что герои могут попасть на его страницы и пропасть. А иногда написание романа становится главным двигателем сюжета, и герои рассказа, которые его сочиняют, неожиданно для себя становятся также персонажами этого еще не написанного произведения.

Так в рассказе «Попросим женщин отгадать загадку» («请女人猜谜» *Цин ньюйжэнь цайми*) общение главных героев строится вокруг несуществующего романа «Наблюдение за утекающим временем», который один из героев еще пишет, а другой — уже прочел. При этом сам рассказ поделен на главы, обозначенные подзаголовками, которые тоже иллюстрируют процесс литературного творчества рассказчика: «Лето и литературное творчество», «Побочная ветка сюжета», «Небольшая вставка».

В рассказе «Как будто» («仿佛» *Фанфу*) главный герой Аман пропадает из условно «реального мира», и оказывается на страницах книги вымышленного писателя Тао Ле «Край рисового вина». Другая героиня, Манман, обнаруживает раскрытую книгу в пустой комнате Амана и снаряжает целую экспедицию, которая тоже должна проникнуть внутрь книги и найти там главного героя. Но и экспедиция, и все герои в итоге оказываются в ловушке.

В повести «Письмо посыльного» герой постоянно сочиняет литературное послание загадочному адресату, попутно пытаясь дать жанру определение: в рассказе более 30 различных предложений, которые начинаются со слов «Письмо — это...»

А в рассказе «Думы циньской девы» («忆秦娥» *И циньэ*) отношения юного рассказчика и Су как раз строятся вокруг того, что первый мечтает стать писателем и обсуждает с героиней свои опусы прямо на страницах рассказа, пытаясь найти ответ на вопрос, что же такое по-настоящему хорошая литература.

Таким образом, одним из ключевых содержательных компонентов прозы Сунь Ганьлу является литературная рефлексия различных аспектов творческого процесса. В то же время в его рассказах весь изображаемый мир предстает как текст, а литературный вымысел порождает пространство альтернативной реальности, причудливой и алогичной, которая становится идеальной площадкой для столь любимой автором языковой и смысловой игры.

Библиографический список

Сунь Ганьлу. Думы циньской девы. М.: Нестор-История, 2022.

郭春林: 为什么要读孙甘露 [Почему нужно читать Сунь Ганьлу] — 上海人民出版社 2014 年版.

陈晓明: 无边的挑战——中国先锋文学的后现代性 [Безграничный вызов — постмодернизм в китайской авангардной литературе] — 广西师范大学出版社 2004 年版.

С.А. Серова
ИВ РАН

КИТАЙСКИЙ ТРАДИЦИОННЫЙ ТЕАТР: ИСТОРИЯ — СОЦИУМ — АКТЕР

Аннотация. Время рождения китайского театра — эпоха Тан. Как явление культуры, театр имеет свою предысторию, являющуюся частью большой истории страны, связанную с рождением династии Хань. Бесчисленные войны этого периода легли тяжким бременем на плечи простого народа. Об этом песни возвратившихся из многолетних походов и заставших пустыню вместо домашнего очага. Теперь эти песни — историческое свидетельство того времени. Но это одна страница истории. Другая — это расширения территории за счет тех, кого ранее называли варварами, а позже — народом, который недопонимает происходящее с ним и на его глазах. Для Китая в целом это был период расширения собственного сознания и формирования общенациональной культуры. Этот процесс способствовал расширению географии торговли, а это значит и расширение собственного кругозора в контакте с другими этносами так называемого «степного края». Так в Китай из Индии приходит буддизм. Что предлагает этот буддизм? Речь шла о создании религиозной общины — сангха, в рамках которой может быть преодолено социальное неравенство.

И на большой территории вдоль Шелкового Пути в Дунхуане распространяется сангха, привлекая к буддизму внимание и сочувствие китайцев. Психологический и духовный эффект нового вероучения отражался на тех категориях социума, которые составляли созидательный потенциал зрелищных искусств и, конечно, нарождающегося театра. К тому же создается общий литературный язык, влияющий на формирование художественного уровня театрального зрелища и актерской игры.

Ключевые слова: буддизм, зарождение театра, сангха.

Svetlana A. Serova
IOS RAS

Chinese traditional theater: history — society — actor

Abstract. The birth of Chinese theater is the Tang era. As a cultural phenomenon, the theater has its own prehistory as part of the great history of the country, associated with the birth of the Han Dynasty. The countless wars of this period laid a heavy burden on the shoulders of the common people. About this are the songs of those who returned from many years of campaigns and found the desert instead of a home. Now these songs are historical evidence of that time. But this is one page of history. The other is the expansion of the territory at the expense of

those who were previously called barbarians, and later — the people who misunderstand what is happening to them and before their eyes. For China as a whole, this was a period of expansion of its own consciousness and the formation of a national culture. This process contributed to the expansion of the geography of trade, and this means the expansion of one's own horizons in contact with other ethnic groups of the so-called “steppe region”. So, Buddhism came to China from India. What does this Buddhism offer? It was about creating a religious community — the sangha, within which social inequality can be overcome.

And over a large area along the Silk Road in Donghuan, the sangha is spreading, attracting the attention and sympathy of the Chinese to Buddhism. The psychological and spiritual effect of the new dogma was reflected in those categories of society that constituted the creative potential of the performing arts and, of course, the emerging theater. In addition, a common literary language is being created that influences the formation of the artistic level of theatrical spectacle and acting.

Keywords: Buddhism, the birth of theater, sangha.

Время рождения китайского театра — эпоха Тан. Как явление культуры, театр имеет свою предысторию как часть большой истории страны, связанную с рождением династии Хань. Бесчисленные войны этого периода легли тяжким бременем на плечи простого народа. Об этом песни возвратившихся из многолетних походов и заставших пустыню вместо домашнего очага. Теперь эти песни — историческое свидетельство того времени. Неизвестные ограбили почтенного человека у присутственного места, взяли выкуп с него — много денег и двух рысаков. «Двух рысаков — вот уж воистину несчастье! Смотрит вслед чиновникам, и в сердце гнев, кровь закипает. Вернется домой и объявит семье, что бросает мирную жизнь». И еще: в пятнадцать лет ушел в поход с войсками. Встретил на дороге человека из своей деревни. «Кто живет в моей семье? А он виден уже ваш дом — ряды сосен и кипарисов на могильном холме...» Заяц выбегает из леса, где жила собака. Фазан взлетает со стропил. Во внешнем дворе растут несеянные злаки. Во внутреннем дворе растет несаженная мальва. Толку зерна и готовлю кашу. Срываю листья мальвы и делаю отвар. Отвар и кашу приготавливаю быстро. Но не знаю, кто будет есть со мной. Выхожу из ворот, смотрю, на восток. Слезы льются и заливают мою одежду» [Б.Б. Вахтин. Народная литература в эпоху Хань // Литература Древнего Китая. М., 1969. С. 207]. Из песен юэфу мы узнаем о традициях жизни в Ханьском Китае.

Но это одна страница истории. Другая — это расширения территории за счет тех, кого ранее называли варварами, а позже — народом, который недопонимает происходящее с ним и на его глазах. Для Китая в целом это был период расширения собственного сознания и формирования общенациональной культуры. Этот процесс способствовал расширению геогра-

фии торговли, а это значит и расширение собственного кругозора в контакте с другими этносами так называемого «степного края». Так в Китай из Индии приходит буддизм. Буддизм в своей изначальной форме — не доктринальной, а форме социального мироустройства. Китай маркирует буддизм изначальным сложившимся со времен мифа о рождении самого Будды из чрева слона. Рождение китайского театра связано с буддизмом не доктринальным, а с буддизмом, обращенным к самому человеку, к страданиям простого человека.

Что предлагает этот буддизм? Речь шла о создании религиозной общины — сангха, в рамках которой может быть преодолено социальное неравенство. Будда предостерегал от излишней привязанности к богатству и собственности, что рождает чувство собственной исключительности и, как следствие, вражду. Осуждение Буддой жрецов за их высокомерие и исключительное право поучать всех остальных. Будда получал живой отклик простых людей. Итак, сангха, где, как говорил Будда, должны заботиться о малоимущих, со временем постепенно трансформировалась, и это нарушило правила социального равенства. На этом социальный проект у себя на родине завершился. Но сангху удалось создать в Китае — на большой территории вдоль Шелкового Пути в Дунхуане. Успешность этого проекта молвою распространяется по стране, привлекая к буддизму внимание и сочувствие китайцев. Так раскрывались сердца китайского населения к новому вероучению. Психологический и духовный эффект нового вероучения отражался на тех низовых категориях социума, которые составляли созидательный потенциал зрелищных искусств и, конечно, нарождающегося театра. К тому же создается общий литературный язык, влияющий на формирование художественного уровня театрального зрелища и актерской игры.

В.В. Станьева

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ В МОНГОРСКОМ ВАРИАНТЕ ЭПОСА «ГЭСЭР»

Аннотация. Толкование сновидений занимает важное положение в системе традиционных верований монголов, что находит отражение в фольклоре данной этнической общности. В монгольском варианте эпоса «Гэсэр» снам отведена ключевая позиция, они позволяют сюжету разворачиваться на двух уровнях — реальном и фантастическом. В начальных главах эпоса сны в основном были символической имитацией будущих событий или их первой ступенью развития, однако в четвертой главе они приобретают еще более абстрактное содержание. Большинство центральных персонажей эпоса обладали способностью видеть пророческие сны. Содержание снов отличается вариативностью. Одни посвящены крупным событиям, таким как рождение ребенка или свадьба, представлены в виде вещей снов в символической форме. Другой тип сновидений отличается краткостью и подлечит трактовке только с позиции благого либо дурного предзнаменования. Аналогичное восприятие сновидений распространено в мировой культуре, в том числе и среди монгольского общества. Тем не менее, наличие частотного сюжета толкования сновидений является одной из уникальных особенностей исследуемой монгольской версии эпоса о Гэсэре, заметно выделяя ее среди других региональных вариантов.

Ключевые слова: толкование сновидений, монголы, Гэсэр, малые народы КНР.

*Vladislava V. Staneva**Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS*

On the interpretation of dreams in the Monguor version of the epic “Gesar”

Abstract. Interpretation of dreams occupies an important position in the system of traditional beliefs of the Monguors, which is reflected in the folklore of this ethnic group. In the Monguor version of the epic “Gesar” dreams hold a key position, they allow the plot to unfold on two levels — real and fantastic. In the initial chapters of the epic, dreams are mostly symbolic imitations of future events or their first stage of development, but in the fourth chapter they acquire even more abstract content. Most of the central characters of the epic possess the ability to see prophetic dreams. The content of dreams is variable. Some are dedicated to major events, such as the birth of a child or a wedding, and are presented in the

form of prophetic dreams in a symbolic form. Another type of dreams is characterized by brevity and is subject to interpretation only from the position of a good or bad omen. A similar perception of dreams is common in world culture, including the Monguor society. Nevertheless, a frequent narrative of dream interpretation is one of the unique features of the studied Monguor version of the epic “Gesar”, noticeably distinguishing it from other regional variants.

Keywords: interpretation of dreams, Monguors, Gesar, ethnic minorities of the People's Republic of China.

Среди различных мировых культур бытовало мнение, что во сне к спящему являюся боги или их посланники и передают информацию в виде прямых указаний, либо в зашифрованной символической форме.

Монгорская система верований представляет собой синтез различных направлений, как более древних, анимистических, так и более поздних религиозных, в частности, буддийских. В связи с чем, в современном монгорском обществе распространены практики трактовки увиденного в мире грез [甄卓英 2017, 28], вне зависимости от их истоков.

Монгорскую версию эпоса о Гэсэре невозможно представить без небольших сюжетов о толковании сновидений. Подобные сюжеты часто встречаются в тибетской и в монгорской версиях эпоса, в других версиях они встречаются достаточно редко и не являются сюжетообразующими.

Одним из ярких примеров вещей сновидений может послужить сон матери дяди Гэсэра — Цзядана (кит. 阿古嘉党 *агу цзядан*). Однажды его матери Цзя Нима (кит. 嘉尼玛) приснился сон, в котором с неба упала огромная звезда и приземлилась на грудь сновидицы. Ее муж Ши Даньгуа (кит. 史丹挂) трактовал это знамение, как эта комета представляет собой дух будущего ребенка [王国明 2013, 213—216].

Данный эпизод напоминает киданьскую легенду о рождении основателя династии Ляо императора Абаоцзи (Елюй Амбагай). В ней описывается, что он был зачат после того, как его мать увидела во сне, что в «ее грудь упало солнце» [Скрынникова 1997, 64]. Учитывая, что кидании, так же как и монгоры, исторически относятся к монгольскому культурному кругу, можно предположить распространённость данного мотива на территории северного Китая.

Ярким примером вещей снов можно считать эпизод третьей главы эпоса — знакомство Гэсэра и Другмо. Незадолго до встречи они символически «увидели» друг друга во сне — Гэсэр увидел красивую птицу, а Другмо — летящего дракона. Местом действия обоих снов была реальная цветочная поляна на берегу озера Чжаси, известная персонажам, поэтому Гэсэр и Другмо целенаправленно пришли в увиденное во сне место и познакомились [王国明 2014, 116—120].

В монгорском «Гэсэре» каждый из главных героев видел сны. Отметим, что сны не полностью воспроизводят последующие события, но являются

их аллегорической формой, с акцентом на общем значении сновидения. Подобная роль отводится сновидениям в индийской культуре [Wayman 1967, 8] и многих других традициях. В древности люди делили сны на истинные и, соответственно, ложные сны, вводящие в заблуждение. Персонажи эпоса разделяют сны только на положительные и негативные и воспринимают информацию целостно, в полном объеме, как инструкцию к действиям, либо как прямое предсказание будущих событий.

В эпосе «Гэсэр» сны играют крайне важную роль, являясь двигателем сюжета, который в действительности развивается на двух планах: мире сновидений и реальном мире. Количество эпизодов толкования сновидений количественно уменьшается по ходу развития событий, а сами сны приобретают более символическую форму. Тем не менее, их влияние на последующие события остается значительным.

Библиографический список

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2010.

Wayman A. Significance of dreams in India and Tibet // History of Religions. 1967. Vol. 7, no. 1. P. 1—12.

王国明: 土族《格萨尔》说唱系列丛书。翻译系列: 创世部 [Ван Гомин. Собрание сочинений монгорских [эпических] сказаний «Гэсэр». Серия переводов: Раздел «Сотворение мира»].北京:民族出版社. 2013, 243 页.

王国明: 土族《格萨尔》说唱系列丛书。翻译系列: 神子下凡 [Ван Гомин. Собрание сочинений монгорских [эпических] сказаний «Гэсэр». Серия переводов: Раздел «Сшествие сына бога на землю»].北京:民族出版社. 2014, 153 页.

甄卓英: 土族《格萨尔》中的信仰民俗研究 [Чжэнь Чжюин. Исследование народных верований в монгорском эпосе «Гэсэр»] // 西北民族大学硕士学位论文. 兰州. 2017, 54 页. URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=3uoqIhG8_C475K0m_zrgu4lQARvep2SAkVtq-vp-8QbjqyhE-4l1YjBmkSslyXzX6GOwHuAR_KiLzErC3dg_L2PlnX0dl1j&uniplatform=NZKPT (publication date 2017-07-16—2017-08-15).

А.Б. Старостина
ИВ РАН

НАСЛЕДИЕ ЛУ ЦЗЯ В ТРАКТАТЕ ВАН ЧУНА «ЛУНЬ ХЭН»

Аннотация. В серии трактатов Ван Чуна, объединенных названием «Лунь хэн» («Весы суждений»), Лу Цзя упомянут немногим менее 20 раз. При этом Ван Чун ставит Лу Цзя выше, чем Сыма Цзяня или Лю Сяна, которых полагает более историками, чем мыслителями.

Ван Чун считал Лу Цзя деятельным и красноречивым человеком, который убедил Лю Бана в необходимости отказаться от милитаристской политики, а Чжао То — признать вассальную зависимость от Хань. Эксплицитно он цитировал Лу Цзя всего дважды, при этом цитаты не имеют аналогов в дошедших до нас редакциях «Синь юй».

Только от Ван Чуна можно узнать, что у Лу Цзя была своя концепция индивидуальной природы человека, довольно близкая к представлениям Мэн-цзы, несмотря на то, что свою родословную как ученый он вел от Сюнь-цзы.

Кроме того, из пересказа слов Лу Цзя в «Лунь хэн» следует, что Лу Цзя писал о посмертной участи человека, пусть и амбивалентно, — таких высказываний в дошедшем до нас его наследии тоже нет.

Ключевые слова: Лу Цзя, Ван Чун, ханьская философия, дискуссия о природе человека.

A.B. Starostina
IOS RAS

Lu Jia's Legacy in Wang Chong's Treatise “Lun heng”

Abstract. In a series of treatises collected under the title “Lun heng” (“Discourses Weighed in the Balance”), Wang Chong mentions Lu Jia a little less than 20 times. “Lun heng” places Lu Jia above Sima Qian or Liu Xiang, as a thinker in opposition to two historians.

Wang Chong values Lu Jia as an energetic and articulate person who persuaded Liu Bang to abandon his militaristic policies and Zhao Tuo to accept vassalage to the Han.

Wang Chong only quotes Lu Jia twice, and these quotations have no parallel in the surviving versions of the “Xin yu”. However, it is only from Wang Chong that we learn that Lu Jia had his own conception of human nature, which was quite close to Mencius' concepts, although as a scholar he traced his ancestry back to the Xunzi.

It is also clear from the retelling of Lu Jia's words in the “Lun heng” that Lu Jia wrote about a posthumous fate for human beings, albeit in an ambivalent way.

There are no such statements in his surviving legacy.

Key words: Lu Jia, Wang Chong, Han philosophy, discussion on human nature.

Ван Чун (I в. н. э.), работавший на фоне апофеоза «школы новых текстов», был ее последовательным оппонентом. Возражая и против мифологизации конфуцианской традиции, и против всепоглощающего ухода конфуцианства в комментирование классики, он выработал собственный стиль аргументации. Чтобы опровергнуть установившиеся среди творцов официальной идеологии мнения, он был готов признать самые экстравагантные вещи и поставить под сомнение самые очевидные.

Едиственный последовательный подход в его философской деятельности — поэтико-риторический, в котором заметную роль играет стремление поразить оппонента или читателя блеском эрудиции и парадоксальностью аргументации.

Вместе с тем, мировоззрение Ван Чуна, о котором можно судить по серии трактатов, объединенных названием «Лунь хэн» («Весы суждений»), имело непротиворечивую теоретическую базу. Оно основывалось на признании субстанциального единства мира, одновременном отрицании субъектности Неба и постулировании отсутствия замысла за любыми событиями.

Ван Чун верил в математическую заданность природных процессов, накладывающихся на функционирование общества и индивида. Одним из результатов такой картины мира для него было утверждение малой зависимости социального успеха от личных качеств и сознательных действий.

Лу Цзя (III—II вв. до н. э.), один из героев начала Ханьского периода, сподвижник Лю Бана, дипломат, государственный деятель, а также автор трактата «Синь юй» и исторического сочинения «Чу Хань чуньцю», был для Ван Чуна одним из редких и недостижимых примеров успешной деятельности талантливого человека, в его представлении — воплощенного парадокса. В «Лунь хэн» Лу Цзя упомянут немногим менее 20 раз. Ван Чун оценивает его высказывания и деятельность, — как критически, так и с восхищением.

Для «Лунь хэн» Лу Цзя находится в ряду достойнейших раннеханьских конфуцианцев, не увлекавшихся бесплодным комментированием классики. Ван Чун ставит его выше, чем Сыма Цяня или Лю Сяна, которые придавали больше значения записям текущих и древних событий, чем высказыванию собственных мыслей (глава «Превосходные и удивительные»).

Ван Чун ценил Лу Цзя как деятельного, красноречивого и искреннего человека, сумевшего убедить основателя дома Хань в необходимости отказаться от милитаристской политики, а Чжао То, основателя государства Намвьет, — в необходимости признать вассальную зависимость от Хань. Заслугу Лу Цзя он видел и в том, что родственники императрицы Люй не смогли окончательно утвердить свою власть в стране.

Лу Цзя импонировал Ван Чуну как свидетель и участник становления Ханьской империи, как искусный ритор, как мастер очевидных умозаключений и исторических сближений, как деятель, но вместе с тем и ученый.

Тем не менее Ван Чун эксплицитно цитировал Лу Цзя всего дважды, при этом цитаты не имеют аналогов в дошедших до нас редакциях «Синь юй» (последний факт использовали для того, чтобы поставить аутентичность этого памятника под сомнение). Скрытых цитат в тексте очевидно больше (по первичной оценке, около 30), при этом они позволяют понять истинную степень влияния Лу Цзя на Ван Чуна — как на его литературный стиль, так и на общественно-политические взгляды.

Кроме того, некоторые пассажи в «Лунь хэн» проливают свет на философские взгляды Лу Цзя. Так, только от Ван Чуна можно узнать, что у Лу Цзя была своя концепция индивидуальной природы человека, довольно близкая к представлениям Мэн-цзы, несмотря на то, что свою родовую как ученый он вел от Сюнь-цзы.

Из пересказа, но не из цитаты, в главе «Простые похороны» следует, что Лу Цзя писал о посмертной участи человека, пусть и амбивалентно, — таких высказываний в дошедшем до нас его наследии тоже нет.

Хуан Лилиан
Факультет МЭиМП НИУ ВШЭ
РАНХиГС ИБДА

ИСТОКИ СОВЕТСКО-РОССИЙСКОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. Сегодняшняя ситуация в мире неспокойна, полна взлетов и падений, полна дыма и постоянно меняется. Китай и Россия работают бок о бок и тесно сотрудничают в различных областях, что имеет эпохальное, далеко идущее практическое значение. Автор пытается проследить, исходя из культурных истоков и исторических глав, почему в Китае возник «советско-российский комплекс», который оказывает глубокое влияние на дружественное развитие политических и экономических отношений и влияет на ход событий следующих нескольких десятилетий. Из психологии известно, что «комплекс» относится к важному и сильному бессознательному импульсу, скрытому в загадочном психологическом состоянии человека. Китай и Россия, как две крупнейшие страны Евразийского континента, уже долгое время поддерживают очень тесные связи. Исторически две страны имеют чрезвычайно сложные и давние связи. Китай и Россия имеют общую границу протяженностью более 4000 километров и являются близкими соседями. Как сказано в «Лунь юй»: «Добродетель никогда не бывает одна, у нее должны быть соседи». Российская Федерация — мировая держава, насчитывающая более 190 этнических групп, а Китай — большая восточная страна с 56 этническими группами и 5000-летней цивилизацией. Сосуществование и признание двух стран будет способствовать дальнейшему развитию все более глубоких дружественных отношений между двумя народами, укреплению всестороннего стратегического партнерства между двумя странами. В настоящее время они идут рука об руку по широкой дороге возрождения, развития. Для будущих поколений обе стороны всегда будут усердно работать, чтобы быть хорошими соседями, хорошими партнерами и хорошими друзьями.

Ключевые слова: СССР, культурное сотрудничество, Россия и Китай.

注解. 当今世界局势风雷激荡，跌宕起伏，硝烟弥漫，百变之际。中俄两国在各个领域砥砺并肩默契，亲密携手共进，具有划时代的深远意义和紧迫的现实意义。笔者试图从文化源头和历史篇章中去追溯为什么中国会出现的苏俄情结，而这又必将深刻作用政治经济关系的友好发展，影响今后的几十年历程。从心理学上确认而得知：情结指的是重要的无意识组合或是一种藏在个人神秘的心理状态中，强烈而无意识的冲动。晋·殷仲文《解尚书表》：“名义以之俱沦，情节自兹兼挠。”而苏俄情结的内涵就是对苏联-俄罗斯

斯的强烈、难以磨灭的情感、观念、意象的综合体。中国和俄罗斯，作为欧亚大陆上的两个大国，在长久以来就保持了十分紧密的联系。在历史上，两国有着极其复杂源远流长的渊源。中国与俄罗斯有着四千多公里的国境线，是近在尺度的邻居，两国交往有着漫长的历史。正如论语中所述：“德不孤，必有邻”。（《里仁篇- 25》）俄罗斯联邦是具有一百九十多个民族的世界大国，中国是具有五十六个民族、五千年文明的东方大国，认识并了解苏联-俄罗斯在中国的精神存在与体现，有助于进一步发展两国人民日益深厚的友好关系，巩固国家之间的全天候全面战略协作伙伴关系，目前是携手并肩走在复兴、发展、建设自己国家的康庄大道上，为造福子孙后代，双方永远做好邻居、好伙伴、好朋友而努力。

关键词: 苏联, 文化合作, 俄中。

**俄罗斯高等经济研究大学世界政治经济系
俄罗斯联邦总统大学商学院副教授
黄立良**

苏俄情结的溯源

历史的回顾

苏联是第一个与中华人民共和国建立外交关系的国家，而苏俄情结的起源不能不说到伟大的中国近代革命先驱孙中山先生，正是他在 1924 年 1 月确立的“联俄联共扶助农工”使中国从苏联得以经济资助和政治支持。

从上世纪 30 年代初至 40 年代，在苏联伊万诺沃国际儿童院学习和生活的中国革命家的后代及家属有很多，包括毛泽东的儿子毛岸英和毛岸青、蔡和森的女儿蔡妮、刘少奇的女儿刘爱琴、蔡畅和李富春的女儿李特特、邓发的女儿邓金娜、任弼时的女儿陈松、罗亦农的儿子罗西北、赵世炎的儿子赵施格、高岗之子高毅、苏兆征之子杨东、陈昌浩之子陈祖涛、肖三的两个儿子肖立昂和肖维佳.....他们都有一个共同的名称——“伊万诺沃人”或“国际儿童院人”。2015 年 4 月 15 日，时任俄罗斯驻华大使杰尼索夫与毛泽东女儿李敏亲切握手，当日，在俄罗斯驻华大使馆，杰尼索夫大使代表普京总统向李敏等 30 多位中国人授予“1941—1945 年伟大卫国战争胜利 70 周年”纪念奖章。这些人尽管都已步入暮

年，但他们心中的苏联情结，历经岁月沧桑愈见浓厚。曾经有一位女大学生当面询问笔者，“中国人怎么看待俄罗斯？”中国人对苏联-俄罗斯的感情是极其特殊的，从来没有任何一个国家能让中华民族整体上，一代人、两代人甚至是几代人产生如此复杂深刻的情绪：感激、敬佩、崇敬、憎恨、惋惜。

笔者自童年开始学习俄语，为什么要报名学习俄语？说来话长，在童年耳熏目染的美好记忆中，苏联的事儿就像那时候不能轻易吃到的奶油蛋糕一样，想起来都是甜的，那时小伙伴都叫它水点心——其实那里当然是没有一点水的。从儿时，不懂事孩子们经常扯着脖子喊：“一二三四五，上山打老虎，老虎不吃人，专吃杜鲁门。”接下来又喊：“苏联老大哥，挣钱挣得多，苏联老大嫂，挣钱挣得少……”应该说，“苏联”二字，贯穿在 20 世纪 50 年代的童年生活中，是怎么抹也抹不去的。

讲一个小伙伴的故事吧！那是 1956 年的春天，刚刚随着全家人迁入到了京城不久，他的父亲就应邀到波兰首都华沙去参加社会主义国家的铁路联合运输会议，在前门火车站为爸爸送行，他第一次看到挂在绿皮车上汉语-俄语的《北京——莫斯科》的标牌。那是需要行驶一个星期的时间啊！那白底黑字车厢铭牌上的 CCCP 给他留下童年的深刻印象。他的父亲从东北的哈尔滨、沈阳等城市返回北京市休假时，就是一辆伏尔加轿车负责接送来往于北京火车站。那车头矗立着由不锈钢制造的飞奔麋鹿的美妙造型，就是苏联生产的名牌轿车。偶尔，他会转身走到车尾的排气管边上一闻一闻，似乎那汽油的味道都是来自苏联的香甜可口。

北京外语学校讲授俄语的教师有的就是从国家留苏预备部调来青年精英，为此语文老师给俄语班同学们出了一个作文题：给苏联小同学们写一封信。这件事过去不久，老师正式宣布选了几个作文写得好的同学的信，已经寄出给了苏联小朋友，由学校负责寄出。当时大家谁也没拿这当回事。但真没想到，过了一阵子，学校忽然召开少先队的全体大队会议，宣布有一位苏联小朋友回信来了，俄语写的信是一名叫安娜的女同学，从苏联首都莫斯科市西南区克鲁普斯卡雅大街 1948 中学发出的，并点名是寄给当时初二俄语班级一个女同学——安宁，她是少先队的中队长，多么幸运啊！安娜——安宁虽然互不认识，相隔万里之遥，从来没

有见过面，却写信给你，一刹时间所有的同学们都惊讶无比了，只觉得那无异于天外的来信，那信是怎么寄来的呢，从苏联的莫斯科到中国的北京有多么遥远啊！那肯定像电影《风筝》（1958年中法合拍）里演的那样，是绑在风筝上从天空上飘过来的吧。

从收音机里传来莫斯科的汉语声音：“这是莫斯科之声广播电台，对中国听众的广播开始了。”带着克里姆林钟声的旋律，那远方的不尽标准的普通话带给中国同志们的是异国风味。中国人对苏联的感情，即在于过去的友好亲密，也在于彼此嫌隙，更在于俄罗斯的落伍。正是十月一声炮响，给我们送来了马克思主义，也是克里姆林宫红旗的降落，令人叹息。

文化的感染

苏联电影《侦查员的功勋》中勇敢、机智、沉着的苏军侦察员费道托夫少校，打入德军阵营后与德国法西斯军官的共同干杯，但是祝酒词一语双关：“为了我们的胜利”睿智而不显山露水；《夏伯阳》里在草原上战马驰骋、挥刀杀敌的英雄；《柯楚别依》久经沙场、光辉壮丽的一生；《真正的人》飞行员梅列谢耶夫坚忍不拔、在失去双腿的困难状态下重返蓝天、击落敌机；《母婴》描述了苏联卫国战争中女英雄，年仅18岁的卓娅短暂光辉的人生、她理着男孩子的短发，被德国鬼子捆绑着，在寒风冰雪中只穿了一件单薄的裙子赤足在绞架前英勇就义；...。这些不但激励着五六十年代中国人们内心世界的火花，更让他们向往英雄、追求战火的洗礼。后来，当他的小伙伴们在中学开始学习俄语后，悄悄背着爸爸妈妈慢慢阅读了那封面是黑底白字封面的苏联小说：厚厚的、竖排本《复活》中玛丝洛娃的苦难遭遇，聂赫留朵夫自我谴责的悔恨内疚；《安娜·卡列尼娜》“幸福的家庭都是相似的、不幸的家庭各有各的不幸。”《静静的顿河》以葛利高里的史诗般人生画面，展示了哥萨克民族在顿河畔人民的生活丰富画卷。柯切托夫的《叶尔绍夫兄弟》描写了苏联工人阶级社会生活与党内斗争的小说，还有《古丽娅的道路》莫斯科市的中学生古丽娅凝视着夜空中克里姆林宫旗杆上的镰刀斧头红旗在高高飘扬，那就是说明约瑟夫·斯大林同志深夜还在工作；《普通一兵》里的马特洛索夫用自己的身体堵住了敌人从碉堡里射出的子弹，最

后壮烈献身；童年的马特洛索夫从普通养蜂老人那里就明白了：工蜂为了人间的甜蜜美味而献出生命。《青年近卫军》总部领导人奥列格率领同志们不屈不挠、奋不顾身地反抗德军侵略者。尼·奥斯特洛夫斯基《钢铁是怎样炼成的》鼓舞和历练了中国几代人的坚韧奋斗、人生历程。

从这些作品里中国那个年代的人们看到的是一个崇尚英雄、渴望激情、生气勃勃的国度，那是产生真实地、快乐地、生活学习过、战斗成长过的年代，对苏联的好感潜移默化的陡然增加，不少学习俄语者的动力不断加强和补充。由于不少人从小就开始的爱好，作者的这一位小伙伴在上中学之后无数次的去聆听中山公园里中山堂的星期朗诵会。那是经典的题材、精湛的表演、心灵的体会、灵魂的撞击。董行佶声情并茂朗诵高尔基的《海燕》——“让暴风雨来得更猛烈些吧！”；玛雅科夫斯基长诗《列宁》、《好！》。这些是镌刻在中国老一代、中年人的心怀，并且已经在新一代年轻人的身上得到了传承发扬。“莫斯科郊外的晚上”这首苏联-俄罗斯的著名歌曲，在中国钟情于她的人数有俄罗斯现居民人口总数的 2 倍以上，说明她不仅仅是属于俄罗斯也属于中国，属于全世界。

从 80 年代末的民间，在北京、大连、上海、武汉、广州、西安等地重新唱起苏联-俄罗斯的老歌。北京“伏尔加之声”、大连俄罗斯歌曲合唱团、广州六中同学高质量高水平演唱俄语苏联国歌等等都展现出即使苏联作为一种政治实体已经不复存在，但是情结是一种情感的执着；更是一种情感的“痉挛”与扭曲。情感的执着或者扭曲，总要借助于某种思想和观念，借助于这些思想和观念的一种“错位”。情结是一个人欲望与道德约束之间的矛盾，冤屈以及“不公平”等等内心纠葛所产生的心结与“疙瘩”。这些矛盾、心结与“疙瘩”，导致人的某种有意的行为，更导致人的某种潜意识宿愿。它企图对自身的症结加以释怀与宣泄，更开展某种难以自我觉察的潜意识操作与作为。《诗经·小雅·伐木》曰：“伐木丁丁，鸟鸣嚶嚶。出自幽谷，迁于乔木。嚶其鸣矣，求其友声。神之听之，终和且平。”用山林中孤鸟鸣叫来寻求同伴的例子，说明朋友相处的重要性。在《论语·季氏篇》中，孔子告诫弟子：“益者三友，损者三友。友直，友谅，友多闻，益矣。友便辟，友善柔，友便佞，损矣。”意指有益

的交友有三种，有害的交友有三种。同正直的人交友，同诚信的人交友，同见闻广博的人交友，这是有益的。同惯于走邪道的人交朋友，同善于阿谀奉承的人交朋友，同惯于花言巧语的人交朋友，这是有害的。同正直、诚实守信、见闻博广的人交朋友，久而久之，自己也会近朱者赤；相反，亲近奸佞小人，就会近墨者黑，深受其害。

姓名里的痕迹

姓名是即是上一代人对子女的寄托，也是每个人的生命符号。在

50年代里中苏两国的“蜜月期”，什么都是苏联的好，大大小小的方面都学习苏联。当时在中国广大老百姓的心目中，苏联就是社会主义的宏伟天堂。新中国出生的孩子们很多都有时代色彩。中国社会中，上上下下都对苏联老大哥的敬仰和崇拜是真诚的，因为人们认为苏联的今天就是新中国的明天。中学大部分外语课是俄语，英语极少。1961年，作者这一拨孩子上育英小学实验班，小学一年级就开始学俄语。后来中苏关系恶化，就不学俄语了。

中国驻苏联外交官李则望的大儿子王东出生在苏联赤塔。当时中国在赤塔设立了一个总领事馆，李则望夫妇在总领馆任职。儿子王东1951年出生，因为是在苏联远东出生，故起名字“王东”，有远东之意。还有外交官黄文友的儿子黄加林，为了纪念苏联宇航员加加林、季托夫首次出外空，取名加林。高姓外交官的两个儿子高如东、高如宁兄妹，名字之意是高如毛泽东、高如列宁。在苏联出生的还有外交部新闻司副司长陈维凡的儿子陈小刚（1955年）。

当时有很多的孩子们的名字叫尼娜、安娜、瓦夏、布拉、丽达、普洛（пролетариат）、米沙、维嘉等等。后来以苏联为依托为起名的依据作为历史符号停止了。但历史的印记还永远存在于当初这一代孩子们当中。当步入老年时期的他们回过头来看自己的幼年时光，回味历史，咀嚼童年，给自己带来了快乐，至少在精神上使人生愉悦、年轻。特别是与发小、邻居、同学们共同回忆一起走过的过往，真是人生一大快事。如果把潜意识看成情结的微观机制或者微观单位，那么情结就是由潜意识所组成的一种宏观机体。因此有时候我们会看到，情结是一种成系

统、有组织的一系列的潜意识——潜意识集团。这种潜意识集团，不仅具备某种核心或“中枢”，而且它还是被组织在个人的一段经历当中的。作为这段经历各个环节的本质，潜意识就潜藏在其中。既然情结是用一段经历，把自己的本质“镶嵌”在其中的，那么一个人对自己的这段情结的释怀与宣泄，也是在对这段经历的某种模仿与重演的另一段经历当中来展开的；是在逐渐加深了解或者逐渐打开，各环节之潜意识，来实现的。

沧海桑田，岁月流逝，千百年如梦的民族进程创造的史实终将平淡。点滴往事，尽管多年后的回首也或许只是感叹。曾让某些人那样流泪的情结不过恍如一梦，尽管那时候关于你的记忆也可能只是一个逐渐远去的背影，而历史深知对某种神奇的爱在内心深处，一个任何人任何岁月也永远无法触及的距离，它固执地成为一种永恒。这就是本文试图所回顾追寻历史长河中的一片浪花。

И.В. Цой

Санкт-Петербургский государственный университет

ДЕГЕРОИЗАЦИЯ И ОСМЫСЛЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ СОВРЕМЕННЫХ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ АВТОРОВ — ПАК МИНГЮ, КИМ ЁНХА, КИМ ЁНСУ

Аннотация. В выступлении будет проанализирована малая проза трех известных южнокорейских авторов — Пак Мингю, Ким Ёнха, Ким Ёнсу, которые стремятся «к тому, чтобы понять, что происходит сегодня с человеком» [Расторгуева 2009, 12]. Проза писателей предыдущего столетия, пронизанная историческими событиями, в современном литературном пространстве Южной Кореи начала XXI века акцентирует внимание на повседневной жизни героя в большом городе. Происходит своего рода дегероизация героя, времени и пространства, и одновременно с этим авторы показывают человека, пытающегося осмыслить свою повседневность и принять ее такой, какая она есть; «будни формируют течение жизни и человек включен в его неторопливое движение» [Кузнецова 2011, 34]. Используя сравнительно-сопоставительный метод, автор на основе трех сборников рассказов проанализирует сходства и различия в описании героя, особенности авторского стиля и приущие каждому из писателей детали.

Ключевые слова: современная южнокорейская проза, Пак Мингю, Ким Ёнха, Ким Ёнсу, дегероизация, рассказы.

*Inna V. Tsoy**Saint Petersburg State University*

De-heroization and comprehension of everyday life in the stories of contemporary South Korean authors — Pak Minkyu, Kim Yŏngha, Kim Yŏnsu

Abstract. The speaker will analyze the stories written by three well-known South Korean authors — Pak Minkyu, Kim Yŏngha, Kim Yŏnsu, who strive ‘to understand what is happening to a person today’ [Rastorgueva 2009, 12]. The prose of the writers of the previous century, permeated with historical events, in the modern literary space of South Korea at the beginning of the 21st century focuses on the daily life of the hero in the big city. There is a kind of de-heroization of the hero, time and space, and at the same time, the authors show a person who is trying to comprehend his everyday life and accept it as it is. Using the comparative method, the author, based on three collections of stories, will analyze the similarities and differences in the description of the hero, the features of the author’s style and the details inherent in each of the writers.

Keywords: South Korean contemporary prose, Pak Minkyu, Kim Yŏngha, Kim Yŏnsu, de-heroization, stories.

Ведущие южнокорейские писатели, чей расцвет литературного творчества пришелся на конец XX — начало XXI века, описывают жизнь человека в большом городе. Например, эта тема интересна таким авторам, как Пак Мингю (р. 1968), Ким Ёнха (р. 1968) и Ким Ёнсу (р. 1970. В качестве иллюстрации будут рассмотрены сборники «Коврижка» [Пак 2019], «Никто не узнает» [Ким 2016], «Девушка конец света» [Ким 2014].

Тема человека, оказавшегося в большом городе, безусловно, была представлена и в прозе предшественников — писателей XX столетия. Однако если ранее акцент делался на больших и развернутых повествованиях, когда жизненный путь героя проходил на фоне исторических событий, писатели начала XXI века изображают героя, живущего в эпоху относительного благополучия, чье бытие приходится на эпоху потребления и расцвета интернета. Коллективная история нации сменяется частными историями из жизни отдельно взятого человека. Меняется сам дискурс: исторический вектор литературы трансформируется в социально-культурный. Центральные персонажи в таких рассказах — это не «герои» с онтологической точки зрения, не те, кто совершает героический поступок, а те, кто проживает свою повседневную жизнь в мегаполисе, кто на фоне рутинной жизни все же пытается осмыслить свое бытие. В современной южнокорейской прозе наблюдается дегероизация персонажа, времени и места. Эти три автора — практически ровесники, получившие образование почти в одно и то же время. Однако за плечами у каждого из них свой жизненный опыт, который позволяет в художественном пространстве литературы создавать разные характеры. Например, Пак Мингю обращается к такому приему, как магический (фантастический) реализм, и вводит в повествование не только людей, но и животных, которые вступают с героями в диалоги. В то же время малой прозе этого автора присуща интертекстуальность. Особенность стиля Ким Ёнха — это обилие диалогов и последовательное развитие событий в рассказе. Если у Пак Мингю повествование может быть разорванным и перемежаться потоком сознания главного героя, у Ким Ёнха в большинстве случаев истории развиваются последовательно, линейно. А Ким Ёнсу тяготеет к развернутым внутренним размышлениям героя, который после некоего действия или события начинает рефлексировать о произошедшем. Если Пак Мингю практически во всех своих рассказах пишет от первого лица, и это — «он», у Ким Ёнха и Ким Ёнсу немалая часть рассказов написаны от лица женщины. Герои перемещаются по реальному городу с его реальными географическими названиями, оказываются в комнатах и офисах, в кафе и отелях; могут оказаться и за пределами Кореи, но в тех же самых

городах и городках. У Ким Ёнсу герои из города перемещаются к морю, то есть в рассказах много упоминается о воде, будь то море или дождь. Пак Мингю и Ким Ёнха схожи в том, что используют иронию и о грустных вещах говорят с некоторой долей юмора. У Ким Ёнсу же большей частью слышится грусть от потери и утраты искренних чувств. Герои проживают свою повседневную, довольно однообразную жизнь, ходят на работу, пытаются наладить отношения, кто-то сбегает от такой жизни, кто-то пытается найти человека из прошлого. Возможно, все три автора транслируют идею хрупкости жизни и слабости человека, однако сквозь эту слабость и беспомощность в то же время проглядывают сила и стойкость героя, не боящегося признаться в своем бессилии, человека, готового быть несчастливым.

Библиографический список

Ким Ёнсу. Девушка конец света. СПб.: Гиперион, 2014. С. 224.

Ким Ёнха. Никто не узнает. М.: Наталис, 2016. С. 256.

Кузнецова Т.Л. Коми рассказ рубежа XX—XXI веков: особенности художественного развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komi-rasskaz-rubezha-hh-hhi-vekov-osobennosti-hudozhestvennogo-razvitiya/viewer> (дата обращения: 30.03.2023).

Пак Мингю. Коврижка. СПб.: Гиперион, 2019. С. 224.

Расторгуева В.С. «Герой нашего времени» в современной прозе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geroy-nashego-vremeni-v-sovremennoy-proze/viewer> (дата обращения: 30.03.2023).

А.А. Чигадаев

*Лейпцигский университет,
Институт изучения Восточной Азии*

**ХОРОШИЕ ПУТИ ДЛЯ МОНАХИНЬ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
АНАЛИЗ СОЧИНЕНИЙ МАСТЕРА ТАЙСЮЯ
О БУДДИЙСКОМ МОДЕРНИЗМЕ**

Аннотация. В статье проанализированы взгляды Мастера Тайсюя на социальную роль женщин в гражданском обществе на основе его собрания сочинений. Тайсюй подчеркивает влияние кармы в определении социального равенства, объясняя сложности для духовного развития женщин. Он резко выступает против стремления женщин к монашеству, призывая вместо этого практиковать буддизм в мирской жизни. В статье указываются подходящие социальные роли для буддийских монахинь, такие как проповедование буддизма в семьях и работа в медицинских и образовательных сферах. Однако сочинения Тайсюя недостаточно освещают социальную и политическую роль женщин, что указывает на его большую роль в качестве религиозного реформатора, а не социального активиста. Несмотря на формальное гражданское равенство, традиционные гендерные роли дочери, матери и жены продолжают существовать. Видение Тайсюя не предлагает оригинальной реорганизации общества, а скорее соответствует текущему требованию гендерного равенства в данный исторический период.

Ключевые слова: буддизм, гендерные исследования, женская история.

Aleksei Chigadaev

Leipzig University, Institute of East Asian Studies

**Good Paths for Female Monastics in Contemporary Society:
An Analysis of Master Taixu's Discourses on Buddhist Modernism**

Abstract. This article explores Master Taixu's perspective on women's social role within civil society based on his comprehensive collection of works. Taixu emphasizes the influence of karma in determining social equality and endorses the idea of obstacles to women's spiritual attainment. He discourages women from pursuing monasticism, advocating instead for lay Buddhist practice. The article highlights suitable social roles for Buddhist nuns, such as promoting Buddhism within families and engaging in medical and educational fields. However, Taixu's writings lack a comprehensive view of women's social and political roles, suggesting his primary focus as a religious reformer rather than a social activist. Despite formal civil equality, traditional gender roles of daughter, mother, and wife persist.

Taixu's vision falls short of providing an original reorganization of society, aligning more with the prevailing demand for gender equality.

Keywords: Buddhism, gender studies, women's history.

One of the most prominent leaders of Buddhist reformation in early 20th century is Master Taixu, who was active both in missionary work and social life. The basis for the qualitative research is The complete collection of Taixu's works. The research question is to explain the peculiarities of the social role of women within the civil society. The subject is the social interaction between members of society. The object is the nature of women in the Buddhist paradigm introduced by Taixu.

Taixu believes that the equality among all living beings exists only on the level of Buddha nature, emptiness and causality [釋太虛 1998, 282—284]. In the worldly law, there is absolute equality based on the the Buddhist law of karma, and the reason is fundamentally due to the different karmic fruits [釋太虛 1998, 229—257]. Taixu pointed out that women cannot be compared to men in terms of the merits and functions they achieve in society through their karma. Taixu essentially endorsed the idea of the five obstacles to women's attainment — a woman cannot become a Brahma, a Shakra, a devil king, a wheel-turning king and a Buddha. That's why Taixu encouraged female Buddhist to strive towards “changing their female bodies into male bodies” [釋太虛 1998, 363—366].

On the level of worldly affairs, there is also no equality. Women should not become nuns and should study Buddhism at home. Women becoming nuns detracts from Buddhism [釋太虛 1998, 282—284]. There are no nuns in Myanmar and Siam, and Buddhism is pure and prosperous. In China, there are nuns and Buddhism in decline. Taixu encourages women to cultivate the bodhisattva spirit and practice Buddhism as lay followers, as this is the most effective way to attain enlightenment and benefit oneself and society. As for the monastic code for women, this is a product of historical biases that have no place in the true teachings of the Buddha.

We identify the following social roles, which are most suitable for Buddhist nuns [釋太虛 1998, 259—269]:

1. to focus on handling family affairs, to make the families Buddhist;
2. to learn English and Chinese medicine, so they can go abroad to practice medicine and preach;
3. to get a training as a medical nurse for a Buddhist hospitals;
4. to become teachers in the kindergartens and elementary schools.

The image of the social and political role of a woman is not developed as a theme in Taixu's writings. The complex vision of the nun contradicts the narrow description of the female citizen. This suggests that Taixu is primarily a religious reformer rather than a social activist, and, second, indicates that alt-

though formally a woman receives equal civil status with a man, she remains in the positions of daughter, mother, and wife. Taixu was unable to offer an original vision for the reorganization of society and only supported the existing social demand for a struggle for equality between the sexes.

Библиографический список

Chang, Hongxing. A Study of Gender Equality in Humanistic Buddhism // *Humanistic Buddhism Journal*. Volume 33, 2021. P. 176—197.

Kingsbury, Karen, and Lily Xiao Hong Lee. In *The Virtue of Yin: Essays on Chinese Women* // *Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews*. Volume 18 (1996): 209.

Lee, Wong Yin. Women's Education in Traditional and Modern China // *Women's History Review*, Volume 4 (3), 1995. P. 345—367.

Liu, Cuilan. The Fall of a Chinese Buddhist Monk: Law and State Governance of Buddhism in Post-Imperial China // *Journal of Law and Religion*, Volume 35.3, 2020. P. 432—449.

釋太虛。《佛陀學綱》[Ши Тайсуй. Очерки по изучению буддизма] // 太虛大師全書. 1998, 第1卷: 第229—257頁。

釋太虛。《法華龍女成佛討論之討論》[Ши Тайсуй. Обсуждение о достижении просветления Драконьей девой в Лotosовой Сутре] // 太虛大師全書. 1998, 第10卷: 第864—867頁。

釋太虛。《婦女學佛之規範》[Ши Тайсуй. Стандарты для женщин в изучении буддизма] // 太虛大師全書. 1998, 第18卷: 第255—259頁。

釋太虛。《優婆夷教育與佛化家庭》[Ши Тайсуй. Образование и буддистское просвещение для монахинь и создание буддийских семей] // 太虛大師全書. 1998, 第18卷: 第259—269頁。

釋太虛。《怎樣做現代女子》[Ши Тайсуй. Как стать современной женщиной] // 太虛大師全書, 第22卷: 第1324—1332頁。

釋太虛。《復香港女眾書》[Ши Тайсуй. Ответ на письмо женщинам Гонконга] // 太虛大師全書, 第26卷: 第282—284頁。

釋太虛。《答覺非問(十三則)》[Ши Тайсуй. Ответы на вопросы (Тринадцать пунктов)] // 太虛大師全書, 第26卷: 第363—366頁。

釋太虛。《比丘尼之責任》[Ши Тайсуй. Обязанности бхикшуни] // 太虛大師全書, 第28卷: 第323—324頁。

釋太虛。《論中錫女界的關係》[Ши Тайсуй. О взаимоотношениях между женщинами Китая и Цейлона] // 太虛大師全書. 1998, 第28卷: 第594頁。

釋太虛。《佛教與中國女學》[Ши Тайсуй. Буддизм и образование китайских студенток] // 太虛大師全書. 1998, 第28卷: 第612—614頁。

釋太虛。《應少女少年團之歡迎會答詞》[Ши Тайсуй. Речь на приветственном вечере «Лиги молодых девушек»] // 太虛大師全書. 1998, 第28卷: 第690頁。

张勇 Чжан Юн
四川大学文学与新闻学院

唐天台国清寺行者拾得化迹考述

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕЯНИЙ ШИ-ДЭ, МОНАХА ХРАМА ГОЦИН В ГОРАХ ТЯНЬТАЙ, ДИНАСТИЯ ТАН

摘要: 论文梳理了唐代天台县国清寺中的行者拾得的生平事迹, 分析了其诗歌的内容, 明确了诗歌的类型, 并揭示出拾得和寒山在中国文化中的形象的地位。

关键词: 唐朝, 寺院, 服务人员, 拾得

Yong Zhang

The College of Literature and Journalism, Sichuan University

A Textual Study of the Deedes of Shi-de, a Service personnel at Guoqing Temple in Mountain Tiantai, Tang Dynasty

Abstract. This thesis combs the life stories of Shi-de, a service personnel in the Guoqing Temple of Tiantai County in the Tang Dynasty, analyzes the content of his poetry, clarifies the types of poetry, and reveals the position of Shi-de and Han-shan in the image of Chinese culture.

Keywords: Tang Dynasty, Buddhist Temple, Service personnel, Shi-de

拾得本为唐代台州天台山国清寺的未出家的服务型人员, 有若干诗偈传世。缘于与寒山关系密切, 故世间不但一般将二人并提, 拾得诗亦附寒山诗以传播。

虽然并非僧人, 拾得的事迹却千古流传, 其诗偈亦传播至今, 并成为中国文化中的标杆之一。

一、普贤示现天台山

拾得化迹, 北宋《宋高僧传》、《景德传灯录》、元代《释氏稽古略》、明代《明僧传》和方志等文献中, 并皆有所载录。

这些记载, 突出了拾得的三种形象: 一者, 来无所来, 不知父母。二者, 怪异神奇, 惊恠寺僧。二者, 怪异神奇, 惊恠寺僧。

通览《宋高僧传》, 给人印象深刻的是拾得身份的多次变化: 孤儿→行者→风人→非常人→贤士。

上述诸重身份的背后，为拾得的真正面目：示现的普贤菩萨。也就是说，无论是赤城道侧的弃儿，还是国清寺中的苦行者，还是僧俗眼中的风人，其实都是普贤菩萨随机化现的形象罢了。

拾得的最终去向，乃和其朋友寒山一起，进入国清寺附近的山岩之中。

上述拾得的神异事迹，本身也是中国文学现象吧。

二、疯人诗偈留后世

拾得的诗歌，现存 54 首。

这些诗偈，或记录了自己的经历：“自从到此天台寺，经今早已几冬春。山水不移人自老，见却多少后生人。”

有两诗涉及寒山：“寒山住寒山，拾得自拾得。凡愚岂见知？丰干却相识。见时不可见，觅时何处觅？借问有何缘，向道无为力。”“从来是拾得，不是偶然称。别无亲眷属，寒山是我兄。两人心相似，谁能徇俗情？若问年多少，黄河几度清？”

自然，也少不了对生活环境的描摹，如：“可笑是林泉，数里少人烟。云从岩嶂起，瀑布水潺潺。猿啼唱道曲，虎啸出人间。松风清飒飒，鸟语声关关。独步绕石涧，孤陟上峰峦。时坐盘陀石，偃仰攀萝沿。遥望城隍处，唯闻闹喧喧。”

更多的诗偈还是以佛教的眼光来观看尘世，抒发对于众生为三毒缠绕的悲苦生活，如：“嗟见世间人，个个爱吃肉。椀楪不曾干，长时道不足。昨日设个斋，今朝宰六畜。都缘业使牵，非干情所欲。一度造天堂，百度造地狱。阎罗使来追，合家尽啼哭。炉子边向火，镬子里澡浴。更得出头时，换却汝衣服。”甚至，还指斥某些出家人：“我见出家人，总爱吃酒肉。此合上天堂，却沈归地狱。念得两卷经，欺他道鄙俗。岂知鄙俗士，大有根性熟。”甚至，还批判当时的精英，即读书人：“世有多解人，愚痴学闲文。不忧当来果，唯知造恶因。见佛不解礼，覩僧倍生瞋。五逆十恶辈，三毒以为邻。”

拾得对于自己之诗也有过评价：“我诗也是诗，有人唤作偈。诗偈总一般，读时须子细。缓缓细披寻，不得生容易。依此学修行，大有可笑

事。”拾得认为，自己歌咏的为诗，有人称为偈；不过，“诗偈总一般”。其实，中华传统的诗与南亚传来的偈，还真不一样。

必须指出，今天所看到的拾得和寒山之偈，定然经过修润，变得更像中土传统诗歌，在一定程度上已然失真矣。

三、行者余韵延千载

北宋释赞宁《宋高僧传》首先记述拾得事迹，列入“感通篇”，所记人物的特点为：“逆于常理，感而遂通。化于世间，观之难测。”

之后，释道原《景德传灯录》列“禅门达者虽不出世有名于时者一十人见录”，拾得为第九名。“禅门达者”者，谓修禅而有大成者。“出世”者，禅宗指禅师自度之后，再度他人即教化众化。拾得既师承无名，又不晓后嗣，当然亦无传灯了；既无传灯，当然也就谈不上“出世”了。

这样，拾得被禅宗视为禅门巨匠，实属理所当然。

显然，北宋初年，拾得已然名满佛教界矣。

亦如上述，寒山、拾得关系非常融洽，虽说非同生，但是实共死。亦缘于是，一直被视为和合的典范。

直到今天，浙江省天台县亦以和合文化为标志。

可以说，拾得和其好友寒山，已经成为中华文化中团结友爱的代表形象。

参考文献目录

李利安、张子开、张总、李海波：《四大菩萨与民间信仰》[LU Li-an, ZHANG Zi-kai, ZHANG Zong, LI Hai-bo, Four Bodhisattvas and Folk Beliefs in Ancient Chinese Culture], 上海：上海人民出版社，2011年12月第一版。

《寒山子诗集》附《丰干拾得诗》一卷[“Collection of Han-shan-zi's Poems” with a volume of “Feng-gan & Shi-de Poems”]。上海涵芬楼借印建德周氏景宋刻本，《四部丛刊初编》集部。

张子开：《试论印度佛教典籍的文体——以祇夜、伽陀和修多罗为中心》[ZHANG Zi-kai, “On the Style of Buddhist Classics in India : Centered on geya (गैय), gāthā (गाथा), and Sutra”] // 绵阳师范学院学报，2010年10期，第1—9页。

Е.К. Шулунова
ИКСА РАН

СЦЕНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО СЮН ЮАНЬВЭЯ

Аннотация. Эстетика, концепция китайского режиссера, драматурга, педагога Сюн Юаньвэя формировались в рамках реализма, модернизма, постмодернизма. Реальность, воплощаемая им на сцене в зрелый период его сценической деятельности, стала носить все больше признаки реализма. Обратившись к идеям китайской традиции, морали, он в своей художественной и философской позиции определяет режиссерский эстетический идеал как творческую личность, поступающую нравственно, ответственно. Сценические произведения в его концепции гуманистические, не следующие слепо идеологии, сохраняющие эстетическую функцию.

Ключевые слова: Сюн Юаньвэй, китайский театр, художественная концепция.

Evgenia Shulunova
ICCA RAS

Xiong Yuanwei's creativity

Abstract. The article describes Xiong Yuanwei 's creativity. The aesthetics, the concept of the Chinese director, playwright, teacher Xiong Yuanwei were formed within the framework of the realism, the modernism, the postmodernism. The reality embodied by him on stage in the mature period of his stage activity began to bear signs of the realism. Xiong Yuanwei was referring to the ideas of the Chinese tradition, the morality, in his artistic and philosophical position defines the director's aesthetic ideal as a creative person acting morally, responsibly. The stage works in his concept are humanistic, not following blindly ideology, preserving aesthetic function.

Keywords: Xiong Yuanwei, The Chinese theater, creativity concept.

Сюн Юаньвэй 熊源伟 (10.11.1943—03.01.2023) — один из талантливых деятелей китайского театра последних шести десятилетий. Режиссер, открывающий новые горизонты сценического искусства в Китае. Он был профессором и научным руководителем Шанхайской театральной академии, председателем Шэньчжэньской ассоциации драматургов и профессором Шэньчжэньского университета. С конца 1980-х годов Сюн Юаньвэй в зрелый период своего творчества, показав выдающиеся качества профессионала и тонко чувствующего художника, принял участие в создании оригинальных новаторских театральных постановках Ша Есиня 沙

叶新 и Чжао Яоминя 赵耀民. Последние в то время были самыми влиятельными шанхайскими драматургами страны. Творческое изучение Сюн Юаньвэем театра обогатило теорию китайской драмы, пробудило новое мышление и исследования в мире драматургии — он написал книги, такие как «Введение в режиссуру» 导演入门 (*Даоянь жумэнь*) и «Межличностное общение» 人际传播学 (*Жэньцзи чуаньбосюэ*), «В ожидании темноты — 90 дней театра в Нью-Йорке» 等到天黑—纽约观剧 90 天天 (*Дэн-дао тяньхэй Ньююэ гуаньцзюй 90 тяньтянь*), «На пороге 80-х — комментарий к современной драматургии» 八十年代门槛上——评现代派戏剧 (*Башиняньдай мэнькань шан пин сяньдайдай сицзюй*), «На пороге XXI века — перспективы и размышления о китайской драме» 二十一世纪门槛上——中国话剧的前瞻与思考 (*Эриши шицзи мэнькань шан чжунго хуацзюй дэ цянъчжань юй сыкао*), статьи: «Драматургия и режиссура в новом столетии» 新世纪的戏剧与导演 (*Синьшицзи дэ сицзюй юй даоянь*), «Экспериментальная драматургия и культурная экология — переосмысление феномена шэньчжэньской драмы» 实验戏剧与文化生态—深圳戏剧现象再思考 (*Шянь сицзюй юй вэньчуа шэнтай шэньчжэнь сицзюй сяньсян цзай сыкао*) и другие.

Сюн Юаньвэй, исследовав приемы школы реализма, отводит ее эстетике важное значение. Характерную для реализма эстетическую закономерность «правды» Сюн Юаньвэй сочетает с понятием гуманизма. Он полагает, что художник, создавая сценическое полотно спектакля, может прибегать к синтезу разнообразных жанров, стилей, но произведения должны быть гуманистическими, в них большое место следует отводить артистической индивидуальности, общению со зрителем, сохранению китайской традиции и эстетической функции [熊源伟:我们面对的戏剧世界]. В 1980—1990-е годы режиссер обращает свой взор в сторону искомого идеала китайского театра. Эти попытки осуществления реализованы им в «Чувствах» 情结 (*Цинцзе*), «Человек из глины» 泥巴人 (*Нибажэнь*), «В поисках городской мечты» 都市梦寻 (*Души мэнь сюнь*) и другие. Его режиссерские работы получили множество важных наград, например, премия «Вэньхуа» 文化奖 (*Вэньхуа цзян*), «Золотой лев» 金狮奖 (*Цзиньши цзян*), премия «Выдающийся режиссер» 优秀导演奖 (*Юсю даоянь цзян*), драматическая премия Цао Юя 曹禺戏剧奖 (*Цао Юй сицзюй цзян*). В целом им поставлено более 90 сценических работ, среди которых драмы, оперы, мюзиклы.

Творческий путь Сюн Юаньвэя — поиск идеала китайского сценического искусства в пространстве современной реальности, призыв к моральным ценностям и стремление следовать национальной традиции. Его всецело можно отнести к философии и культуре реализма. Художествен-

ная идеология Сюн Юаньвэя, в которой в первые периоды творческого пути проявлялись черты, отражающие модернистские идеи [深圳话剧“我们在路上”], в зрелые же и последующие годы театральной деятельности художника стали ярче проявляться его качества как реалиста.

Библиографический список

毛夫国. 新时期戏剧观念与小剧场戏剧发展研究 [Мао Фуго. Исследование концепции драматургии в новый период и развития драматургии в малых театрах]. 北京时代华文书局. 2021.

熊源伟:我们面对的戏剧世界 [Сюн Юаньвэй: драматический мир, с которым мы сталкиваемся]. URL: <http://chinawriter.com.cn> (accessed: 31.03.2023).

深圳话剧“我们在路上” [Шэньчжэньская драма “Мы в пути”]. URL: <http://culture.ifeng.com> (accessed: 25.03.2023).

С.В. Яковенко

Независимый исследователь, г. Владивосток

ОБРАЗЫ ДЕМОНИЧЕСКИХ СТАРУХ В СБОРНИКАХ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ СВИТКОВ ТОРИЯМА СЭКИЭН

Аннотация. На протяжении всей истории человечества представители любого народа обращали мистические и непознанные явления в монстров и духов, придавая таким образом смысл и значение этому проявлению собственного опыта. Конкретные формы таких монстров и духов не универсальны, поскольку они обретают свою уникальность, находясь в контексте тех культур и обществ, в которых они появляются, развиваясь и изменяясь в соответствии с желаниями и вызовами людей, характерных для того или иного исторического периода.

Свойственные культуре любого народа представители низшей мифологии или народной демонологии в Японии принято обозначать термином *ё:кай*. Составленный из двух иероглифов: «волшебный» и «загадочный», на русский язык он переводится как духи, гоблины, фантомы, спектры, феи, оборотни, демоны, фантастические существа, монстры, хотя в европейской традиции это всё слишком разнообразные классы объектов. Известный японский культурный антрополог и исследователь *ё:кай* Комацу Кадзухико определяет их как «трансцендентные явления или существования, связанные со страхом».

Ключевые слова: Торияма Сэкиэн, ё:кай, Гадзу Хякки Ягё:, Япония.

S.V. Yakovenko*Independent researcher, Vladivostok*

Images of demonic old women in collections of illustrated scrolls of Toriyama Sekien

Abstract. Throughout the history of mankind, representatives of any nation have turned mystical and unknown phenomena into monsters and spirits, thus giving meaning and significance to this manifestation of their own experience. The specific forms of such monsters and spirits are not seen as universal at all, since they acquire their uniqueness, being in the context of the cultures and societies in which they appear, developing and changing in accordance with the desires and challenges of people characteristic of a particular historical period.

Representatives of lower mythology or folk demonology characteristic of the culture of any people in Japan are usually denoted by the term *yōkai*. Composed of two hieroglyphs: “magical” and “mysterious”, it is translated into Russian as spirits, goblins, phantoms, spectra, fairies, werewolves, demons, fantastic crea-

tures, monsters, although in the European tradition these are all too diverse classes of objects. Renowned Japanese cultural anthropologist and *yōkai* researcher Komatsu Kazuhiko defines them as “transcendent phenomena or existences associated with fear”.

Keywords: Toriyama Sekien, *yōkai*, Gazu Hyakki Yagyō, Japan.

Изучение отдельных образов низшей мифологии крайне важно для исторической науки, ведь в них в сжатом виде заложена информация о восприятии человеком того времени, когда оно было придумано, окружающего мира. Отношения между человеком и человеком, человеком и природой, обращение непознанного в мифический персонаж характерно для древней и средневековой Японии.

Особый вклад в развитии феномена *ё:кай* внес художник периода Эдо (1603—1867) Торияма Сэкиэн (鳥山石燕, 1712—1788), которого можно назвать основоположником визуализации образов *ё:кай*. Изданные им сборники «Гадзу Хякки Ягё:» (画図百鬼夜行, Иллюстрированный ночной парад сотен демонов, 1776), «Кондзяку Гадзу Дзоку Хякки» (今昔画図続百鬼, Иллюстрированные сотни демонов из Настоящего и Прошлого, 1779), «Кондзяку Хякки Сюи» (今昔百鬼拾遺, Дополнение к сотням демонов из Настоящего и Прошлого, 1781) и «Хякки Цурэдзурэ Букуро» (百器徒然袋, Иллюстрированный мешок одной сотни разных демонов, 1784) включают иллюстрированные записи о 207 *ё:кай*.

Хикэси-баба: 火消婆. *Ё:кай* в образе старухи, которая тушит огни бумажных фонариков в домах. Поскольку *ё:кай* — мрачные существа и не очень хорошо ладят с жизнерадостными явлениями, такими как огонь, говорят, что существование, которое гасит огонь, является *хикэси-баба*: [村上健司 2000, 279].

Отмечается, что существует высокая вероятность того, что это *ё:кай*, созданный Торияма [村上健司 2000, 279] в качестве сатиры на район удовольствий Ёсивара периода Эдо [多田克己 2006, 20]. Другая теория состоит в том, что он был создан по образцу старой куртизанки, чтобы высеять ужас венерических заболеваний [多田克己 2008, 311].

Осирои-баба: 白粉婆. Также *Осирои Ба:-сан* (白粉婆さん). В «Кондзяку хякки сю:и» Торияма Сэкиэн она изображена как сильно согбенная старуха с большим порванным зонтом на голове, тростью в правой руке и бутылкой сакэ в левой. Согласно комментарию, *осирои-баба*: прислуживают *Сифун Сэндзё*: (脂粉仙娘) — богине румян и макияжа. Все лицо покрыто белой пудрой, но очень густо и ужасно грубо, и говорят, что один взгляд на него вызывает страх [草野巧 1997, 66].

Согласно «Иллюстрированному собранию фольклорных исследований» (図説民俗学全集) фольклориста Фудзисава Морихико (1885—1967), они представляют собой тот же вид *ё:кай*, что и *юки-онна*, и, как говорят,

появляются в районе Ното префектуры Исикава снежными ночами в поисках сакэ [藤沢衛彦 1960, 121]. Существование такой традиции не было подтверждено в Ното, и указывается, что Фудзисава создал ее, связав с «Кондзяку Хякки Сю:и» [多田克己 2005、399].

Библиографический список

草野巧 『幻想動物事典』 [Кусано Такуми. Энциклопедия фантастических животных] 新紀元社、1997年、374頁。

多田克己「絵解き 画図百鬼夜行の妖怪」 [Тада Кацуми. Расшифровка картинок. Ё:кай из Гадзу Хякки Ягё:] // 『怪』 vol.0018、角川書店、2005年、432頁。

多田克己、京極夏彦『百鬼解説』 [Тада Кацуми, Кё:гоку Нацухико. Расшифровка ё:кай] 講談社、2006年、360頁。

多田克己、京極夏彦『妖怪画本 狂歌百物語』 [Тада Кацуми, Кё:гоку Нацухико. Иллюстрированная книга ё:кай. Кё:ка хяку-мологатари] 国書刊行会、2008年、321頁。

藤沢衛彦『図説日本民俗学全集』 [Фудзисава Морихико. Иллюстрированное собрание фольклорных исследований] 第4巻、あかね書房、1960年、121頁。

村上健司『妖怪事典』 [Мураками Кэндзи. Энциклопедия ё:кай] 毎日新聞社、2000年、418頁。

Сведения об авторах Information about authors

АБРАМЕНКО Владимир Петрович, к. т. н., в. н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-6746-9028

E-mail: Abramenko@iccaras.ru

Vladimir ABRAMENKO, PhD (Technical), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-6746-9028. E-mail: Abramenko@iccaras.ru

АБРАМОВ Сергей Александрович, исследователь Миланского университета Бикокка

ORCID: 0000-0001-6968-033X

E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

Sergey ABRAMOV, Researcher, University of Milano-Bicocca.

ORCID: 0000-0001-6968-033X. E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

БАРСКИЙ Кирилл Михайлович, к. ист. н., и.о. заведующего Кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, профессор Кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, МГИМО МИД России, Москва. В.

E-mail: kirill_barsky@yahoo.com

Kirill BARSKY, PhD (History), Acting Head of Department of Diplomacy, MGIMO University, Professor of Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Lao Languages, MGIMO University, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, MGIMO University. E-mail: kirill_barsky@yahoo.com

БАШКЕЕВ Виктор Викторович, н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-2785-1281

E-mail: bashkeev@iccaras.ru

Victor BASHKEEV, Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-2785-1281. E-mail: bashkeev@iccaras.ru

БЕЛАЯ Ирина Витальевна, д. филос. н., ведущий научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН; ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-3453-4196. E-mail: belaya-irina@rambler.ru

Irina BELAYA, DSc in Philosophy, Leading Researcher Associate, China Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-3453-4196.

E-mail: belaya-irina@rambler.ru

БЕРЕЗКИН Ростислав Владимирович, к. филол. н., PhD, Фуданьский Университет, Институт Гуманитарных Исследований (КНР), с.н.с./ИБ РАН, с.н.с.

ORCID: 0000-0003-1924-8535

E-mail: berezkin56@yandex.ru

Rostislav Berezkin, PRC, PhD, Fudan University (China), senior research fellow/ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, senior research fellow. ORCID: 0000-0003-1924-8535. E-mail: berezkin56@yandex.ru

БЛАЖКИНА Анастасия Юрьевна, к. филос. н., с. н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-8313-5917

E-mail: myshashu@yandex.ru

Anastasia BLAZHKINA, PhD (Philosophy), Senior Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-8313-5917. E-mail: myshashu@yandex.ru

БОБРИКОВА Елена Андреевна, старший преподаватель кафедры китайской филологии ИСАА МГУ

E-mail: eabobrikova@gmail.com

Elena BOBRIKOVA, Senior Lecturer, Department of Chinese Philology, ISAA MSU. Email: eabobrikova@gmail.com

ВАН Е 王叶, доктор наук, Сычуаньский университет иностранных языков

E-mail: 398503277@qq.com

WANG Ye, Ph.D., Sichuan University of Foreign Studies

E-mail: 398503277@qq.com

ВАН Ицюнь 王逸群, Зам. зав. Центром по изучению современной России, доцент Института международных отношений, Сычуаньский университет

E-mail: 770972623@qq.com

WANG Yiqun, Deputy Head of the Center for the Study of Contemporary Russia, Associate Professor at the Institute of International Relations, Sichuan University

E-mail: 770972623@qq.com

ВЕРЧЕНКО Алла Леонидовна, с. н. с. Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-8718-8338

E-mail: veailan@yahoo.com

Alla VERCHENKO, Senior Researcher, Center for Modern History of China and China-Russia Relations, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

ВИНОГРОДСКАЯ Вероника Брониславовна, к. филол. н., в. н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-3878-1282

E-mail: vinogrodskaya@ifes-ras.ru

Veronika VINOGRODSKAYA, Ph.D. (Philology), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-3878-1282.

E-mail: vinogrodskaya@ifes-ras.ru

ГЛАВЕВА Диана Георгиевна, к. филол. н., старший научный сотрудник научного центра «Глобальный Диалог», Амстердам

E-mail: dianaglaveva@yahoo.com

Diana GLAVEVA, PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Global Dialog, Amsterdam. E-mail: dianaglaveva@yahoo.com

ДОНДОКОВА Максара Юрьевна, к. филол. н., доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков, МГИМО МИД России

ORCID: 0000-0002-5880-3557

E-mail: m.dondokova@my.mgimo.ru

Maksara DONDOKOVA, PhD (Philology), Associated Professor MGIMO University. ORCID: 0000-0002-5880-3557. E-mail: m.dondokova@my.mgimo.ru

ДОНЧЕНКО Анна Ильинична, н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-9044-3707

E-mail: an.donchenko@gmail.com

Anna DONCHENKO, Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-9044-3707. E-mail: an.donchenko@gmail.com

ЕМЕЛЬЧЕНКОВА Елена Николаевна, к. филол. н., доцент, заведующая Кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки СПбГУ

ORCID: 0000-0001-5090-3011

E-mail: emelchenkova@gmail.com

Elena EMELCHENKOVA, PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Training in Languages and Cultures of Asia and Africa, St. Petersburg University. ORCID: 0000-0001-5090-3011.

E-mail: emelchenkova@gmail.com

ЖАНЬ Цзиньхун 冉锦红, аспирант философского факультета МГУ им. Ломоносова

E-mail: furongran@yandex.ru

JAN Jinhong, Postgraduate student of Moscow State University. E-mail: furongran@yandex.ru

ЖИЛКИБАЕВ Санат Нурулович, независимый исследователь (г. Оренбург)

ORCID: 0000-0001-8079-9075

E-mail: prozrach@mail.ru

Sanat ZHILKIBAEV, independent researcher (Orenburg). ORCID: 0000-0001-8079-9075. E-mail: prozrach@mail.ru

ЗАВИДОВСКАЯ Екатерина Александровна, к. филол. н., в. н. с. Института Китая и современной Азии РАН, доцент Брянского государственного университета

ORCID: 0000-0002-8369-7776

E-mail : katushaza@yahoo.com

Ekaterina ZAVIDOVSKAYA, PhD (Philology), lead research fellow in Institute of China and Modern Asia, associate professor of Bryansk State University. ORCID: 0000-0002-8369-7776. E-mail : katushaza@yahoo.com

ЗАВЬЯЛОВА Ольга Исааковна, д. филол. н., г. н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0003-3355-4598

E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

Olga ZAVYALOVA, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3355-4598.

E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

ЗИГАНЬШИН Ринат Махмутович, к. филос. н., н.с. Института востоковедения РАН

E-mail: rinatzigan@mail.ru

Rinat ZIGANSHIN, Ph.D. (Philosophy), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: rinatzigan@mail.ru

ИВОВИЧ Екатерина Владимировна, Магистр стратегического менеджмента НИУ-ВШЭ, Директор проектов, BDC, Consulting

Email: ivovich.e@gmail.com

Ekaterina IVOVICH, Master's Degree in Strategic Management, Project Director, BDC, Consulting. Email: ivovich.e@gmail.com

ИСАЕВ Александр Сергеевич, к. и. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Китая и современной Азии РАН

E-mail: Aisaev51@mail.ru

Alexander ISAEV, PhD (History), Leading Researcher of the Center for the Study and Forecasting of Russian-Chinese Relations, Institute of China and Contemporary Asia Russian Academy of Sciences. E-mail: Aisaev51@mail.ru

КАРПЕНКО Елена Васильевна, к. и. н., старший научный сотрудник Музея СФУ

E-mail: sinaeva@mail.ru

Elena KARPENKO, PhD (History), Senior Researcher of SFU Museum. E-mail: sinaeva@mail.ru

КВАРТАЛОВА Наталия Леонидовна, к. филос. н., ведущий научный сотрудник, Центр изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-1439-9716

E-mail: kvartalova@iccaras.ru

Nataliya KVARTALOVA, PhD (Philosophy), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-1439-9716.

E-mail: kvartalova@iccaras.ru

КОВАЛЬ Владимир Иванович, доктор филол. наук, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины

ORCID: 0000-0002-9152-0858

E-mail: vlad-kov@mail.ru

Vladimir KOVAL, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics of the Gomel State University named after F. Skorina. ORCID: 0000-0002-9152-0858. E-mail: vlad-kov@mail.ru

КОРОБИЦЫНА Анна Константиновна, м. н. с. отдела Китая, Институт востоковедения РАН

ORCID: 0000-0002-6881-3978

E-mail: secret_order@mail.ru

Anna KOROBITSYNA, Junior Research Associate, Department of China, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-6881-3978. E-mail: secret_order@mail.ru

КОРОВОВА Анастасия Николаевна, к. филос. н., в. н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0003-1536-4344

E-mail: korobova@iccaras.ru

Anastasia KOROBOVA, PhD (Philology), Leading Researcher, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-1536-4344. E-mail: korobova@iccaras.ru

КРУШИНСКИЙ Андрей Андреевич, д. филос. н., г. н. с. Института Китая и современной Азии РАН, почта не указана

ORCID: 0000-0003-1126-3853

E-mail: krushinskiyAA@iccaras.ru

Andrei KRUSHINSKY, DSc in Philosophy, Leading Researcher Associate, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1126-3853. E-mail: krushinskiyAA@iccaras.ru

КУЛИКОВА Анастасия Андреевна, аспирант Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета

E-mail: st099008@student.spbu.ru

Anastasiia KULIKOVA, postgraduate student of St. Petersburg University (Department of Asian and African Studies) E-mail: st099008@student.spbu.ru

КУТАФЬЕВА Наталия Витальевна, к. филол. н., доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, директор центра изучения японского языка Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

ORCID: 0000-0002-3656-8365

E-mail: natasha7362@mail.ru

Nataliia KUTAFEVA, PhD (Philology), associate professor of Oriental studies cathedra of Humanitarian Institute of Novosibirsk State University, Director of Center for Japanese studies of Humanitarian Institute of Novosibirsk State University. ORCID: 0000-0002-3656-8365. E-mail: natasha7362@mail.ru

МАЛАЯ Вера Михайловна, старший преподаватель Института общественных наук кафедры иностранных языков РАНХиГС

E-mail: malaiavm@gmail.com

Vera MALAYA, Senior Lecturer at the Institute of Social Sciences, Department of Foreign Languages, RANEPА. E-mail: malaiavm@gmail.com

МЕРКУЛОВ Катенарий Катенарьевич, д. э. н., к. и. н., с. н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-6244-1800

E-mail: katenariy@gmail.com

Katenariy MERKULOV, DSc (Economics), PhD (History); Senior Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-6244-1800.

E-mail: katenariy@gmail.com

МИТЬКИНА Евгения Иосифовна, к. филол. н., доцент, кафедра китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

ORCID: 0000-0002-3111-6810

E-mail: e.mitkina@spbu.ru

Evgenia MITKINA, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University. ORCID: 0000-0002-3111-6810.

E-mail: e.mitkina@spbu.ru

МИХАЛЬКОВА Надежда Васильевна, к. филол. н., доцент кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета

ORCID: 0000-0003-4442-3139

E-mail: nadezhdakr@yandex.ru, gengjianhunandaxue@gmail.com

Nadezhda MIKHALKOVA, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Theory and Practice of the Chinese Language, Minsk State Linguistic University. ORCID 0000-0003-4442-3139.

E-mail: nadezhdakr@yandex.ru, gengjianhunandaxue@gmail.com

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна, к. ист. н., с. н. с. Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН. ORCID: 0000-0001-7952-6299. E-mail: k.muratshina@ivran.ru

Ksenia Muratshina, PhD (History), Senior Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-7952-6299. E-mail: k.muratshina@ivran.ru

ПЕРЕГУДИН Константин Валерьевич (Иеромонах Кирилл), сотрудник Секретариата по делам дальнего зарубежья Отдела внешних церковных связей
E-mail: ovcs.k.peregudin@patriarchia.ru

Konstantin PEREGUDIN (Hieromonk Kirill), Staff member of the secretariat for far abroad countries, Moscow Patriarchate's Department for External Church Relations. E-mail: ovcs.k.peregudin@patriarchia.ru

ПИКОВЕР Александр Владимирович, с. н. с. Института Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-1266-0909

E-mail: pikover@mail.ru

Alexander PIKOVER, senior researcher of Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-1266-0909.

E-mail: pikover@mail.ru

ПИЦЦОВ Константин Михайлович, к. ист. н., с. н. с. Отдела сравнительного культуроведения, Институт Востоковедения РАН

ORCID: 0000-0002-7594-4466

E-mail: pistsov-gmv@mail.ru

Konstantin PISTSOV, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Department of Comparative cultural Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-7594-4466. E-mail: pistsov-gmv@mail.ru

ПУШКАРСКАЯ Наталья Вячеславовна, н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0001-5372-5281

E-mail: pushkarskaya@ifes-ras.ru

Natalia PUSHKARSKAIA, Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-5372-5281. E-mail: pushkarskaya@ifes-ras.ru

ПЭН Юхай 彭玉海, профессор Сычуаньского университета

E-mail: ccttcenn@scu.edu.cn

PENG Yuhai, professor at Sichuan University. E-mail: ccttcenn@scu.edu.cn

РЯБУХИН Игорь Николаевич, студент 3 курса кафедры китаеведения, Амурский Государственный Университет

E-mail: yizhixi@mail.ru

Igor RIABUKHIN, 3rd-year student of the Department of Chinese Studies, Amur State University; E-mail: yizhixi@mail.ru

СЕМЕНЮК Мария Владимировна, к. филол. н., доцент кафедры китайской филологии, Институт стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова

E-mail: novembertune@yandex.ru

Maria SEMENYUK, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: novembertune@yandex.ru

СЕРОВА Светлана Андреевна, д.и.н., г.н.с., Институт востоковедения РАН

ORCID: 0000-0002-8238-2406

E-mail: tuzinat@inbox.ru

Svetlana SEROVA, D.Sc. (History), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS. ORCID: 0000-0002-8238-2406. E-mail: tuzinat@inbox.ru

СТАНЬЕВА Владислава Владимировна, аспирант Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

E-mail: vladastaneva@gmail.com

Vladislava STANEVA, Postgraduate student of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera). E-mail: vladastaneva@gmail.com

СТАРОСТИНА Аглая Борисовна, к. филос. н., с.н.с., Институт востоковедения РАН

ORCID: 0000-0002-2421-2484

E-mail: abstarostina@gmail.com

Aglaia STAROSTINA, Ph.D. (Philosophy), Senior researcher, Institute of Oriental Studies RAS. ORCID: 0000-0002-2421-2484. E-mail: abstarostina@gmail.com

Хуан ЛИЛЯН 黄立良, Факультет МЭиМП НИУ ВШЭ, РАНХиГС ИБДА

E-mail: liliang1017@mail.ru

Juan LILIAN, Faculty of ME&MP HSE, RANEPА IBDA.

E-mail: liliang1017@mail.ru

ЦОЙ Инна Валерияновна, к. филол. н., доцент кафедры корееведения СПбГУ

ORCID: 0000-0001-9462-5420

E-mail: i.tsoy@spbu.ru

Inna TSOY, Russian Federation, PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Korean Studies, Saint Petersburg State University. ORCID: 0000-0001-9462-5420. E-mail: i.tsoy@spbu.ru

ЧИГАДАЕВ Алексей Александрович, магистрант программы «Китайские исследования» Лейпцигского университета, Институт изучения Восточной Азии

ORCID: 0009-0003-5496-282

E-mail: alchigfei@gmail.com

Aleksei CHIGADAEV, Master of Chinese Studies, Leipzig University, Institute of East Asian Studies. ORCID: 0009-0003-5496-282X. E-mail: alchigfei@gmail.com

ЧЖАН Юн 张勇, профессор факультета литературы и журналистики Сычуаньского университета

E-mail: zikai99@163.com

ZHANG Yong, professor at the Faculty of Literature and Journalism, Sichuan University. E-mail: zikai99@163.com

ШУЛУНОВА Евгения Константиновна, к. филол. н., с. н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0003-3091-814

E-mail: shulunova@iccaras.ru

Evgenia SHULUNOVA, Ph.D. (Philology), Senior Research, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3091-814; E-mail: shulunova@iccaras.ru

ЯКОВЕНКО Сергей Викторович, независимый исследователь, г. Владивосток

ORCID: 0000-0001-8324-3849

E-mail: s.v.jaco@gmail.com

Sergey YAKOVENKO, independent researcher, Vladivostok

ORCID: 0000-0001-8324-3849. E-mail: s.v.jaco@gmail.com

Научное издание

**Тезисы докладов
XXIV Международной научной конференции
«Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура»**

Москва, 7—8 июня 2023 г.

Выпускающий редактор *Е.В. Белкина*

Корректор *Н.Б. Потапова*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Ивашиной*

Подписано в печать 12.12.2023.

ФГАУН ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.

ISBN 978-5-8381-0468-7

9 785838 104687